9-Т-2
Д 5Н к.

ДНЕВНИК
А. Н. КУРОПАТКИНА

992

ПРЕДИСЛОВИЕ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

3174

„НИЖПОЛИГРАФ"
1923

„ЧИЖИКПОЛИГРАФ"

Государственная
Краснодарская
краевая
48489-52

Гублит. № 542 Тираж—3000

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Дневник А. Н. Куропаткина, бывшего военного министра Николая II и главнокомандующего русскою армиею в Маньчжурии в 1904—1905 годах, печатается нами с копии, по всем данным вполне точной. К сожалению, копия содержит в себе лишь ч а с т ь дневника—с 17 ноября 1902 года по 7 февраля 1904, день назначения Куропаткина командующим маньчжурской армией [1]).

О том, что Куропаткин ведет дневник, было широко известно в петербургских кругах. Повидимому, он охотно читал выдержки из него своим знакомым, при чем не все оставались одинаково довольны тем, что они находили там о себе [2]). Знал о дневнике и Николай II. Знал настолько, что Куропаткин при разговорах с царем ссылался на свой дневник, как на своего рода документ (см. запись под 19 августа 1903 г.). По словам Витте, отдельные тетрадки дневника бывали и в руках Николая. Все это достаточно об'ясняет ту настойчивость, с которой после революции спешили изъять дневник из ненадлежащих рук. Подлинник его хранился в московском архиве военного ведомства (Лефортовском), вместе с другими бумагами Куропаткина: все было сдано им в архив при от'езде его на империалистскую войну, в 1915 году. В январе 1918 г. в архив явился бывш. член военного совета, ген. Нищенков, снабженный (увы!) соответствующими полномочиями от военных властей, и увез из куропаткинских бумаг—только дневник. Все прочее осталось в неприкосновенности.—дневник исчез неизвестно куда. Сколько мы знаем, не найден он и там, где находился Куропаткин в последние месяцы своей жизни. Бывший начальник штаба Скобелева, видевший своими глазами больше «военных действий», чем какой бы то ни было русский генерал нашей эпохи, кончил, для такой карьеры,

[1]) Всего в распоряжении редакции имеются копии четырех тетрадей, помеченных №№ 16, 17, 18 и 19.

[2]) См. гр. С. Ю. Витте, Воспоминания, I, стр. 141.

весьма прозаически: был убит бандитами на своей родине, где он скромно подвизался после 1917 года в качестве сельского учителя.

Есть все основания думать, что Нищенков действовал по поручению более крупных и ответственных белогвардейцев, нежели превратившийся в заурядного обывателя автор дневника. Разоблачающее значение куропаткинского дневника отнюдь не в том, чего боялись коронованные «хозяева» в записках Витте, например. У Куропаткина и следа нет той ядовитой критики всего, что не им или «не по его» сделано, критики, которая так блестяща, а иногда и так надоедлива у родоначальника винной монополии в первый период своего министерского существования и русской конституции в последний. Куропаткин—преданный холоп, способный умилиться даже тем, как в. кн. Ольга, сестра Николая, «больно укусила государя своими белыми зубами за руку»: эта выходка августейшей вырожденки тоже удостоилась занесения в дневник... И именно этой наивной преданностью он ужасен. Все глупости и подлости, сказанные при нем «обожаемым монархом», воспроизведены с такой же благоговейностью: в итоге получается такой букет, что даже знаменитое собрание речей Николая перед ним пасует. А это собрание более умные романовские холопы не даром поспешили уничтожить, едва оно показалось на свет.

Вот маленькие образчики того, что получается из верноподданнической добросовестности генерала Куропаткина. Запись под 14 апр. 1903 г.: «Перед отъездом сидел у меня час времени В. К. Плеве. Говорили о беспорядках в Кишиневе и Кронштадте. Как и от государя, я слышал от Плеве, что евреев следовало проучить, что они зазнались и в революционном движении идут впереди». Можно после этого сомневаться, что Кишиневский погром был организован Плеве с ведома и согласия Николая?

Или вот еще запись от 31 августа того же года. «Николай говорил о разных национальностях в нашей армии. С доверием относится к магометанам. Не верит особо полякам. Несколько брезгливо относится к белоруссам (!) и вполне презрительно к евреям». Разве это не программа «национальной политики» царствования—если не двух царствований, ибо в этом более, нежели в чем-либо другом, Николай был сыном своего отца?

Больше всего, естественно, военный министр мог запечатлеть штрихов из области внешней политики, ближе всего его касавшейся. Дневник прежде всего дает понять, как

глубоко уходят в прошлое корни империалистской войны. Уже в 1902 году (запись 17 ноября) вполне практически ставился вопрос о западном фронте, точнее о двух фронтах, германском и австро-румынском (Румыния рассматривалась тогда, как входящая в орбиту тройственного союза). Первым должен был командовать Николай Николаевич — главковерх 1914 года, вторым—Куропаткин. К этой теме он и царь возвращались неоднократно, при чем война все время рисовалась обоим, как дело совершенно неизбежное, вопрос только во времени. У Куропаткина это было вполне искренно и серьезно. Насколько то же было со стороны Николая? Тут проскальзывают местами сомнительные ноты... «Вильгельм»,—говорил царь.—«в последнее наше свидание так был дружески расположен ко мне и к России, как никогда. Он и не скрывал причины: его тревожит Англия, а еще более Америка». Государь прибавил, что «Америка и его тревожит» (запись под 9 декабря 1903 г.). Эту тенденцию замечал и министр иностранных дел. «Он, Ламсдорф, видит, как государя подталкивают к войне (с Японией) даже со стороны Германии. Вильгельм все справляется, цел ли еще Безобразов, ибо это—их надежный союзник» (запись от 11 декабря). Но у Вильгельма был и другой союзник в этом вопросе—или, по крайней мере, была очень послушная ученица, стоившая союзника. Когда Куропаткин попробовал приструнить Александру Федоровну перспективой европейской войны, в которой мы уменьшаем наши шансы, перебрасывая силы и средства на Дальний Восток, «государыня выразила уверенность, что до европейской войны не допустят, но что теперь страшно нашествие желтой расы и что ей надо дать отпор и пр.» (запись под 24 августа 1903 г.).

Что все это было лишь идеологической драпировкой карманных интересов дома Романовых, видно из дневника тоже достаточно ясно. «Главным образом государь держится за Ялу и не хочет соглашаться, чтобы это предприятие стало совершенно частным» (12 авг. 1903 г.). Во имя этого велась двойная игра: Алексеев намеренно затягивал переговоры с Японией (запись под 24 ноября 1903), царь особым шифром переписывался с Безобразовым (запись 16 февраля) и т. д. Для характеристики самого Безобразова, в этот момент форменного «временщика», дневник тоже дает драгоценные черточки. Чрезвычайно характерно для этого личного доверенного Николая его стремление к союзу... с хунхузами. На их благосклонном содействии вертелся, в конце-концов, весь его план (1 декабря 1902). Это не то, чтобы было очень важно—хунхузы (хотя и наня-

тые формально, в виде «артели») все же не помогли,—но ставит в надлежащие психологические рамки сотрудничество Николая с уголовными элементами во время погромов 1905 г.

Ничто другое так не оправдывает эпитет «авантюра», давно прилагающийся к дальневосточной политике Николая, как эти страницы дневника его преданного холопа. И ни откуда так не ясно, что «предприятие на Ялу» было в сущности только ширмочкой, за которой скрывались неизмеримо более грандиозные планы. Чтобы придать этой декорации более реальный вид, покупали лес... у американцев (запись под 26 ноября 1903). Захватить имели в виду всю Корею. Фактически же захватнические планы Николая шли гораздо дальше и этого. Но соответствующее место дневника так важно, что его надо привести целиком.

Беседуя однажды с Витте (эти беседы двух министров происходили чаще всего... в манеже: Витте был страстный любитель верховой езды, а Куропаткин упражнялся в ней, так сказать, по должности). Куропаткин так резюмировал свои впечатления от Николая. «Я говорил Витте, что у нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, итти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы. Что мы, министры, по местным обстоятельствам задерживаем государя в осуществлении его мечтаний, но все разочаровываем: он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России. Поэтому каждый Безобразов, который поет в унисон, кажется государю более правильно понимающим его замыслы, чем мы, министры. Поэтому государь и хитрит с нами, но что он быстро крепнет опытностью и разумом, и по моему мнению, несмотря на врожденную недоверчивость в характере, скоро сбросит с себя подпорки, вроде Хлопова, Мещерского и Безобразова, и будет прямо и твердо ставить нам свое мнение и свою волю.—Витте сказал мне, что он вполне присоединяется к моему диагнозу...» (запись под 16 февраля 1903 года).

Присоединение Витте к этой характеристике едва ли было искренним—из записок этого, тоже в своем роде «верного слуги» самодержавия, мы знаем, какого он был мнения об уме и способностях «возлюбленного монарха». Но ограниченность Николая нисколько не делает менее вероятными те тенденции его внешней политики, характеристика которых у Куропаткина, по всей вероятности, просто представляла собою резюме его почти ежедневных разговоров с царем. Конкретные

примеры мы находим в той же части дневника. 3 января 1904 года (всего за три недели до начала японской войны!) Куропаткин докладывал Николаю «о посылке калмыка, под'эсаула Уланова, в Тибет—разузнать, что там делается, и особенно, что там делают англичане. Государь соизволил, чтобы это было частная поездка на свой страх и риск. Приказал посоветовать Уланову разжечь там тибетцев против англичан. О таковом приказании государь сказал, чтобы я не говорил Ламсдорфу» (министру иностранных дел).

Вот и еще одна авантюра,—не доведенная до конца только потому, что японцы помешали. Какими мелкими при свете таких «разоблачений» кажутся старые газетные об'яснения японской войны желанием Плеве «отвлечь внимание от внутренней политики» и т. под. Наличность таких желаний у Плеве неопровержимо доказывается тем же дневником,—но они сыграли роль лишь последнего камешка, обрушившего давно скопившуюся лавину. Если сводить дело к суб'ективным об'яснениям, суть была не в этом, суть была в том империалистическом авантюризме, который жил в крови последнего представителя династии. Николай жадно тянул руки ко всему, что, казалось ему, плохо лежит: ограниченность его сказывалась в том, что он не умел разобрать, что именно плохо лежит, и больно получал по рукам...

М. Покровский.

Дневник А. Н. Куропаткина.

№ 16.

С 17 ноября 1902 года по 6 марта 1903 года.

17 ноября 1902 г.

Приехал в Петербург из Крыма 10 ноября. 12 ноября был у вел. князя Никол(ая) Никол(аевича). Сидел 2 часа. Все время обсуждали исполнение воли государя, дабы в случае войны Ник(олай) Ник(олаевич) был главнокомандующим войск германского фронта, а я—главнокомандующим войск австро-румынского фронта.

Ник. Ник. говорил мне, что им получено письмо государя, в котором значилось это предназначенье, при чем войска фронта, которыми я назначаюсь командовать, названы: австро-румынским фронтом. В том же письме значилась воля государя, чтобы и при этих назначениях высочайше утвержденное расписание № 18 осталось без перемены, с тем, чтобы изменения в плане действий, кои признает сделать нужным великий князь, отразились бы лишь на расписании № 19. В письме указывалось, что государь передал мне свою волю, дабы командующие войсками в округах были поставлены в известность о сих важных решениях государя. По этому вопросу вел. князь высказал мнение, что лучше, чтобы сам государь лично сообщил им об этом свою волю.

Мы обсуждали вопрос и о том, пускать ли В. В. Сахарова в одесский военный округ или задержать его в главном штабе, дабы государь мог иметь в нем надежного начальника штаба верховного главнокомандующего. Условились, что надо задержать. Ник. Ник. сказал мне, что на должность нач-ка своего штаба он преднаметил Палицына: «я его давно знаю и мы друг друга дополняем». Я для этой должности наметил ген. Сухомлинова.

Наиболее тревожит меня предвзятость, повидимому, мнения Ник. Ник. относительно того плана, который он предложит государю, по получении по его приказанию плана, ныне принятого по расписанию № 18. Я указывал князю, что не позволит ли он мне с Сахаровым, в присутствии Палицына, ознакомить его самым подробным образом со всеми нашими расчетами и соображениями, на основании коих принят план № 18, что тогда он увидит лучше, что, по его мнению, следует переменить. Но Ник. Ник. стоял на своем, что ему этого не надо, как бы указывая, что решение его уже принято. Я всего более боюсь, что это будет решение для нас невыгодное—отдать без борьбы весь передовой театр и, не принимая боя на Нареве или у Белостока или Червонноборской позиции, и отступить к Барановичам или Минску.

Виделся с С. Ю. Витте. Говорили о Сипягине. Передал мне, что когда убили Сипягина, наследник приехал в свою батарею и разговаривал с офицерами. Один из них сказал ему, что жаль, что употребили такое средство, но что Сипягин заслужил это. Будто наследник отвернулся и сказал: «Вам не следовало бы говорить это наследнику».

Сидел у Обручева. Я говорил ему, что полк. Мулен составляет в Париже новое соглашение с Францией против Англии и указывал на опасность для нас новых соглашений. Говорил, что с Англией у нас нет поводов иметь войну, а таковые у Франции и Германии есть, но что мы более других угрозою движения к Индии страшим Англию. При этих условиях мы будем поставлены в возможность нести тяжкие жертвы для интересов других.

Обручев передал мне, что в год поездки на большие маневры в Германию и Австрию, кажется в 1897 году или в 1896 году, он говорил с гр. Муравьевым о возможности коалиции Германии, Франции и России против Англии. Что Муравьев обещал этот вопрос изучить. Что Вильгельм на маневрах намекал ему, Обручеву, как бы он был рад такому соглашению, что его мечта прописать Англии мир в Лондоне. В бытность в том же году в Париже Обручев виделся с Фором и сообщил ему свои мысли. Что Фор ответил, что вопрос этот достоин изучения.

Я указывал Обручеву, что более всего боюсь, как бы французы, получив отпор от нас, не обратились к Германии для соглашения с нею против Англии. Что этим актом совершенно ослабится значение нашего договора с Францией.

Обручев, только что приехавший из Франции, указал, что охлаждение к нам уже замечается. Что социалисты и радикалы, в руках коих теперь находится власть, с недоверием относятся к России, ибо самодержавный режим им ненавистен.

Обручев говорил еще, что у них в Море (их имение во Франции) был Андре, французский военный министр. Вспоминал обо мне. Ждет меня во Францию. Производил расследование о нескольких умерших во время маневров французских солдатах.

28 ноября.

Празднуем 25-летие освободительной войны. По моему предложению, государь издал приказ по армии и флоту: 140 заслуженных капитанов, наиболее отличившихся в прошлую войну, производятся в подполковники.

Сейчас сидел у меня министр юстиции Муравьев. Смотрит на дела мрачно. Недоволен холодностью к нему государя. Прежде, по его словам, отношения были иные. Испортились со времени назначения Сипягина министром. Он, Муравьев, был в числе кандидатов в министры внутренних дел. Очень, по-видимому, хотел этого. Прозрачно высказывает подозрение, что его провалил Витте. Отсюда, думаю, идет нескрываемая ненависть Муравьева к Витте. Муравьев жалуется на недоверие к министрам государя. Говорил: государь хочет знать истину, но ищет ее по корридорам, по закоулкам, слушает разных Хлоповых [1]) и т. д. Если не верить тому или другому министру, то надо сменить его—это правильнее.

По его, Муравьева, словам, программа действий на будущее должна бы заключать в себе четыре пункта:

1) Сменить Витте.

2) Заняться улучшением положения рабочего населения России.

3) Вернуть доверие земству.

4) Начать допускать земских людей (людей от земли—говорил Муравьев) к участию в том или другом виде в обсуждении государственных дел.

29 ноября.

Странное мы переживаем время. Смута растет. Растет и общее недовольство. К сожалению, с разных сторон доходят сведения, что это недовольство распространяется и на личность государя. С глубоким сочувствием и любовью относят-

[1]) В оригинале эта фамилия пишется то «Хлоновы», то «Клоновы», *Прим. редакции.*

ся к личности царя, но удивляются и печалятся теми разноречиями, кои происходят в действиях правительственной власти. Очень ненавидят советников штатных и нештатных государя (Мещерские, Победоносцевы, Александр Михайлович, Хлоновы, Филиппы и т. д.).

Мне дело представляется так:

Россия должна управляться при гармоничном развитии трех сил: бюрократии, дворянства, земства. Это наши три кита. Армия должна охранять внешние пределы России. В действительности дело стало иначе. Бюрократия с Витте и Сипягиным во главе стала доминировать и все силы направила, дабы уничтожить земство и дворянство представительное обратить в чиновников. Успели в этом. Но вместе с сим приходится и армию обратить вместо защиты внешних пределов на охрану внутреннего спокойствия—обратить в полицейскую силу. Результаты могут получиться печальные. Девизы: побольше чиновников, и другой: полное ко всем недоверие, и третий: все пристегнуть к министерству финансов—до добра не доведут.

1 декабря.

Сегодня посетил меня д. с. с. Безобразов, один из нештатных советников по делам Дальнего Востока. Просил принять, так как он прямо из Ливадии и имел до меня дело по указаниям его величества. Удивительно развязный. В его объяснениях, очень туманных, слова *я и государь* идут одно за другим. Слова *я, Витте, Ламсдорф* произносятся с осуждением деятельности сих министров. Все путают, никто ничего не понимает и лишь он, Безобразов, спасает русское дело. Теперь, по словам Безобразова, государь посылает его в Порт-Артур, дабы оттуда руководить корейскими и маньчжурскими концессиями. Он тоже, по его словам, везет особые полномочия Алексееву, дабы действовать в южной Маньчжурии тайными средствами противно нашим обещаниям. Я вынудил Безобразова высказаться: что же это за тайные средства. По его словам, они должны заключаться в следующем: Витте и Ламсдорф должны открыть всю южную Маньчжурию иностранцам и иностранным предприятиям. Алексеев не должен им мешать. Но затем должны явиться на сцену послушные нам хунхузы, и предприятия лопаются, люди исчезают... И в такую-то недостойную России деятельность разные проходимцы, вроде Безобразова, впутывают нашего государя, конечно, без его ведома и разрешения.

Я ответил Безобразову предостережением, что такой образ действий навлечет на нас только позор. Относительно Кореи я настоятельно указывал, чтобы там мы возможно менее поселяли русских людей. Что мне всего опаснее представляется то положение, когда наших людей начнут резать и потребуются первоначально небольшие экспедиции, и потом вспыхнет война с Японией.

3 декабря.

Сегодня был принят государыней императрицей Марией Федоровной в Гатчине. Очень вежлива. Много расспрашивала, но прежней сердечности нет: все не может простить уничтожения финских войск. Расспрашивала про Ливадию, про Болгарию, про македонские дела. Говорила про правительственный циркуляр. Подняла свой кулачек и сказала: «Вот это надо бы показать туркам».

Князь Шервашидзе, состоящий при государыне, горячо нападал (после моего приема у государыни) на существующие порядки в России. Говорил, что теперь все в подозрении, что никто не может чувствовать себя спокойно даже дома. Особенно нападали на утеснения в Финляндии (он женат на дочери барона Николаи—шведа).

Министр юстиции Муравьев, с которым я завтракал сегодня, продолжает мрачно смотреть на будущее. Он говорил, что надо найти тот или другой выход. Что продолжать существующий порядок невозможно. Что ему представляется вероятным, что мы ввяжемся в войну, только чтобы выйти из тяжелого внутреннего положения. Шутя говорил мне, чтобы ему после войны предоставили звание константинопольского генерал-губернатора. Говорил, что ему его министерское служение стало не вмоготу, что он своих коллег видеть не может, что сидение в комитете министров и государственном совете ему противно.

Конечно, побранил Витте. Упрекнул его, что он не поддержал Ковалевского, а выбросил его за борт, как балласт с воздушного шара, чтобы еще немного подняться кверху. Что Ковалевский невиновен. Векселя были действительно подделаны.

8 декабря.

Вчера было продолжительное заседание государственного совета по рассмотрению представления Сипягина, переделанного Плеве, об устройстве земского хозяйства в 13 губерниях. Плеве в общем поддерживал чиновничий проект Сипягина, в

котором от положения о земских учреждениях осталось только название, но все же пошел на уступки. Для 4-х губерний: Архангельской, Астраханской, Ставропольской и Оренбургской полагает вовсе пока не распространять. В остальных вводить постепенно, начав с Витебской, Минской и Могилевской. Проектирует усилить уездное земское представительство, образовав земские уездные управы и пр. В заседании сторонники не умаления, а усиления земства в России повернули дело так, что этот однобокий проект будет применен пока к указанным выше трем губерниям. Мною подано мнение о необходимости усилить местное представительство в уездной управе.

Витте сделал яростную вылазку против государственного контроля. Во всеуслышание заявил и несколько раз повторил, что существующий государственный контроль мертвит всякое дело, к которому приставлен, а на возражение Лобко, что он еще ничего не умертвил, и ссылки на железнодорожное хозяйство С. Ю. Витте заявил мне, что это хозяйство уже умерщвлено контролем. Что Татаринов в свое время предложил формы контроля и дал рубашку (формы), пригодную на рост человека, и теперь мы ту же рубашку напяливаем на слона. Очевидно, что она трещит по швам.

Заметил себе эту вылазку, дабы при случае сделать вылазку и против Витте.

В антракте за кофе Витте в хорошем настроении духа нападал на мое заступничество за земство и говорил другим членам государственного совета: Алексей Николаевич, наш будущий главнокомандующий на войне, в военное время нас всех повесит. Надо соединиться в мирное время против него и повесить ранее его. Я ответил: почему он боится быть повешенным только в военное время. Если государь мне прикажет, то я повешу его и в мирное время.

Затем Витте осуждал робкие действия наших войск при усмирении беспорядков в Ростове. Я серьезно сказал ему, что действия были осторожны и, слава богу, достигли своей цели без большого пролития крови, но что нам легче итти на любой штурм, чем стрелять по беззащитной толпе. Что не надо так действовать по внутренним делам, чтобы такая необходимость участия войск являлась. Что это развращает войска и может привести те или другие отдельные части их к неповиновению.

Видел третьего дня Сергея Александровича и вел. кн. Елизавету Федоровну, долго сидел у них. Сергей не скрывает своего огорчения по истории с Павлом Александровичем. Явил-

ся устраивать детей. Говоря о болгарских делах, назвал Фердинанда хитрецом и большою шельмою.

Елизавета Федоровна жаловалась, что в принятом ею на свое попечение институте для дочерей военнослужащих (в Москве, бывший Чертова) дело не идет так, как бы ей хотелось. Что нет достаточной простоты. Много требований лишних для простых офицерских семей, многое недостает.

17 декабря.

Сегодня на докладе государю говорил о разговорах со мной Безобразова и Абаза по корейскому предприятию. Требуется командировать подп. Мадритова для содействия неясным еще для меня целям нашим в этом деле. Говорил государю, что Мадритов не может быть подчинен Безобразову, но что я командирую его в распоряжение адм. Алексеева. Государь одобрил это. Затем я доложил государю мои советы Безобразову и Абаза: изображать собаку на сене, дабы из концессий в Корее, на корейской границе и в Маньчжурии на корейско-маньчжурской границе создать полосу земли пустынной и труднопроходимой для разделения сфер влияния русской и японской. Что самое главное—не создавать поводов к возможному столкновению нашему с японцами. Государь одобрил это и в свою очередь сказал: «Никоим образом дело это не должно создать нам затруднений».

Просил государя командировать кого-либо в Сербию для участия в военном торжестве взятия Ниша 29 декабря. Там сербы взяли 267 орудий, 13 тысяч ружей.

Тогда при войсках сербских находился Бобриков 2-й. Его государь и разрешил командировать, придав ему полков. Таубе бывшего в Сербии военным агентом. Конечно, прикажут не брящать понапрасну оружием, дабы не испортить впечатления миролюбивой миссии гр. Ламсдорфа. Государь долго думал, прежде чем согласиться на это.

Тогда же я получил разрешение напечатать в «Русском Инвалиде» статью об'ективного характера относительно истинного значения участия румын в плевнинских делах. Румыны, никем не оспариваемые, так зазнались, что ныне главную честь овладения Плевной приписывают себе.

Эти дни прошли в праздновании столетия лейб-гренадерского корпуса. Раздули эти праздники не мало. Точно никто и нигде в России ничего, кроме лейб-гренадер, не делал. Но все прошло гладко.

В Зимнем дворце обедало 1.500 чел. Остзеец Рихтер не утерпел, чтобы не поработать при сем и для Германии. Совершенно неожиданно для меня оказалась приглашенной депутация: 5 кадет и 2 офицера берлинского кадетского корпуса. Зацепка—что некоторые кадеты сего корпуса несут обязанности пажей. Тем не менее оказалось, что с немцами мы праздновали, а французов сен-сирцев забыли... Глупо.

21 декабря.

Сегод(ня) рассматривал нашу книгу (по канц(елярии) в(оенного) мин(истерства), в которую мы заносим все высочайшие отметки по отчетам команд. войсками в округах. Государь сказал, что ему в год три раза (или два) представляют выборки по его отметкам на отчетах губернаторов. Что там тоже стоят слова: «исполнено и исполняется». При этом государь с горечью заметил, что вместо слов «исполняется» во многих случаях следовало бы поставить слова «не исполняется», что еще недавно он уследил, что по мин. внутр. дел не исполнено приказание, отданное его покойным отцом. Что взгляд назад помогает правильно смотреть вперед, что изучение вопросов за много лет облегчает главное при составлении планов на будущее: помогает распознать, что важнее из представленных мероприятий в данное время.

Напомнить эти слова, когда возникнет у государя желание за счет средств, кои надо было бы дать военному министерству, строить сомнительной полезности для России броненосцы.

25 декабря.

На-днях сидел у меня вел. князь Александр Михайлович. Много говорил про морскую программу. По его словам, он программу эту делит на три отдела по 8 лет в каждом с тем, чтобы захватывать два предыдущих года. В первые 8 лет мы будем равняться с японским флотом, потом с англо-турецким в Черном море и, наконец, в последние два 8-ми-летия пойдем догонять германцев. На первые 8 лет надо давать по 40 миллионов свыше предельного бюджета, т.-е. то, что дается на кораблестроение и теперь. Правильных и ясных целей по употреблению готовящихся морских сил я не увидел.

Сейчас возвратился от гр. Ламсдорфа. Доволен своей поездкой. Вот что он мне передал (коротко):

ЭИВПРОТ
596

В Австрии.

Очень хорошо приняли. Франц-Иосиф имеет нежные чувства к нашему государю. В Австрии и частью в Венгрии начинают верить нашему миролюбию и желанию сблизиться с Австро-Венгрией. По Македонии искренно желают итти с нами рука об руку. Будем действовать вместе.

Уверяют, что не хотят присоединять к себе Боснию и Герцеговину. Что им выгоднее управлять там самодержавным способом. Боятся увеличить число славянских депутатов.

Если Сербия вмешается в Македонскую смуту, то Австрия займет Сербию. На прощание Франц-Иосиф просил графа Ламсдорфа передать нашему государю свою просьбу, чтобы мы не препятствовали соединению австрийских железных дорог с турецкими через Митровицу. Я сказал Ламсдорфу, что такое соединение выгоднее всего немцам, кои воспользуются этим соединением, дабы связать Багдадскую дорогу с Берлином и Гамбургом. Ламсдорф признал это и согласился со мной, что такое соединение нам не выгодно, но не видит способов противиться.

В Сербии.

Встреча народом умилительная. Король не глуп, но растолстел, старообразен, подозрителен. Временами кажется ненормален. Очень тронут оказанным ему знаком внимания. Драга, немолодая, полная, но все же красивая женщина. Умна. Держится России. Ее желательно приласкать.

Армия—милиция. Ныне не стоит связываться с Сербией каким-либо военным соглашением: выдадут австрийцам. Нам выгодна рознь Сербии и Болгарии. Сербы до сих пор недоверяют болгарам. Сербам нежелательно автономное устройство Македонии. Ламсдорф полагает, что сербы не очень расположены зажигать весной пожар на Балканском полуострове.

Ламсдорф полагает, что какой-либо знак внимания сербскому) королю, напр., назначение его шефом одного из русских полков к 29 декабря, очень бы обрадовало короля и помогло сближению его с нами. Говорил об этом вчера с государем. Его величество выразил мнение: что не лучше ли это сделать на 6 мая.

В Болгарии.

Фердинанд очень умен, но нервен и впечатлителен. Рассорился со всеми. Ему приходится держаться России. Со своими министрами ладит и держит их в руках. Первоначально

3174

говорил Ламсдорфу, что ничего с болгарским народом сделать не может по Македонскому вопросу. Потом начал уступать, что если будут введены в Македонии реформы, то взрыв будет остановлен.

Бахметьев, по мнению гр. Ламсдорфа, умен, но легкомыслен. Ему указали не мешаться во внутренние дела княжества.

По Македонии.

Из обмена мнений в Софии, Белграде и Вене гр. Ламсдорф вынес убеждение в необходимости оказать быстрое и сильное давление на Турцию, дабы она выполнила свои обещания по Македонии. Франция и Германия поддержат наши требования, а Австрия пойдет с нами рука об руку.

Однако Ламсдорф и сам еще хорошенько не знает, что мы будем требовать от Македонии (всегда одна и та же история). На мои вопросы он отвечал довольно неопределенно, что будет турецкий комиссар, что прекратят обирание народа, установив контроль над приходной и расходной сметами. Что контроль этот будут иметь русские и австрийцы через своих послов. Кажется, толка не будет.

26 декабря.

Сегодня был в Гатчине Государыня императрица Мария Федоровна более 40 минут вела со мной разговор о финляндских делах. Горячилась и волновалась. Раза два выступали на глазах слезы. Все ей, очевидно, Кремер и князь Кавказский [1]) представляют в превратном виде. Оправдывался, сколько мог, но, кажется, прежнего расположения все еще возвратить не мог.

30 декабря.

Сегодня в государственном совете Витте читал речь по поводу росписи на 1903 год. Рисовал положение дел в тревожном свете. Указывал, что до него общий бюджет по расходам составлял один мил., а теперь через 10 лет 2 мил. Что в этом отношении мы в 10 лет так шагнули, как ранее дошли за всю историю России. Надо, мол, остановиться. Платежные силы напряжены. Расходы выросли, в особенности по мин. путей сообщения, и ныне дают дефицит в 60 мил. р. в год (с процентами на затраченный капитал), а давали при нем, Витте, 11 мил. дохода. Главная причина тому—постройка дорог но-

[1]) Повидимому, речь идет о кн. Шервашидзе. *Прим. редакции.*

литического и стратегического значения, а не экономического. Есть и другая причина недоходности дорог, общее уменьшение дохода дорог. Я возражал, указывая, что за последние 15 лет на западе мы мало строили дорог, а все больше строили на востоке, что особо недоходны эти новые дороги—восточно-китайская, напр. *Что нам надо с востока возвратиться опять на запад.* что там мы отстали, и что, как ни тяжело положение госуд. казначейства, охрана неприкосновенности пределов государства столь важное дело, что я надеюсь, что государь найдет деньги на охрану целости России.

31 декабря.

Сегодня был у государя с последним докладом в этом году. Сегодня же оканчивается пятилетие пребывания меня в звании министра. Государь несколько простужен. Бледен. Говорил мне, что не спал всю ночь. Болело ухо. Не знает откуда. У него уже был случай, что он лишился слуха на это ухо на полчаса. Видно сильный насморк: чихал, часто сморкался. Я спросил государя: приготовился ли он повиноваться Симановскому. Государь ответил утвердительно. Я имел в виду при этом повлиять, чтобы государь не ездил 3 января встречать на вокзал германского принца. Повидал Симановского, и он обещал не пускать государя. Говорил государю, что сделано по записке Обручева 98 года об организации главного штаба. Все принято к сведению и выполняется, но, вместо одного генерал-квартирмейстера провожу двух. Не окончил реформу за неотпуском денежных средств. Окончим теперь. Говорил о необходимости поднятия должности на-ка главного штаба. О его участии в стратегических докладах. Государь прибавил, что он теперь желает чаще его видеть, ввиду нового его положения в будущем, как начальника штаба верховного главнокомандующего. Я воспользовался этим случаем и с обычной откровенностью высказал мнение, что если государь желает, чтобы между мною и Сахаровым сохранились добрые отношения,—что надо для дела,—то необходимо, чтобы в главном штабе не производилось никакой секретной от меня работы. Что пока я по закону начальник, подчиненные мне органы и лица не могут вести секретных от начальника дел. Что другое дело, если государь по должности Сахарова, на-ка штаба верх. главнокомандующего, поручит ему то или другое секретное от меня дело. Тут, даже если бы при Сахарове для сих работ имелся особый *штаб*, я ничего не могу иметь, но в *главном штабе* таких работ секретно от меня производить нельзя. Я прибавил, что ныне облеченный доверием государя и призванный в слу-

чае войны к должности главнокомандующего австрийско-румынского фронта, я сам просил бы государя, чтобы по некоторым вопросам, чтобы не быть судьей в собственном деле, выслушать отдельно Сахарова. Тогда государь успокоил меня, что он не даст повода нам поссориться, и указал, что именно по моему новому предназначению от меня не может быть секретов.

Того же числа государь приказал мне:

1) Провести в установленном порядке, чтобы обстановка командующих войсками в округах была казенная.

2) По вопросу о вознаграждении китайцев со шхуны под английским флагом, которая стукнулась о наш мост в Тяньцзине, а китайцы были прибиты плетями—*категорически* отказать в выдаче вознаграждения.

При этом, по моему предложению, государь соизволил, чтобы мы рассмотрели вопрос: нужен ли нам мост этот. Мое мнение, что он не нужен.

3) Относительно усиления китайских войск в Маньчжурии в распоряжение цзюнь-цзюней государь высказал: «Самое главное, не надо разрешать усиление войск в Хейлудзянской провинции». Повидимому, государь твердо держится, чтобы северную Маньчжурию от наших войск не очищать.

я н в а р я.

1903 года я сделал обед начальникам главных управлений, дабы высказать им руководящие идеи относительно ведения дел в их управлениях. Сделав исторический очерк истории военного министерства, я указал все увеличивающуюся сложность работы (техника, увеличение армии, усложнение условий жизни народов) при человеке, который не только не улучшается, но местами даже ухудшается (фабричные сравнительно с сельчанами). Указал, дабы справиться с задачами: а) децентрализировать дело; б) не смешивать сущность с формою, отличать главные от второстепенных вопросов; в) считать своей главною задачей помощь старшим войсковым начальникам в их трудном деле подготовки войск для боя, давая войскам оружие, выучку и запасы не хуже, чем у соседей; г) ранее принятия каждого мероприятия спрашивать мнение войсковых начальников; д) пользоваться уроками истории; е) изучать все, что делается у соседей, и брать подходящее без стыда; ж) бережно расходовать народные силы и средства. Убедил не всех. Закоренели в рутине и канцелярской волоките твердо.

1903 год.

4 января.

Новый год встретили обычным порядком. Выдающимся событием можно было считать рескрипт министру финансов по случаю десятилетнего управления министерством финансов. Рескрипт составлен в милостивых выражениях, исполненных доверия к лицу и в будущем.

Вчера встречал германского наследного принца Фридриха-Вильгельма. Я был дежурным генерал-адъютантом. Вследствие легкой простуды государь не поехал на вокзал, а встречал в Зимнем дворце.

Молодой принц, 20-летний юноша, произвел хорошее впечатление: довольно высокого роста, стройный, с военной выправкой, с быстрыми военными жестами. Лицо приятное, но не интеллигентное, внимателен к окружающим, особенно, что касается военного дела. Запомнил несколько подробностей из виденного. Приобретает навык говорить с представляемыми ему лицами о соответствующих предметах, но не приобрел еще навык прекращать разговор во-время.

В тот же день был парадный обед. Сидел между двумя командирами полков, прибывшими с принцем: полк. фон-Шенком, ком. 1 гвард. гренад. императора Александра полка, и майором гр. Шверином, командиром кирасирского императора Николая I полка. Первый культурнее. Второй—воин. Рассказывал мне, что рейхстаг мало заботится об улучшении быта офицеров. Что в Ортенбурге [1]), где стоит их полк, офицеры нанимают довольно плохие квартиры (городские), что их военное собрание очень ограниченно. Тогда же он передал мне, что семьи офицеров только один или два раза допускаются в военное собрание, но что офицеры еженедельно один раз собираются в военном собрании обедать. Обычай хороший. Хорошо бы и нам его завести.

По словам Шверина, для службы в их полку надо иметь до 300 марок в месяц прибавки из дому к получаемому жалованью.

После обеда принц долго разговаривал со мной. Хвалил выправку наших солдат. Высказал, что мы счастливы, что большинство наших нижних чинов из сельских жителей. «Там меньше социалистов»—сказал он. Я сказал, что чем-нибудь надо поступаться, что при высокой культуре Германии, при огромном росте там промышленности население наполовину

[1]) Ортельсбурге?—*Прим. редакции.*

уже фабричное и горожане. Это и создает и питает социализм, что и мы идем по тому же пути. С удовольствием говорил о предстоящей поездке в Новгород. Я сожалел, что он не может видеть наше деревенское население. Тогда он правильнее оценил бы тот могучий источник, откуда мы черпаем своих несравненных солдат: преданных родине, государю, храбрых, выносливых, нетребовательных. Государь мне вчера говорил, что и на него принц произвел хорошее впечатление.

Влад(имира) Алекс(андровича) не было: заболел. Температура свыше 39.

Мария Федоровна ласково поздравила меня с Новым Годом. Я осмелился ей высказать пожелание, чтобы с новым годом она вернула мне свое расположение. Она замялась, но протестовала, уверяя, что расположение осталось прежнее.

За обедом на тост государя за здоровье германского императора принц по бумаге, не без нескольких заминок, прочел небольшой ответный тост за государя и государыню. Из числа свиты выделялся ростом и чином генерал Мольтке, нач-к 1 гвард. пех. див., любимец Вильгельма, племянник великого Мольтке.

5 января.

Вчера был у меня первый доклад у государя в этом году и первый доклад во второе пятилетие моего министерского служения. Представил государю подробный отчет о том, что нами сделано в минувшее пятилетие, дабы сообразно с новыми указаниями сообразить и наши денежные требования на пятилетие 904—909 годов. Усиленно доказывал государю, что политическое положение Европы за это пятилетие стало тревожнее, что возможность европейской войны стала вероятнее и что нам надо спешить *возвратиться* на забытый за делами Дальнего Востока *запад*. В числе причин, делающих положение более тревожным, я отметил:

1) Ослабление России на западе вследствие расхода огромных средств на Дальнем Востоке.

2) Активная политика на Дальнем Востоке, которая может привести к европейской войне.

3) Развитие македонского вопроса грозит весною вызвать европейскую войну.

4) Успехи Германии в Турции (занятие Гайдар-Паши, Багдадская жел. дорога, реорганизация турецких сил) могут ускорить столкновение России с Германией, или с Турцией, или с той и другою.

5) Пангерманистские стремления Германии. Хочет сесть чехов и других, дабы открыть себе путь от Берлина до Персидского залива.

6) Нескрываемое стремление Германии к всемирной, а в первую очередь гегемонии в Европе.

7) Внутренние неурядицы в России. Если они не будут остановлены, то докажут внутреннюю слабость России, а вместе с сим нашим врагам укажут, что минута для нападения удобна.

По всем этим причинам я доказывал необходимость *перенести наше главное* внимание от Дальнего Востока на запад. Государь формулировал это предварительно так: *что нам, будучи бдительными на востоке, обратить главное внимание на запад.*

Сегодня долго сидел и завтракал у меня наш дипломатический представитель в Корее—*Павлов*. В общем он высказал—корейский народ отживающий. Сам ничего не делает. Как войско, будет хуже китайского. Король и двор ничтожны. На них действовать можно только страхом.

Японцы действуют энергично и постепенно расширяют свою деятельность, но у них мало пока денежных средств. Они ненавидимы корейцами, особенно на севере. Могут каждую минуту создать причину для введения в Корею войск. Нам надо непременно сохранять свободу действий и пассивно протестовать, если они влезут в Корею. В конце-концов, Корея должна стать русскою. Нам выгодно найти там японцев. Лучше вести с ними войну на Корейском материке. Сами японцы не посмеют напасть на нас в Маньчжурии или в приамурском военном округе.

Предприятие Алекс(андра) Мих(айловича) в Северной Корее заботит Павлова. Лучше вести его только как коммерческое предприятие. Там уже (есть) американское предприятие по добыче золота, идущее успешно. Можно соединить его с добычей леса из наших концессий. Павлов ставится в неловкое положение тем, что воротилы предприятия предъявляют к нему требования на такие концессии, которые им корейское правительство не давало. Павлов заключил, что если несомненны и чисто патриотичны желания и надежды вел. кн. Александра Михайловича, то стоящие непосредственно у дела лица об идеалах не думают, а извлекают себе личные выгоды.

Сегодня же был у Лессара, нашего посланника в Пекине. Болен. Лежит во французском госпитале. Стал поправляться. И его и Павлова мне надо было видеть, чтобы возможно отвратить грозящую России опасность от уступки Китаю обратно Северной Маньчжурии. Ламсдорф на-днях собирает совещание из Павлова, Лессара и Розена (посланник в Японии, вместо Извольского) по вопросу, что нам делать в Маньчжурии.

Павлов согласился поддерживать твердо проводимое мною мнение не очищать Северной Маньчжурии, но с Лессаром было очень трудно. Он заявил мне, что теперь, если после всех сделанных заявлений мы останемся в Маньчжурии, то мы вооружим против себя китайцев и все державы, что китайцы устроят нам восстание, а когда в Китае восстание поддерживается правительством—оно опасно. Что японцы сейчас же займут Корею. Относительно германцев Павлов сказал, что они усиленно советуют ему не очищать от русских войск Маньчжурию, но что советы их коварны, ибо они желают поссорить нас с китайцами. Затем Лессар говорил несуразные вещи о том, что оставление наших войск в Северной Маньчжурии поведет к восстанию против нас в Монголии, Кульдже и Кашгарии.

Он говорил, что переселение китайцев в Маньчжурию не опасно и быстро не пойдет, что земли там плохи, что для переселения требуются деньги, которых нет у китайцев. Наконец, он говорил, что американцы требуют впуска их с торговыми целями в Маньчжурию, что таможни должны быть только на границе наших владений, при чем вся Маньчжурия в экономическом отношении будет эксплоатироваться американцами.

Я, в свою очередь, доказывал Лессару следующее: мы наделали много глупостей, раздавая обещания, которые никто у нас не просил. Но что все еще поправимо. Нападение на Бодуно, нападение несколько дней тому назад к северу от Агрехе, где мы потеряли убитыми офицера и нескольких нижних чинов и другие указывают, что мы не можем с доверием относиться к охране в Северной Маньчжурии спокойствия, когда уйдем оттуда. В Северную Маньчжурию в 25—50 лет хлынет масса желтолицых, кои, пользуясь нашей железной дорогой, будут грозить нашим границам 2.400 верст. Что железная дорога—нитка, которую нетрудно перервать. Что Россия должна за все свои жертвы выиграть в более покойной охране границ. Если мы оставим за собой Северную Маньчжурию, то протяжение границы будет сокращено вдвое. Что первоначально, не выводя из Северной Маньчжурии наши войска, мы долж-

ны сохранить там ныне действующие основания правительственного надзора. Что ранее Витте надеялся, что восточно-китайская железная дорога будет *экономическая линия*. Теперь он увидел, что она будет давать только огромные убытки. Поэтому первоначально стал называть ее *политическою*. Убытки ежегодные с предприятий Витте составят: 20 мил. процентов на затраченный капитал в 400 мил. руб., 10 мил. убытки эксплоатаций и 10 мил. содержание охранной (пограничной) стражи. Итого 40 мил. руб. в год убытка. Надо же, чтобы Россия сколько-нибудь умерила тяжелые последствия такого дефицита. Если мы Северную Маньчжурию отдадим, то все сделанные затраты будут впустую, и железную дорогу признать стратегической нельзя будет. Но если она будет проходить по зависимой от нас территории, то мы можем придать ей стратегическое значение, а самую страну, *не пуская туда китайцев* и вообще желтолицых и сохраняя эту территорию для русских, сделать безопасною, а потом и выгодною для России.

Пессар согласился в конце нашего длинного разговора, что можно добиться расположения по линии дороги в *полосе отчуждения* даже 50.000 чел., только не трогать страны вне дороги. Что можно будет занять на левом берегу Амура и те 8 пунктов, которые были указаны Гродековым. И это уже уступка.

12 января.

Годовщина штурма Геок-Тепе. Поеду на панихиду в Казанский собор. Помолимся за упокой бурной души М. Д. Скобелева. Сейчас возвратился из манежа Половцева, где по обыкновению ездил верхом вместе с Витте. Сергей Юльевич рассказал мне следующее. Надо добавить, что он указывал в начале разговора на бесполезность затеи вел. кн. Александра Михайловича, основавшего управление торгового мореплавания. По словам Витте, он убедил государя основать это бесполезное дело, рассчитывая, что фрахт за перевозку, который мы платим теперь заграничным купцам за их суда, будет оставаться в русских руках. Расчет, по словам Витте, ребяческий, ибо ранее, чем начать получать эти барыши, необходимо построить эти русские коммерческие суда. А построить их можно только на иностранные капиталы. Вот проценты на эти капиталы и поглотят все барыши за фрахт. Я упрекнул Витте: как же он, так хорошо понимая это дело, не убедил государя не соглашаться на эту меру. Вот на этот-то упрек Витте и рассказал мне следующее: когда он (в конце октября) приехал в Крым с поездки на Дальний Восток, государь к нему

относился очень враждебно. Очевидно, он был восстановлен против него. Формы были любезны, но немилость чувствовалась. Перед самым отъездом в предпоследний доклад он остался завтракать. После завтрака на площадке к нему подошел государь и спросил: как вы думаете, не следует ли из отдела торгового мореплавания, у вас находящегося, образовать главное управление. По словам Витте, он ответил, что это совершенно невозможно. Что деятельность торговых судов есть часть и очень малая общей торговой деятельности. Что нельзя безнаказанно отрезать палец от руки. Что если так смотреть, то почему же не образовать главное управление скотоводства, главное управление лесоводства и пр. Эти отделы важнее торгового мореплавания. Государь слушал это и сказав: «Посмотрим», отошел от него. Тогда к Витте подошел Мусин-Пушкин и сказал: что вы говорили государю, у него был очень сердитый вид (или злой вид, не помню). Следующий последний доклад государь держал Витте час три четверти и был исключительно любезен. Витте знает эту любезность. Поэтому, приехав домой, он сказал Матильде Ивановне, что его ожидает какая-то крупная неприятность. В тот же день он выехал в Петербург. В этом же поезде ехал фельд'егерь, с рескриптом на его имя об образовании нового министерства торгового мореплавания, которое он и получил утром в Петербурге.

Витте говорил затем, что надо приостановить рост бюджета морского министерства. Что только расходы моряков на Дальнем Востоке дошли до 25 миллионов рублей в год, а им всюду надо двойные расходы на флот и столько же на укрытие его в разных убежищах.

19 января.

В среду, 15 января, было заседание Сибирского комитета. Во вторник при докладе государю императору я испросил соизволения его величества возбудить вопрос во время (заседания) Сибирского комитета: 1) относительно необходимости бережливости в расходах и по делам комитета подобно тому, как нам указано в госуд. совете по расходам по нашим министерствам; 2) относительно возврата военному ведомству позаимствованных нами в военный фонд из запасного кредита предельной сметы военного министерства [1]). Государь разрешил. Перед заседанием я заявил Витте о своем намерении сделать заявление. Он горячо просил меня не делать этого. Говорил, что это будет некорректно с моей стороны, что мое тре-

[1]) С уменьшением на эту сумму просимого Витте кредита в 45 млн. рублей.

бование о возвращении данных нами сумм будет удовлетворено из других кредитов, что он вообще видит с моей стороны как бы желание всюду нападать на него, что это невыгодно и мне и ему, но что если я хочу ссориться, то ему тоже остается принять свои меры, причем он рассчитывает, не он будет об этом сожалеть.

Я признал возможным не говорить приготовленную мною небольшую речь о крайней тягости для России продолжать огромные расходы на предприятие Дальнего Востока. Что только предприятие Витте по устройству восточно-китайской железной дороги и связанных с ней предприятий стоили казне до 400 мил. руб., свыше 150 тыс. руб. за версту и дают убыток казне уже ныне свыше 25 мил. рублей, а убыток может дойти до 35—40 мил., в том числе—15—20 мил. как процент на затраченный капитал, 10 мил. убытки по эксплоатации и 15 мил. содержание пограничной стражи Заамурского округа.

Вместо сего я заявил, что у меня возникло предположение настаивать, дабы не считать 39 мил. руб. свободным остатком от реализации китайского долга и уплатить из них нам 11 мил. руб., но что об'яснениями с министром финансов я пришел к заключению о возможности наше требование хотя и не всех 11 мил., а лишь 6 мил. рублей отнести на другие кредиты, согласно с обещанием министра финансов.

Другой вопрос: это—распространяется ли полученное нами указание о крайней сдержанности в новых расходах и на дела Сибирского комитета.

Витте ответил утвердительно о кредитах, кои мы будем требовать.

Государь, со своей стороны, хотя не вполне в определенных выражениях, указал на необходимость, где можно, соблюдать экономию и по делам Сибирского комитета. Витте заявил, кроме того, что восточную часть Сибирской жел. дороги придется не перестраивать: дурно трассирована, лучше было держаться векового почтового тракта.

18 января в государственном совете защищал мое представление об учреждении дворянских кадетских школ. Разногласия были, но довольно небольшие. Прочитал сведения о составе по происхождению наших юнкерских училищ. Дворян, даже считая личных, всего 37%. Масса разночинцев. Тем не менее, я громогласно заявил, что закрывать ход в армию другим сословиям не следует, что мы черпаем из всех сословий свою силу, что закон наш по правам, по образованию приравнивает всех. Но что среди разночинцев к нам идет много лиц

не по призванию, а неудачников, которые, не успев успешно кончить курс в гимназиях и реальных училищах, ищут в военной службе кусок хлеба и бранят приютившую их среду. Что лучшие ученики в юнкерских училищах—это окончившие полный курс трехклассных (6-летний курс) городских училищ. Но что желательно привлечь на военную службу, не закрывая доступ в нее другим сословиям, детей потомственных дворян, сидящих на земле. Что физически, а мы надеемся, и нравственно это элемент желательный. Пробыв в наших руках пять лет в дворянских кадетских школах, они явятся вполне подготовленным хорошим материалом для прохождения трехлетнего курса в юнкерских, преобразованных ныне, училищах. Говорил, что дело кадетских дворянских школ, однако, только тогда пойдет: 1) если нам удастся создать хороший начальственный персонал и 2) если мы не очень будем рассчитывать на средства дворян и придем на помощь из казны не половиной всех расходов, а $^3/_4$ (общий годовой [1]) школы определен в 50 тысяч руб.).

Что по первому вопросу мы приняли несколько увеличенные оклады и, главное, сделали преподавателей обязательными участниками.

После долгих прений штаты прошли благополучно и по остальным вопросам: $^1/_2$ или $^3/_4$ и по эмеритуре за наш проект высказалось большинство.

В тот же день собралось у меня совещание по вопросу о воинской повинности под председательством В. К. Плеве. Сговаривались о тех сокращениях в льготах по семейному положению, кои надлежит принять. У меня 49% лиц, достигающих призывного возраста, пользуются льготами по семейному положению. У наших соседей такими льготами пользуются 2—3%. Но зато при освидетельствовании годности рекрут к службе в физическом отношении за границею бракуются свыше 30%, а у нас до 17%. Оказывается, что, имея свыше 1.000.000 достигающих призывного возраста при контингенте в 308.000 человек, мы стеснены в требовании большого числа и берем слабых, которые быстро увольняются в неспособные, составляют бремя армии и причину некомплекта. Нам надо поэтому увеличить вместе с сим строгость приема. Иначе в иностранных армиях солдаты в физическом отношении будут выше на-

[1]) В оригинале, вероятно, пропущено: расход. *Прим. ребакции.*

ших. К соглашению пришли, чем увеличим число подлежащих повинности на 150—170 тысяч человек в год.

В тот же день вечером долго сидел у меня С. Ю. Витте. Жаловался на наше взаимное раздражение в делах. Говорил, что это надо кончить. Он чувствует, что и сам неправ. Я ответил ему, что ненормальные отношения в делах (при хороших личных отношениях) начались с вмешательства его в финляндские дела, что затем я замечал некоторое невнимание к моим замечаниям, улыбки во время моих заявлений в государственном совете и в комитете министров. Витте обещал стать на почву равенства и просил по всем возникающим по военному ведомству делам, по коим требуется соглашение с ним, предварительно попытаться привести к соглашению наших помощников, а потом повидать и переговорить с ним откровенно. Что путем взаимных уступок мы больше достигнем, чем через особое совещание у Сольского. Я согласился попробовать действовать, как предложено им. Сер(гей) Юльевич рассказал мне при этом, что я должен верить, что он более чем какой-либо министр финансов расположен с государственной точки зрения на предстоящие нужды; что, очевидно, несмотря на его заявления, он понимает, что ему придется увеличить наш предельный бюджет. Что теперь он еще об'ективнее может отнестись к этому вопросу, ибо искренно хочет уходить, и его государь задерживает на этом посту для пользы дела.

Говорил он мне затем о трудности его положения. Указывал, что, например, мне приходится действовать среди благородной среды, что мы подвигаем сердца своих воинов на высокие чувства, а что ему вечно приходится возиться с кучей г... Так он назвал золото. Кругом все запачканные руки. В каждом деле, которое он проводит, он чувствует подозрительное к себе отношение: не хочет ли что сцапать. Что он защищал евреев, иностранцев и иностранные капиталы из принципа и из сознания, что они были нужны России. Но сколько навлек из-за этого на себя нареканий и подозрений. Что, напр., ныне, когда некоторые отрасли нашей промышленности стали твердо на ноги, ему тут иностранных предприятий уже не надо.

Расстались дружески, что для меня было совсем не трудно, ибо я к этому сильному и высоко-талантливому человеку чувствую всегда слабость, несмотря на зло, причиняемое, быть может, невольно и мне. Я имею к этой огромной фигуре не вполне понятную и мне самому нежность. Я не раз ему говорил и это сознаю, что он крупнее всех нас, его коллег, на не-

сколько голов. Беда в том, что я не доверяю его идеям, не верю, что выбранные им пути, которыми он ведет Россию к экономическому росту, выбраны правильно, боюсь, чтобы скороспелое промышленное развитие, мощно двинутое Витте вперед, не окончилось бы огромным крахом. Меня страшит односторонность принятой им системы привести Россию к благоденствию. Отстают и идут назад в достатке десятки миллионов земледельцев внутренней России. Нам, военному ведомству, этот результат весьма тревожен, ибо именно эта часть населения России дает ей армию, которая до сих пор по составу нижних чинов была выше всех армий мира. Если эта часть населения обнищает, станет недовольною, потеряет веру во власть, увидит относительную безнаказанность беспорядков, то это отразится, конечно, и на нравственном облике будущего солдата. Я не говорю уже об уменьшении в центральных губерниях России нужного нам количества лошадей, скота.

Обнищание отразится в то же время и на понижении физических достоинств новобранцев.

Затем я не понимаю Витте в его стремлении централизовать направление народного хозяйства в главных отделах в своих руках. Казенные предприятия, собранные им в свои руки, тоже стали громадными: монополь, железные дороги, банки, промышленные предприятия. Тарифные ставки принимаются по его указаниям, без соображения с мнениями местных старших начальников. Даже для таких исключительных способностей, какими одарен Витте, ему трудно справляться со всеми этими делами без ущерба внимания другим сторонам русской жизни, а он навязал еще себе на шею предприятия Дальнего Востока, в чем, уверен, крепко раскаивается. Эти предприятия пока ему, кроме огорчений и разочарований, ничего не принесли.

Наконец, совершенно непонятна для меня борьба Витте против земства и отстаивание чиновничества. Никто так не расплодил их, как он, а между тем по натуре своей и по прошлому он должен быть врагом бюрократизма. В этом видимом противоречии прошлого и образа действий в настоящем мне приходит одна мысль: не потому ли Витте за чиновников и против земства, что ныне Витте, после достигнутых им успехов, стал властолюбцем, для которого чиновник всего удобнее земца. Что, располагая ныне армией чиновников, он крепче держит и может направлять беспрекословно все дела в России, чем если бы ему приходилось иметь дело с самостоятельными земствами.

Забыл написать, что после совещания по уставу о воинской повинности, Плеве просил остаться Сахарова и при нем сделал мне следующее заявление: он, по полученным сведениям, опасается серьезных аграрных беспорядков в Полтавской губернии, затем в Воронежской и, отчасти, в Саратовской. Кроме того, по его заявлению, необходимо поставить какую-либо часть войск в Вятке. Я показал Плеве уже приготовленный всеподданнейший доклад о передвижении 2-й казачьей сводной дивизии именно в район Полтавской губернии. Он просил, чтобы передвинуть всю дивизию, а не два полка, коими предполагал обойтись Плеве. Затем я дал обещание ныне же сделать доклад о занятии Вятки батальоном, о чем мною уже было замечено при проездке Вятки в прошлом году.

Вчера государь соизволил на перевод весною сего года всей казачьей дивизии в намеченный нами район.

Вчера, вечером, сидел у меня 2½ часа Алек(сандр) Алек(сандрович) Половцев старший. Вспоминал старину. Из нового он сообщил о необыкновенном успехе в своем горном районе, где в силу особо благоприятно сложившихся обстоятельств удалось достигнуть необычайной дешевизны выделки рельс, а именно по 70 коп. за пуд. Странно, что при этом он сделал ошибку с перевозкой сих рельс прямым водным путем с Урала в Томск. Когда я поинтересовался: какими же это реками, то он заявил, что всегда путает Томск с Омском, и что (рельсы) перевозятся лишь до Омска.

Сейчас сидел у меня Н. В. Муравьев. Очень встревожен и огорчен травлею против него в печати («Петерб. Ведомости»). По поводу самоубийства в Кубанской области Золотовой появилась статья Андроникова, взывающая к правосудию. По словам Муравьева, через Белова (компаньон Хлопова) Андроников доставил письмо государю с обвинением Муравьева и судебного ведомства. Интереснее всего то, что Муравьев уверен, что и в этом деле действует рука Витте.

25 января.

Государь о докладе моем о большом числе испрашиваемых изъятий из установленных правил о браках офицеров и о том, что новые правила, затруднявшие браки, очень несочувственно приняты в армии, за исключением старшего начальственного персонала, который высказался за них, и, наконец, о мнении моем о необходимости вновь пересмотреть эти правила с

целью смягчения их—согласился с этим мнением. Равно государь одобрил мнение, чтобы из'ятия из правил делались по возможности старшими начальниками частей, а не доводились бы до государя.

28 января.

Докладывал государю о полученном донесении нашего военного агента в Сербии о том, что Германия заключила военную конвенцию с Турцией. Приказал сообщить это мин. иностр. дел. Тот же агент доносил, что, в случае движения Болгарии в Македонию, Сербия готовится действовать против Болгарии вместе с Турцией.

Сегодня государь утвердил мой доклад об эвакуации только Мукденской и Южной части Гиринской провинции и главное утвердил, чтобы наши войска оставались неопределенное время в северной части Гиринской и Цицикарской провинций.

1 февраля.

Много говорил с государем о флоте нашем, о необходимости не ослаблять наши сухопутные силы, ассигнуя много на флот. Говорил, что самое важное иметь сильный флот в Балтийском море, что Тихоокеанская эскадра тоже может находиться, за исключением части судов, укрытых в устроенной Порт-Артурской бухте, в Балтийском море, что мы от Японии отстоимся и с сухопутными силами, и чем дальше на материк по Маньчжурии заберется к нам Япония, тем поражение ее будет решительнее. Что Порт-Артур уже в сем году будет приведен в такое оборонительное состояние, что будет в силах выдержать осаду 1½ года. Что пока собирается наша сухопутная рать, может прибыть на Дальний Восток и наш флот из Балтийского моря.

Судьбы России зависят от успехов на сухом пути. Государь приказал все потребные по сухопутному и морскому ведомству кредиты рассмотреть в совещании трех министров: морского, сухопутного и финансов.

2 февраля.

Сегодня обедал у гр. Ламсдорфа по случаю приезда в Петербург нового посла Бомпара. Сидел рядом с баронессою Буксгевден, муж которой состоит при дворе вел. кн. Александры

Иосифовны. Очень интересный вели разговор о вел. кн. Константине Константиновиче. Проведя часть жизни при этом дворе, эта дама, указывая, что она искренно любит Кон. Кон., высказала следующие мысли, которые общи в так называемом высшем, близком к государю, обществе.

Не следует великим князьям давать ответственные назначения, ибо они к таковым своею жизнью и воспитанием не подготовлены.

Они будут путать, ибо настоящий труд им не знаком. Все им давалось легко. Ко всему привыкли относиться поверхностно.

На них легко влиять, поэтому они лишены должной самостоятельности.

Им трудно сделать большое дело потому, что они принадлежат к вырождающейся расе, не допуская свежих соков со стороны. Что вел. кн. Кон. Кон. образован, развит художественно, но все это носит болезненный характер. Что он очень самолюбив. Что доброта его вредна. Что он самолюбием своим считает знать всех кадет по фамилиям и не знает своих офицеров.

Что с ним многое можно сделать, но лаской, отнюдь не грубостью.

Утром в манеже Витте, говорил, что у государя наступило охлаждение к вел. кн. Александру Михайловичу. Что он начинает избегать его. Что начинает понимать вред его фантазии. Что он, Витте, ежедневно находится в борьбе с Алек. Михайловичем. Он уже потребовал присоединения к его свеже испеченному министерству всего департамента торговли и мануфактур. Аппетиты огромные, а знаний никаких. Что надо быть осторожным. Что этот князь может пагубно повлиять на судьбы России.

3 февраля.

В государственном совете ко мне сегодня подсел Витте и говорил, что государю известно, лучше чем Сольскому и Лобко, истинное финансовое положение России. Что он, возвратившись с Дальнего Востока, докладывал подробно государю свои расчеты и государь с карандашем в руках делал записи. Что государь поэтому знает, что он, Витте, может уделить на следующее пятилетие для сухоп. армии и для флота. Ранее после панихиды по Розинге я говорил с Тыртовым относительно порядка рассмотрения наших финансовых требований совместно с Витте. Тыртов сказал, что их расчеты еще не готовы. Что

данная ему программа (государем) по судостроению на 20 лет— громадна и невыполнима. Что требуется по 85 мил. руб. в год на судостроение, а всего 1.800 [1]) миллионов руб. в 20 лет. Что он, Тыртов, признает необходимым уменьшить ее. Что если им оставят и впредь по 41 мил. руб. на судостроение и сделают прибавку на увеличение дороговизны к их бюджету, возросшему до 115 мил. руб. в год, то это будет довольно.

4 февраля.

Сегодня я получил огромной важности рескрипт государя императора, которым он указывает, что в случае столкновения России с европ(ейскими) державами примет на себя верховное главнокомандование всеми армиями, а главнокомандующим армиями юго-западного фронта, сосредоточиваемыми для борьбы с Австро-Венгриею, предполагает назначить меня. Поэтому предлагает ныне же приготовиться к выполнению задач, изложенных в ранее полученных мною руководящих указаниях, ознакомиться со всеми мерами, принятыми для достижения поставленных (IV, V и III) армиям целей, и принять участие в разработке дальнейших к войне мероприятий.

Эта воля мне, как я писал ранее, была передана (мне) государем еще в Ливадии. Я наметил себе в начальники штаба армии Сухомлинова, интендантом—Тевяшова; нач-ом артиллерии ген.-л. Ник. Иудовича Иванова, нач-ом инженеров Величко. Силы хорошие и надежные. Бог нам в помощь!

11 февраля.

Государь утвердил сегодня новый закон, по которому за шпионство в высшей мере положено наказание: смертная казнь. Результат—дело Гримма.

12 февраля.

Вчера под председательством Плеве несколько министров, в том числе и я, рассматривали проект Балинского и Вернера покрыть Петербург электрическими трамваями и построить внеуличную дорогу (метрополитэн), соединяющую Финляндский и Николаевский вокзалы. Кроме Витте, все мы дружно проваливали это иностранное (американское) предприятие, в котором обходились и нарушались права народа. Ходили слухи о сильных взятках.

[1]) 1.700 (?). *Прим. редакции.*

16 февраля.

Вчера докладывал государю полученную им расшифрованную депешу адмирала Алексеева. В ней он указывает на недостаточную обеспеченность Порт-Артура в случае очищения нами Мукденской провинции и просит находящиеся в сей провинции войска не уводить в Приамурский край, а подчинить ему, Алексееву, с переводом в Порт-Артур и на Квантун. В то же время Алексеев просит оставить в Маньчжурии против Корейской границы Читинский каз. полк, дабы наблюдать за границею. Государь, несколько стесняясь, об'яснял мне происхождение этой депеши. Он и сам слышал от Алексеева о необходимости усиления квантунских войск ранее. Посылая по Корейским делам Безобразова в Порт-Артур, государь послал с ним письмо к Алексееву по вопросу об эвакуации Маньчжурии, и теперь Алексеев присылает ответ. Я доложил государю свои соображения, что, уступая свободу действий Японии в Корее, мы уже не можем ожидать разрыва с Японией; что, имея сильный флот и желая еще усилить его, мы тоже уменьшаем опасность для Порт-Артура. Наконец, что в случае нужды мы успеем подвезти подкрепления, что оставление в Квантуне еще других частей увеличит расходы и болезненность [1]). Потребуется увеличить и крепостные запасы. Теперь их на 1½ года. На это государь с большим основанием возразил мне, что какая польза в этих запасах, если японцы быстро обложат и отрежут Порт-Артур от Приамурья при недостаточном гарнизоне. Что, усилив гарнизон, он хотя и менее будет обеспечен запасами, напр., на 6 месяцев, но будет в силах дать отпор.

Действительно, линия укрепления—с сухого пути 18 верст—чрезмерно велика для 10 батальонов, кои мы имеем для защиты их. Поэтому я охотно пошел навстречу просьбе Алексеева и доложил государю о том, чтобы в состав квантунских войск прибавить: 5 или 15 Вост. Сиб. стрелковые полки, 1 Читинский каз. полк и 2 Забайк. конную батарею (из них 1 бат-он, 2 сотни стоят в Шанхайгуане и Пекине). Одновременно государь одобрил развертывание двух батарей Порт-Артурского крепостного полка в 4х-батальонный

Тогда же государь говорил мне, что признает положение на Дальнем Востоке тревожным не столько из-за японцев, сколько из розни, которая существует на месте между представителям военного и финансового ведомств. Что он пол-

[1]) Так в оригинале. *Прим. редакции.*

ностью присоединяется к военному ведомству. Государь несколько раз повторил о необходимости мне ехать возможно безотлагательно на Дальний Восток. Государь прибавил, что у него идет переписка с Безобразовым по особому шифру.

Сегодня в манеже Витте, к моему удивлению, хорошо был осведомлен о переписке между Безобразовым, Алексеевым и государем. Витте знает, что Безобразов его ругает, и очень огорчен, что государь более доверяет Безобразову, чем ему, Витте. Так, по его словам, государь до сих пор 6 месяцев не возвращает ему его доклада по его поездке на Дальний Восток. Витте удивляется и огорчается, что государь, по его словам, непременно «против кого-нибудь интригует, привлекая в свои помощники разных Хлоповых, Мещерских, Безобразовых». Так Витте говорил, что государь держит у себя постановление государственного совета относительно уничтожения круговой поруки и других мер по облегчению крестьянского населения уже год времени только потому, что Мещерский написал об опасности сих мер.

Я Витте об'яснял, что государь держит у себя эти доклады только потому, что у него у самого нет ясной уверенности в полезности сих мер, а письмо Мещерского только подкрепило его сомнение.

Я говорил Витте, что у нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, итти к присоединению к России Корею. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы. Что мы, министры, по местным обстоятельствам задерживаем государя в осуществлении его мечтаний, но все разочаровываем; он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России. Поэтому каждый Безобразов, который поет в унисон, кажется государю более правильно понимающим его замыслы, чем мы, министры.

Поэтому государь и хитрит с нами, но что он быстро крепнет опытностью и разумом и, по моему мнению, несмотря на врожденную недоверчивость в характере, скоро сбросит с себя подпорки вроде Хлопова, Мещерского и Безобразова, и будет прямо и твердо ставить нам свое мнение и свою волю.

Витте сказал мне, что он вполне присоединяется к моему диагнозу, но что настоящее тяжело, что ему ближе видно, куда тянут государя эти темные личности, и он хорошо может считать те огромные суммы денег, которые уходят зря на нелепые предприятия из казенного сундука.

17 февраля.

Вчера сидел у Плеве. Обсуждали, кого наметить для выбора государем в Киев, если сохранится гражданское и военное управление в одних руках. Плеве согласился с моими кандидатами: Алексей Игнатьев, Сахаров. Предпочитает последнего. Пузыревскому не доверяет. Сухомлинова очень одобряет.

Рассказал, что 20 слишком лет тому назад в этой самой комнате происходил при нем опрос офицера Рыкачева [1]) (повешенный потом). Был заговор 60 офицеров. Показали, что было подготовлено ими восстание в Петербурге или убийство царской семьи. В случае восстания намечали предложить главноначальствование Драгомирову [2]). Начальником его штаба просить Сухомлинова (правителя дел канцелярии. Драгомиров тогда стоял во главе акад. ген. штаба). На вопрос, почему делается такой выбор, Рыкачев показал, что по складу идей и высказываемых мыслей Драгомиров кажется им человеком подходящим. Когда доложили Александру III об этом, он только развел руками.

Тут же Плеве рассказал об огромной популярности в то время Нечаева, сидевшего в Петропавл(овской) крепости. Все было подготовлено, чтобы освободить его. Подкупленные жандармы и сторожа были готовы доставить Нечаева, куда указали бы революционеры. Хотели под'ехать на лодке самым смелым образом.

Наконец, Плеве рассказал, что в это время Потапов начал уже быть не в своем уме. Он однажды вошел к Нечаеву в камеру и получил от него пощечину. Что же он сделал? Упал на колени перед Нечаевым и благодарил за науку... Такой факт приподнял Нечаева на огромную высоту [3]).

19 февраля.

Вчера 2½ часа сидел у меня Витте. Главным образом его тревожили дела на восточно-кит. Маньчжурской железной дороге. Читал мне депеши Безобразова и Покотилова, из которых было видно, как юлит там адм. Алексеев.

---

[1]) Повидимому, речь идет о Рогачеве. *Прим. редакции.*

[2]) Ср. «К характеристике общественных настроений в начале 80-х годов» С. А. Иванова—«Былое» сентябрь 1907 г., стр. 199, и «Революционеры во флоте»—Е. Серебрякова—«Былое» 1907 г., апрель, стр. 1998—199. (Есть отдельное издание в серии Историко-Революционной Библиотеки, изд. Петроградского отделения Госиздата). *Прим. редакции.*

[3]) Ср. «Материалы для биографии Нечаева» в № 1 «Вестника Народной Воли» 1883 г. и «С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине в 1873—1883 г.г.»—«Былое» 1906 г. июль, стр. 152. *Прим. редакции.*

Затем по общим вопросам Витте горячо защищал свою промышленную политику после моего упрека, что за развитием промышленности мы запустили дело подъема земледельческого населения. Он указывал, что промышленное развитие России, двинутое им вперед, только помогло сельскому хозяйству, но признал, что, будь он министром земледелия, он сделал бы многое. Повторил то, что говорил мне в Париже, а именно, что ранее всего надо мужика обратить в человека, надо определить его права, надо оградить его от произвола разных видов. Что эти вопросы были им подняты, но заглохли; что теперь он устал, хочет уходить, и ему браться за них нельзя. Другие не могут.

Признал, что миллиард, израсходованный на восток, ослабил Европейскую Россию, но не убежден, что было бы лучше, если бы мы его не израсходовали. Признал, что мы 450 мил. израсходовали через дворянский банк и этим ко вреду дела подняли цены на землю. Признал, что железнодорожное хозяйство идет очень плохо. Что Хилков справиться не может. Признал, что нам надо продолжать строить железные дороги, противно с выраженным мнением по сему вопросу государя. Что дороги строятся на займы. Наконец, горячо продолжал отстаивать пользу привлечения в Россию иностранных капиталов. Что иностранцы у нас только разорились, но оживление внесли.

3 марта.

Вчера сидел у меня, по поручению государя, адмирал Абаза. Передал желание государя:

1) Чтобы я вызвал в Петербург г.-м. Вогака, который предназначается для лесного дела на Ялу.

2) Чтобы я доложил государю о возможности усилить «рабочую артель» на Ялу с 300 на 600 нижних чинов. Иметь их в китайском платье и безоружными, а оружие везти за ними на повозках. Они будут рубить лес, а когда понадобится, то и сражаться. Я ответил Абазе, что мне ничего неизвестно о существовании рабочей артели из нижних чинов в 300 человек, но что если бы спросили моего мнения, то, конечно, я противился бы такому составу артели. Что буду противиться и теперь. То, что предлагает там на месте Безобразов, то опасно во всех отношениях, ибо может вызвать осложнения с Кореей и Японией и даже в пределах Маньчжурии наши нижние чины могут быть перебиты хунхузами или они могут отбить обоз с оружием. На это Абаза ответил мне, что год тому назад государю было доложено им, Абазою, мое мнение о возможности

подкрепить из расположенных в Маньчжурии войск наше предприятие на правом берегу Ялу, если бы понадобилась защита против хунхузов, батальоном. Что теперь эти 600 человек и составят этот батальон. Пришлось раз'яснять разницу между тем, что было год тому назад и теперь, когда мы согласились очистить Южную Маньчжурию к 26 марта. Разница в батальоне, двинутом на Ялу для известной военной или даже политической цели, и между готовящимся маскарадом.

Я дал совет Абазе противиться фантазиям Безобразова, скорее вызвать его. Указал, что он принял неподобающую ему роль. Раз'езжает со свитою чинов всех ведомств, действует от имени государя и упраздняет распоряжения всех министров и не считается с китайским правительством. Хлестаков Гоголя—щенок и мальчишка с этим новым Хлестаковым начала XX столетия. Несомненно, что власть на месте подорвана, сказал я Абазе, и что предприятие на Ялу, которое могло бы стать государственно важным предприятием, этим вредным фантазером делается как бы личным предприятием государя, идущим в разрез с мероприятиями и приказаниями государя, отдаваемыми им своим министрам. Я прибавил Абазе, что Алексеев на месте юлит и играет двойную игру.

Дабы выйти из сего положения, я предложил Абазе составить рабочую артель из запасных нижних чинов, предложил дать им оружие и патроны. Предложил поддерживать действие этой артели, если понадобится, раз'ездами наших казаков, пока читинцы будут стоять в Фын-Хуан-Чене.

Витте, Ламсдорф и я с тревогою следим за действиями Безобразова и в особенности тревожимся личною перепискою государя с этим фантазером и авантюристом.

5 марта.

Вчера доложил государю свои сомнения относительно действий Безобразова в Маньчжурии и особенно по отношению к предположениям употреблять наши войска в «артели рабочих», переодетыми и с ружьями в повозках. Абаза уже передал государю мой разговор с ним, и государь был подготовлен. Наш представитель в Сеуле тоже указывал на необходимость ограничиться в артели только нижними чинами запаса и то в возможно малом числе. Гр. Ламсдорф не понял положения и в письме ко мне написал мнение, «что артель может быть составлена из воинских чинов». Государь признал, что Безобразов увлекается, и сказал мне, что уже решил отозвать его. Относительно артели государь согласился с невозможностью

иметь там чинов действительной службы и разрешил телеграфировать адм. Алексееву, чтобы «артель» была образована только из вольнонаемных чинов запаса. При этом государь согласился и с моим мнением, чтобы запасные рабочей артели всегда имели оружие при себе. Оружие, берданковские ружья, я указал, что будет выдано из склада в Порт-Артуре.

Государь приказал вызвать Вогака, на которого и предположено возложить общее руководство лесным делом. Наконец, государь сказал дорогие слова, что «надо возможно менее увлекаться лесным делом на Ялу». Повидимому, на государя повлияла и депеша к Витте, доложенная мною государю, в которой представитель в Порт-Артуре по финансовой части, по поручению адм. Алексеева, доносит, что адмирал весьма тревожится затеями Безобразова.

Вчера утром скоропостижно скончался управл. морским министерством Павел Петрович Тыртов. Все жалеют покойного и в тревоге: кто заменит его. Вел. князь Алексей говорил мне вчера со слезами на глазах, как ему тяжела потеря, что еще вечером в понедельник он был вместе с Тыртовым на сообщении Кладо, и покойный был весел и бодр. Кажется, болезнь—грудная жаба. Склероз давно делал большие успехи в организме покойного. Несомненно, что это был чистый человек и хороший моряк. Но трудное дело, ему порученное, он вести с успехом не мог. Не был в достаточной степени авторитетен, чтобы противиться фантазиям в. кн. Александра Михайловича и равнодушному, чтобы не сказать циничному, отношению к делу в. к. Алексея Александровича. Очень упорно говорят включительно до государственного контролера о колоссальных злоупотреблениях во флоте. Преемником Тыртову чаще других называют адмирала Алексеева.

Вчера вечером у меня собрались в первый раз: Сухомлинов, Соболев, Протопопов, Гершельман, Маврин, Жилинский для выслушания моих указаний в качестве будущего, в случае войны, главнокомандующего о задачах III, IV и V армиям.

На основании полученных мною директив я обязан представить государю общий по всем армиям план для действий. Ранее сего требуется, чтобы мне представлены были планы действий частных армий. Еще раз на заседании подтвердилась наша неготовность к наступлению. Ни по одной из армий соображений о наступлении не составлено. Но и по обороне лучше других армий обставлена только IV армия, но и в ней

позиции наши у Ровно, Луцка и Дубно скорее только обозначены, чем укреплены. Надо усиленно будет поработать. В III армии в оборонительном отношении ничего не сделано, а между тем на эту армию могут обрушиться очень большие силы австрийцев и вынудить III армию к отступлению к Бресту. Вероятно, ввиду возможного быстрого прорыва германцев через Нарев, наступление придется вести к Влодаве и далее правым берегом Буга. Между тем местность по правому берегу Буга не подготовлена к действиям больших масс (пути, мосты), не обеспечена также возможность отступления для III армии к Пинску, что может представиться необходимым.

На маневре сего года, с соизволения государя, я намереваюсь командовать армиею, собранною у Холма, которая для проверки наших предположений и будет отступать к Влодаве и далее на правый берег р. Буга.

В V армии никаких предположений об оборонительных действиях не сделано, но и предположение о вторжении в пределы Галиции не разработано. Бессарабский корпус тоже не обеспечен подготовкою необходимых для его действий соображений.

При разработке плана наступления в пределы Австрии надо брать два предположения: 1) главные силы австрийцев сосредоточены против III армии; 2) главные их силы сосредоточены против IV армии. В первом случае важно скорейшее дружное наступление IV и V армий, разбитие поставленных противу них австрийских сил, овладение Львовом и дальнейшее быстрое наступление, с выставлением только заслона к стороне Перемышля во фланг армиям австрийцев, действующих против III армии.

В этих случаях особенно надо опасаться отдельных неудач IV или V армий и отдельного разбития III армии. Поэтому ни одной из этих армий не следует принимать решительного боя против превосходных сил противника.

На пути к Львову австрийцы могут занять и сильно укрепить позицию на линии: Злочев, Буск, Каменка—против IV армии. Атака этой позиции только с фронта IV армиею может кончиться неудачею. Надо выждать приближение V армии и атаковать с фронта и во фланг. Одна угроза обхода этой позиции может заставить ее покинуть. Наиболее трудный бой будет под Львовом. Пока укрепления слабы, эспланады большой нет. Местность и леса допускают успешные действия. Масса мертвых пространств. При полном знании местности можно действовать уверенно. Цитадель довольно сильна. Потери будут в(есьма) велики даже при победе, но, разбив австрийскую

войска и овладев Львовым, мы делаем огромный шаг к успеху всей кампании. Надо принести жертвы, но уже теперь тщательно изучать все данные, кои могут уменьшить потери.

С разгромом первых австрийских корпусов, надо надеяться на оставление рядов австрийских войск массою славян. Надо умело воспользоваться первым же успехом и иметь людей, подготовленных еще в мирное время, дабы войти в быстрое сношение с потрясенными и колеблющимися еще элементами, дабы отторгнуть их из рядов австрийской армии. Операции между нашею границею и Львовом надо обдумать со всех сторон. Надо организовать подвоз всех запасов. Надо передвинуть к Львову осадный парк очень быстро. Надо затем, если Львов будет нами взят, организовать переход до Львова нашею колеею железной дороги, а далее—австрийскою. Надо организовать охрану тыла и охрану со стороны Карпат. Надо организовать охрану со стороны действий румыно-австрийской армии. При дальнейшем движении от Львова навстречу главным австрийским силам движение будет затруднено: 1) крепостью Перемышлем; 2) фланговым положением Карпат с их проходами. Марш выйдет как бы фланговым по отношению к Карпатам. Требуется очень тщательное изучение этой сложной обстановки, дабы избежать в возможной степени роковых случайностей. Подвоз запасов будет затруднителен и при всем том требуется возможная быстрота действий. Успех этих действий не может быть обеспечен в достаточной степени, если ко времени появления IV и V армий в районе к западу от Львова—Ковель попадает в руки австрийцев.

Соображение о переходе в наступление III армии тоже требует подробной разработки.

Нельзя слишком фантазировать. Но мы должны ставить себя в возможно неблагоприятные для нас положения и рассматривать их.

№ 17.

С 7 марта 1903 г. по 19 августа 1903 г.

8 марта.

Сегодня докладывал государю о поездке моей на Дальний Восток. Представил два маршрута: один только по железным дорогам, другой—с возвращением из Порт-Артура во Владивосток через Японию. Государь пожелал, чтобы о поездке через Японию я переговорил с гр. Ламсдорфом. Сказал при этом, что он воспротивился подобной поездке Витте: «Витте,—сказал государь,—человек очень даровитый, но увлекающийся».

Относительно проекта Балинского облагодетельствовать Петербург, государь сказал мне, что до него дошло известие, что полковник Веретенников, служащий в думе (инженер) проваливал этот проект потому, что ему не дали крупной взятки. Между тем в городе именно говорили, что Балинский, желавший нажить 60—70 миллионов, не стеснялся давать взятки за поддержку своего проекта. Государь прибавил, что Веретенникова надо остерегаться.

16 марта.

Время бежит необычайно быстро. Уже 4 недели поста кончилось. За эти дни выяснилась моя поездка на Дальний Восток (15 апреля выезд). Выяснилось, что вследствие разных сложных причин поездка эта в(есьма) желательная для государя, желательна и его министрам Витте и гр. Ламсдорфу. Кроме того, посланник Японии в Петербурге Курино получил приказание от своего правительства пригласить меня в Японию, дабы успокоить возникшее там движение против России. Безобразовщина с Безобразовым во главе дошла в это время до своего апогея. Адм. Алексеев телеграфировал мне, что он и не думал разрешать 300 нижних чинов в «рабочую артель», предприятия на Ялу. Что он разрешил нанять лишь

40 человек запасных. Безобразов, телеграфируя Абаза, что у него уже есть 300 нижних чинов и требуется еще 300, все врал. Третьего дня у меня снова сидел Абаза и сообщил совершенно диковинную новость: Безобразов решился обойтись без нижних чинов и нанял в свою артель «хунхузов».

Абаза считает это решение в(есьма) удачным. Неделю тому назад государь передал мне для доклада ему записку Безобразова, носящую название: «Расценка положений», и приказал доложить по ней. Какой сумбур. Набор разных слов из курса стратегии и придуманных лично: операционная база, коммуникационные и операционные пути, стратегические авангарды и проч.

В результате признается необходимым усилить наши войска на Дальнем Востоке еще 35.000 человек. Затем полагается необходимым наши силы расположить в предвидении войны с Японией так: 25.000 на Квантуне, 5.000 конных стрелков с горными орудиями в Северной Корее, «стратегический авангард» в Гирине и главные силы в Харбине. Разбросав так наши силы, выражается надежда, что наш 5.000 отряд в Корее будет так искусно действовать, что «нравственно» размотает японцев еще до начала военных действий.

В результате всех деяний Безобразова явились на Дальнем Востоке две политики—«императорская» и «безобразовская». Очевидно, японцы тревожатся, китайцы тоже и готовят протест.

17 марта.

Продолжение.

Вчера мин. юст. Муравьев говорил мне, что он имел продолжительный разговор с государем о манифесте 26 февраля. Что государь показал ему полученное от Победоносцева письмо, в котором сообщалась мнение синода и Победоносцева, что в храмах манифест *прочитан быть не может*. Государь этим очень озабочен и не знал, что делать, ибо и отменять манифест не приходится. По словам Муравьева, он посоветовал государю не настаивать на прочтении манифеста в церквах, но читать его там, где это можно будет по распоряжению местных властей. Государь сказал при этом, что Победоносцев сердится на него, ибо манифест написан без его участия. Муравьев, по его словам, воспользовался этим заявлением, чтобы указать государю опасность действий по указаниям внештатных советников. Государь ответил, что понимает, на кого намекает (Мещерского). Затем Муравьев сказал мне, что манифест состав-

лял Мещерский; что он затем был несколько [1]) Плеве (который тоже был устранен от сего дела) и что манифест кажется носился Мещерским на просмотр к Витте.

Сегодня мне минуло 55 лет.

20 марта.

Вчера сидел 2 часа у С. Ю. Витте. Усиленно боролись за прибавку к предельному бюджету. Я сбавил до 160 мил. рублей. Повидимому, Витте согласен дать 130 мил., кроме прибавки на перевооружение артиллерии 2-й очереди, для чего придется прибавить еще 64 мил. Основною цифрою на 1904 г. будет принято 309 мил. руб., к которой придется сделать некоторые прибавки.

Это все нам недостаточно, но справиться необходимо. Витте просил высказать государю трудность положения и попытаться добиться обещания: а) не развивать флот; 2) приостановить расходы на Дальний Восток.

Витте рассказал, что государь перестал относиться к нему хорошо с тех пор, как гр. Муравьев переслал государю перлюстрованную депешу Радолина Вильгельму, в которой Витте высказал свое мнение о захвате Вильгельмом Киао-Чжоу и нашим государем Порт-Артура в таких выражениях, что это детская игра, которая будет иметь, однако, роковые последствия.

Ламсдорф, вступив в министерство, выдал своего бывшего начальника, сообщив Витте об этом факте.

Витте говорил мне, кроме того, что теперь безобразовцы собираются основать одно общество для утилизации богатств Маньчжурии: привлечь туда американские и французские капиталы. Государь сочувствует. У Вонлярлярского ежедневно собираются Абаза и другие. Витте считает, что все это кончится крупным мошенничеством. Лярский, по его словам, умнее и плутоватее других. Что в результате Маньчжурия будет передана в руки иностранцев.

---

22 марта.

Вчера с Витте докладывали по вопросу о прибавке к предельному бюджету. Толковали мирно. Дружно убеждали государя в необходимости приостановить расходы на флот и на Дальний Восток. Государь выразил волю свою не расходовать

[1]) Вероятно, в оригинале опущено слово: «переделан». *Прим. редакции.*

ежегодно на судостроение более 12 мил. руб. в год, т.-е. в размерах отпуска на сей год. Государь прибавил, что покойный Тыртов признавал это ассигнование вполне достаточным. Равно государь согласился и с необходимостью умерить расходы по Дальнему Востоку. При этих условиях государь утвердил добавок к предельному бюджету в 130 мил. руб. на пятилетие 1904—1908 годов и, кроме того, 105 мил. руб. на тот же период на перевооружение артиллерии (в среду государь утвердил новый образец орудия). Основною цифрою, с которою мы перейдем на 1904 год, признано считать *509 мил. руб.* в год. К ней и прибавляется ежегодно по 26 мил. руб.,+2,15 мил. руб.

---

22 марта.

Сегодня государь пригласил меня с собой в Москву. Собираясь на Дальний Восток, поеду в Москву в среду на Святой. Возвращусь в воскресенье утром, а во вторник на Фоминой выеду на Дальний Восток.

24 марта.

В субботу, вечером, получил письмо от Голицына (Кавказского), в котором просил представить государю прошение его об увольнении от службы.

Утром вчера поехал к нему.

Выяснилось, что причиною служит распоряжение Витте своим подчиненным доставить различные сведения по земской страже. Разобрав дело, увидел, что Витте был неправ. Требовал, напр., чтобы ему разные податные инспектора дали оценку чинов пограничной стражи с нравственной стороны.

Виделся затем с Витте, нашел с его стороны полную готовность уладить это дело миролюбиво, выразить сожаление и успокоить на будущее. Государь вчера прислал мне записку, в которой приказал возвратить отставку Голицына и вызвать его в Царское сегодня.

28 марта.

В среду, 26 марта, было совещание у государя, на котором присутствовали: вел. князь Алексей Александрович, Витте, Плеве, Ламсдорф и я. Предметом обсуждения было лесное дело на Ялу. Повидимому, государь сознал опасность действий г.г. Безобразовых в этом деле; сознал, что бряцание оружием и полное игнорирование всех властей и всех русских заявлений, проявленные Безобразовым, только вредят делу и

могут вызвать осложнения с Японией. Государь просил высказаться всех с полною откровенностью.

Дружнее других проваливали безобразовские затеи Витте и я. Помог и Ламсдорф. Суждения записаны в записной книжке № 21.

Государь согласился, чтобы придать делу частный характер, с поддержкой правительства, но без участия военной силы сухопутной и морской.

Несколько раз государь соглашался, что надо избегать повода к ссоре с Японией, что война с нею совершенно нежелательна. Выразил согласие и на то, чтобы предприятия на Ялу были в высшем ведении адмирала Алексеева. Витте добился своего: ему будет поручено в Пекине через своих агентов добиться получения концессии в Маньчжурии на левом берегу Ялу. Вел. кн. Алексей Александрович высказывался определенно, чтобы это было частное общество, без участия пехотных и морских сил, но с поддержкою, особенно денежною, правительства.

1 апреля.

Сегодня сидел у Плеве. Уезжая на Фоминой неделе на Дальний Восток на 2½ месяца, хотел узнать виды министерства внутр. дел на спокойствие внутри России. Плеве сказал мне, что он надеется на спокойствие внутри России, но что его тревожит Ростов и Кубанская область. Кроме того, он считает нужным поспешить с сформированием конной полиции в Уральском районе из льготных казаков, о чем мы с ним говорили 2—3 месяца тому назад, и просит моего содействия. Затем Плеве по поводу большого числа убитых и раненых в недавнем беспорядке в Златоусте выразил желание, чтобы войска при подавлении беспорядков имели пули не столь убийственные, как ныне. Я отказался от этого, прося лучше принять меры к успокоению населения, дабы не портить войска, заставляя их стрелять в безоружную толпу. Относительно Дальнего Востока Плеве сделал два заявления: о необходимости усилить колонизацию и о проложении дорог, с чем связан и успех колонизации.

На-днях совещались с в. кн. Ник(олаем) Ник(олаевичем) относительно его предположений по главнокомандованию германским фронтом. Он придает с основанием большое значение гродненскому району и просил об усиленном укреплении Гродны. Вместе с сим ему представляется необходимость вой-

ска пландарма обобщить в особую группу войск, независимую от команд. войсками II-й армии. Мысль заслуживает внимания. Я высказал мнение, что с увеличением нашей боевой готовности следует VI-ю армию из Вильны передвинуть в Гродно. Тогда за относительно коротким и сильно укрепленным фронтом мы будем иметь три армии: II-ю у Ломжи, I-ю у Белостока, VI-ю у Гродно. Кроме того, я сделал предложение, принятое великим князем, переместить осадный полк из Двинска в Гродно.

10 апреля. Москва.

Сегодня приехал утром в Москву. В 11 часов был принят сперва государынею, потом государем с продолжительным докладом.

Государыня была в хорошем настроении. Много говорила про Москву, про то хорошее чувство, которое она и государь ощущают в Москве. Что они тут чувствуют себя «совсем иначе, чем в Петербурге». Говорили про особую умилительную торжественность церковных служб на Страстной неделе. Расспрашивал об моем сыне. Спрашивал о случае столкновения в Кронштадте пьяных матросов с нижними чинами Каспийского полка. Были выстрелы, и 10 человек матросов ранены.

Государь встретил меня очень приветливо. Похристосовался. Тоже рассказывал про хорошую встречу в Москве. Говорил, что он тут отдыхает. (Гулял по балкону. Сада нет). Доклад начался с моей поездки на Дальний Восток. Утвердил мои предположения и прибавил свои указания. Все записано в книжке № 21. Продиктовал, что я должен буду сказать японскому императору. Спросил, был ли у меня «этот» Безобразов. Ответил: нет не был. Вероятно,—прибавил я,—у него нечиста совесть, ибо он совершенно пренебрег моими советами. Государь твердо повторил, что лесное дело на Ялу быть должно частным делом и вестись под общим присмотром адм. Алексеева. Утверждая проект сформирования Заамурской железнодорожной бригады, государь очень сочувственно отнесся к моему заявлению, что это будет первый шаг, дабы и всю пограничную стражу Заамурского округа обратить в общего характера военную силу и подчинить ее военному министерству. Государь с живостью ответил: «Буду ждать по возвращении вашем доклада по сему важному вопросу». Я добавил, что Витте быстро готовится к мысли, что этим должно кончиться. Затем государь прибавил, что я должен ознакомиться с вопросом о заселении полосы железной дороги русским элементом.

Относительно Японии государь сказал мне с насмешкою, что я в императоре увижу довольно странную и неприятную фигуру, с которою можно будет говорить только с переводчиком. Костюм увижу странный, и странные будут жесты. Государь сделал при этом довольно презрительную гримасу.

Уполномочил меня изгладить следы деятельности Безобразова. Так разрешил, переговорив с Алексеевым, отвести назад казачий полк из Фын-Хуан-Чена (против Корейской границы). Равно разрешил Махдритова заменить другим лицом. Я говорил государю, что, и уничтожая следы Безобразова, надо исполнить это с осторожностью и постепенностью.

Государь рассказал мне, что недавно у нас в Персии было затруднение по займу, которое чуть не стоило места первому министру Персии Садри-Азаму. Что Витте очень большую проявлял резкость в этом деле. Что надо было помочь, что теперь и исполнено.

Я указал, что Власов очень хороший знаток Персии, но болен манией величия, и что его, по словам Коссаговского, там не любят. Государь говорил с уважением о Лессаре: что он прислушивается к его отзывам о Китае.

Государь спрашивал: видел ли я Драгомирова. Ответил: да. Ну, что же он? Ответил: огорчен несколько, что его не упрашивали остаться. Государь рассказал, что Драгомиров, желая провести на свое место своего кандидата, очень чернил Пузыревского.

Я испросил у государя соизволения, дабы на маневрах в варшавском округе южною армиею командовал Пузыревский.

На вокзале меня, по обыкновению, встретил г.-м. Трепов. Когда мы остались одни, он мне таинственно передал, что вел. кн. Сергей Александрович очень был бы счастлив получить звание шефа 5 Киевского грен. полка. Я об этом желании передал государю, который, улыбаясь, сказал мне, что ему из того же источника и о том же говорил и Плеве. Государь согласился.

Завтракал у Юсуповых. Как всегда, Зинаида Николаевна была очаровательна. Для меня находиться в ее обществе — истинное наслаждение и притом без всякой примеси каких-либо греховных помыслов. По мере знакомства все больше нравится мне и муж ее. Дети же давно нравятся. Старший — проще. После завтрака хозяевам сообщили по телефону, что к ним между 4 и 5 пожалуют государь с государынею пить чай.

Обедал за гофмаршальским столом. Вечером смотрели все новый балет в декадентском вкусе «Эсмеральда». Шумно, дико. После второй картины уехал. Между завтраком и обедом провел в Московском отделении архива главного штаба в Лефортовском дворце. Все еще очень запущено. Со стороны смотрителя архива не вижу сознательного отношения к относительной важности различных отделов архива. Надо начать приводить в порядок дела, имеющие отношение к военным походам России. Приказал начать с дел войны 77—78 годов, которые хранятся в довольно растрепанном виде. Надо также отдать архиву особый корпус, принадлежащий ко дворцу, но занятый инженерною дистанциею.

14 апреля. Петербург.

11 апреля был в Москве смотр войск. Прошел хорошо, но заезды начальствующих лиц перед государем снова вызвали неудовольствие нашего столь снисходительного государя. Докладывал 12(-го) о мерах, кои надлежит принять, дабы выучить начальствующих лиц ездить верхом и делать заезды.

11-го же смотрел Третьяковскую галлерею. Опечалился увидеть, что пополнение галлерии делается путем покупки декадентских изделий. Сам директор галлереи—художник и декадент. Испортит галлерею.

Перед от'ездом сидел у меня час времени В. К. Плеве. Говорили о беспорядках в Кишиневе и Кронштадте. Как и от государя, я услышал от Плеве, что евреев следовало проучить, что они зазнались и в революционном движении идут впереди.

Говорил Плеве о необходимости приобресть доверие лучшей части населения, успокоить эти лучшие силы, привлечь их к борьбе вместе с правительством против революционных элементов. Говорил о необходимости не налагать рук на наше самоуправление в земстве, в городах. Плеве возражал, что он и не думает итти путем ретроградным. Что путь ему представляется ясным. Что прежде всего надо приподнять значение церкви. Вернуть церковному влиянию население. Увеличить значение прихода. Затем надо приподнять достаток сельского населения. Если эти цели будут достигнуты, то он надеется остановить поток недовольства, протеста и даже открытой борьбы.

12-го государь принял меня последний раз перед от'ездом на Дальний Восток. Очень тепло простился. Поцеловал. Про-

сил поласковей передать поклон и привет войскам. Приказал «поласковее погладить по голове Алексеева». Все записано в книжке № 21.

Вчера, 13 апреля, имели совещание из министров иностранных дел, финансов, меня, Лессара, Оболенского по вопросу об эвакуации Маньчжурии. В сущности и Витте и Ламсдорф, наконец, приняли мое требование не выводить из Северной Маньчжурии 9 бат-ов пехоты с соответствующим числом частей других родов оружия. Мы их оставляем: два бат-на в Харбине, два в Цицикаре и Фулярди, два в Нингуте и по дороге, 1 бат-он в Хайларе, 1 бат-он в Хунгчуне и 1 бат-он по Сунгари и по тракту Цицикар—Благовещенск.

После этого совещания вели переговоры о моей поездке с Витте. Очень предупредителен. Просит подробно вникнуть во все его предприятия. Осмотреть подробно железную дорогу. Вникнуть в решение основного вопроса: возвратить ли Владивостоку и Приамурскому краю порто-франко или закрыть границу и для этого района установить покровительственную систему. Теперь все жалуются на уничтожение порто-франко. Но если восстановить порто-франко, то хлеб дешевый китайский хлынет и утопит наше земледелие.

Витте первый раз признал, что настоящим портом для южной ветви железной дороги будет не Дальний, а Инкоу.

Перед от'ездом в Москву меня посетил князь Мещерский. Эта старая умная лисица очень нежно пела о своей ко мне привязанности, как к воину, об огорчении его, что он слышит, что я его браню. Далее он говорил, что и он смотрит на многие вопросы, как и я, и не жалкий ретроград, а лишь представитель принципа сильной власти. В конце-концов, попросил оказать ему содействие в распространении в войсках издаваемой им вновь по указанию государя газеты для народа.

24 июля.

Более недели тому назад приехал в Петербург, и все не могу притти в себя от изумления от всего, что слышу кругом.

Главною темою все же служит Безобразов. Витте говорил мне, что Мещерский написал государю очень хорошее письмо, в котором предупреждал государя, что составился заговор против государя и его министров, и что во главе заговора стоит Николай Александрович, а далее следуют Безобразовы, Абазы,

Лярские и т. п. Он же писал письмо государю в защиту военного министра, в котором писал, что Куропаткин в России один и что нельзя с ним так поступать, как поступили по совету Безобразова, задержав в Японии, чтобы дать время Безобразову приехать ранее меня в Порт-Артур к Алексееву. Витте говорил, что раскрылось, что Безобразов ходил к Витте и ругал меня и Ламсдорфа, и обратно, но, что хуже, говорил Ламсдорфу, что его ругает Витте, а Витте говорил, что его ругает Ламсдорф. На мне он тоже, что называется, вешал собак. Хвалился, что это он дал идею государю послать две бригады в Забайкалье и что это он указал источник для покрытия этих расходов—сокращение больших маневров в варшавском военном округе. Он же хвалился, что находит бесполезным строить Принаревскую железную дорогу. Ему же было разрешено получить в гл. штабе и в гл. управлениях самые секретные материалы. Он же у ген. Жилинского, который его товарищ по кавалергадскому полку, говорил: «Сахаров еще на хорошем счету у государя, но он может сильно испортить себе, если не отнесется должным образом к предприятию на Ялу». Он же говорил Жилинскому, что озабочен назначением начальника штаба к адм. Алексееву. Что Флуг молод. Когда же Жилинский указал ему на Вогака, то Безобразов ответил, что Вогак ему нужен здесь.

Сегодня обедал у Витте вместе с Н. В. Муравьевым. Оба они смотрят с тревогою на настоящее положение дел. Говорят, что теперь хуже, чем было при Сипягине, что этот хотя был убежден в пригодности того, что им проводилось в жизнь. Теперь же Плеве действует без убеждений, политическими мерами. Что будут серьезные беспорядки, что много прольется крови, что войска будут развращаться. Что надо скорей убирать таких деятелей, как кн. Голицын (на Кавказе). На мой вопрос: «Чего же они хотят?», Муравьев ответил, что общее недовольство настоящим режимом охватило все слои общества. Что так долго длиться не может.

Сегодня в Красном сидел за завтраком против государя. Его величество был очень добр ко мне и много расспрашивал про Японию. Сегодня отправил государю свою записку по Дальнему Востоку с разбором безобразовских фантазий и с разбором знаменитого «заслона» на Ялу. Написана сильно.

1 августа.

Вчера в канцелярию военного министра, во время приема представлявшихся, ко мне приехал С. Ю. Витте, возбужден-

ный, и привез номер «Правительственного Вестника», в котором неожиданно для всех министров, кроме Плеве и, думаю, кроме самого Витте, был напечатан указ о наместнике на Дальнем Востоке. Читали вместе и многое было нам непонятно. В особенности тяжело мне было прочесть, что, несмотря на мнение г.-а. Алексеева, переданное мною государю, о том, что Алексеев просит не вверять ему Приамурский край, таковой был ему вручен в главное управление с из'ятием всей гражданской части из ведения министерств. Прежде всего исполнение указа ныне же и мне и Витте представлялось мало выполнимым, ибо у Алексеева нет ныне органов и лиц, которые могли бы помочь ему вступление в должность наместника не по существу, а по форме [1]).

В указе значилось, что Алексееву вверяется командование войсками в Приам. крае, кроме Квантуна. Такое решение государь принял, не выслушав моего мнения, поэтому я высказал Витте мнение, что мне снова придется поставить вопрос о доверии и, вероятно, оставить пост военного министра, ибо в таковом решении государя я усматриваю недоверие к себе, а без доверия управлять с успехом военным министерством нельзя.

В тот же день я был у Плеве (мы ранее условились видеться в этот день) и, конечно, говорили об указе. Плеве успокаивает меня и говорит, что и он узнал об указе всего за два дня до его обнародования, при чем ему даже приходилось испрашивать указание государя: кто должен контр-ассигновать указ? Плеве мне рассказал следующее: черта недоверия к министрам и издание важных актов без их посредства обща всем государям, начиная с Александра I. Эта черта находится в связи с основным принципом самодержавия [2]). Самодержцы по наружности выслушивают своих министров, наружно соглашаются с ними, но почти всегда люди со стороны находят легкий доступ в их сердца или вселяют государям недоверие к своим министрам, представляя их покусителями на самодержавные права. Отсюда двойственность действий. Даже такой сильный характер, какой был у императора Александра III, не был чужд сему образу действий. После трагической кончины императора Александра II, имп. Александр III еще находился в расположении либеральном. Уже при нем было образовано особое совещание под председательством

[1]) Так в оригинале. *Прим. редакции.*

[2]) Плеве выразился так: «Уступают внешним образом министрам, а на стороне ищут союзников в защиту самодержавия».

вел. кн. Владимира Александровича в сущности по вопросу о конституции. Главными руководителями были: гр. Милютин—разум и вдохновитель; Абаза—авторитетный сотрудник Милютина и Лорис-Меликов—исполнитель. Когда заседание было в полном ходу, в залу заседания вошел министр юстиции Набоков и заявил о неожиданно для всех изданном государем манифесте о закреплении самодержавия. Все были поражены. Абаза и Лорис-Меликов приготовили прошение об отставке, но Милютин отказался подавать в отставку, указав, что он не должен протестовать в такой форме, и что необходимо, чтобы государь имел время приискать ему преемника. Плеве с полным основанием указал мне на пример Милютина для подражания. Мне, конечно, не надо было это и указывать, так я был далек от мысли своим протестом давать дурной пример чинам армии. Но если доверие ко мне утрачено, то, очевидно, и сам государь не признает нужным и полезным держать меня на посту военного министра.

Плеве дополнил свой рассказ указанием, что манифест Александра III был написан Победоносцевым, что ранее государь вызывал Каткова, беседовал с ним.

Мы вспоминали и Сперанского, но все же Сперанский и Победоносцев—не Безобразов.

4 августа.

Императорский поезд близ Пскова.

Записываю ниже мой разговор с государем 2 августа, наскоро записанный мною карандашем в записную книжку № 22.

Во время доклада я испросил некоторые указания относительно военной части указа о наместничестве и увидел, что его величество иначе понимает указ, чем то изложено в тексте его. Так, в приказе значится, что только гражданские дела исключаются из ведения министерств, а его величеству представляется, что это касается и дел военных. Когда я высказал свои сомнения о возможности для Алексеева приступить к исполнению новых его обязанностей, государь приказал приготовить особый приказ по военному ведомству о подчинении Алексееву войск приамурского в. округа, указав при этом, что военный округ сохранится и что будет отдан приказ и по морскому ведомству. Я просил государя и получил согласие государя предварительно запросить мнение Алексеева, чтобы он сам выяснил, как полагает установить он подчиненность себе лиц и управлений приамурского в. округа (вчера уже и отправлена об этом Алексееву депеша).

Затем я спросил государя: известно ли было Алексееву предварительно содержание указа? И как отнесся он к подчинению ему и приамурского ген.-губернаторства и военного округа. Что я спрашивал это ввиду того, что Алексеев поручил мне передать его величеству свое твердое мнение о невозможности для него справиться с этим делом, если ему поручат и Приамур. ген.-губернаторство. Что я опасаюсь, как бы государь, не найдя подтверждения моих слов в самом Алексееве, не усомнился в правильности моего заявления. Государь на первый вопрос не ответил, а на последующие ответил, что мнение Алексеева о том, что он не справится с Приамурским краем, известно ему и из других источников, но что он не придал этому мнению значения, относя такой взгляд к излишней скромности Алексеева.

Тогда я перешел к самой щекотливой части моего доклада. Я высказал государю, что никто из его подданных даже думать не должен проникнуть в помыслы государя при свершении им тех или других деяний. Государи ответственны в своих путях, избранных ими для блага народа, только перед богом и историею. Что поэтому я даже, будучи противником подчинения Приамурского края Алексееву, вовсе не имею претензии полагать, что мое мнение правильно. Поэтому я преклонился бы перед каждым решением государя и приложил бы все силы к наилучшему выполнению его. Но, будучи поставлен доверием государя во главе важного министерства, я по закону несу ответственность за правильное течение дел в министерстве. Имея доверие государя, мне можно справиться с тяжелыми лежащими на мне обязанностями, но если доверие будет утрачено, если кругом увидят, что доверия этого нет более, то меня начнут третировать, обходить родственники государя, командующие войсками, другие министры, и успешное выполнение обязанностей министра станет невозможным. Как военный министр, я имею право надеяться, что ранее, чем будет изменен порядок подчиненности целой окраины, будет выслушано мое мнение. Что, повторяю, я не надеюсь, чтобы это мнение было принято, но надо было его спросить, ибо именно то, что это мнение не было спрошено, и составляет доказательство недоверия к своему министру, только что возвратившемуся из Дальнего Востока, где он изучал этот вопрос, узнавал мнение лиц, к сему делу причастных. Государь ответил, что он мое мнение уже слышал, когда я делал ему первый доклад, возвратившись из поездки, передавая мнение о Приамурском крае Алексеева, что он уже 1½ года тому назад решил этот вопрос, что он совещался с Алексеем Александровичем.

Далее я попросил государя высказать ему откровенно те причины, которые делают отправление моих обязанностей затруднительными и вообще вносят в ведение дел по военному министерству смуту. Я рассказал государю, как Безобразов вмешивается в дела военного министерства, самые секретные, как он в Порт-Артуре и здесь в главном штабе говорит о наших приготовлениях на западной границе, как заявлял Сахарову о необходимости нам сократить свои требования по западу; что, например, постройка укреплений по Нареву излишня; что проводить Принаревские дороги не следует. В Порт-Артуре он говорил мне, что «мы не будем собирать войск за Наревом». Величайшие тайны выносятся на улицу (Сахарову Безобразов сказал, что ему об этих вопросах передал Витте). Я говорил государю, что Безобразов хвалился, что это он посоветовал государю отменить затеянные Куропаткиным маневры в варшавском военном округе, и на кредиты, для сего назначенные, посоветовал послать в Забайкалье две бригады из Европейской России. Что, действительно, это решение состоялось без всякого участия ген. Сахарова, оставшегося за военного министра. Что Безобразов говорил ген. Жилинскому в главном штабе: передайте Сахарову, что государь к нему еще благоволит, государь об нем еще хорошего мнения, но если он пойдет по стопам Куропаткина в деле об Ялу, то все это переменится. Безобразов говорил в главном штабе, что он против моей поездки в Японию; что я, грубый солдат, могу все там напортить. Через несколько дней он говорил, что Ламсдорф настаивает на этой поездке, и государь тоже желает этого. Тогда Безобразов предложил приготовить мне няньку в виде Вогака. Я снова повторил государю, как был задержан в Японии, дабы не прибыть в Порт-Артур ранее 17-го июня. Как Абаза бегал в главный штаб справляться, когда я приеду в Порт-Артур, и как он был рад, узнав, что я приеду 17. «Слава богу,—сказал он,—мы не хотели пускать Куропаткина к Алексееву ранее, чем к нему приедет Безобразов». На все это государь несколько раз с негодованием отзывался: «неужели они это позволили себе» и «это для меня новости».

Я в почтительных выражениях доложил, в какое тягостное состояние я попал, приехав с Дальнего Востока; что все выражают мне какие-то сожаления, выражают чувства сочувствия, которые просто обидны. Я напомнил государю, что ранее чем попасть в министры, я уже сделал себе имя известного всей России, имя храброго, честного, преданного своему государю солдата, что это доброе имя составляет все мое достояние, которое я могу передать своему сыну, что я обязан за-

596

щищать это достояние. Ныне на меня смотрят и спрашивают: что же снесу я все эти унижения, и буду цепляться за министерский пост, за казенную квартиру и проч.; или скажу правду своему государю, скажу, какую смуту вносят Безобразовы в жизнь, как подрывают власть; и буду просить государя, если ко мне нет более доверия, то уволить меня от занимаемой должности, заменив лицом, которое будет пользоваться этим доверием. Что без колебания я избираю второй путь и верноподданнически свидетельствую, что Безобразов вреден, что то, что он делает со мной,—пустяки и на это не стоит обращать внимания сравнительно с общим вредом от его деятельности. Что он образовал какой-то «черный кабинет»; что даже высокопоставленные люди идут к нему тайком со своими навета-ми; что он заявляет и дает доказательства своего всесилия, что не знают, кого слушаться, где власть; что все это пагубно влияет на авторитет власти, подрывает его; что недоверие к министрам государя становится известною данною и обсуждается публикою [1]). Я вспомнил государю день, когда я был избран государем в министры. Я тогда сказал его величеству: «Великую новость говорите мне, ваше величество. Великое доверие мне оказываете, но я не чувствую *в своем сердце радости.* Этой радости я не чувствовал, ваше величество, в течение тяжелых 5½ лет, что я министром. Это был непрерывный, тяжелый, нервный труд. Не было своей жизни. Кроме тяжкой работы по должности, много сил уходило на борьбу с великими князьями, с министрами. Одна борьба из-за добывания денежных средств чего мне стоила». Государь утвердительно кивнул головой и сказал: «Да, это я знаю».—«Но,—продолжал я,—этот каторжный труд выносился мною легко, когда я видел к себе ваше доверие. Я чувствовал тогда, что я нужен вам, нужен России. Но если бы нужда во мне почему-либо прекратилась, то оставить должность министра составит облегчение для меня, и я с радостью буду приветствовать этот день». Государь прерывает меня и говорит, что ему некем меня заменить, и повторяет эту фразу в течение разговора три раза. Затем он прибавляет: «Как же это так? Уже на покой». Я отвечаю, что покоя не будет; что высоким доверием государя я предназначен им в случае войны быть главнокомандующим армиями южного фронта, что если эти обязанности государь сохранит за мной и после ухода из министров, дела будет

[1]) Можно бы было прибавить, что в революционных листках, распространяемых в народе, тоже все бранят министров и внушают к ним недоверие. Невольно тем же занимается и Безобразов.

много и без должности министра. Что я буду иметь время вполне подготовиться к тяжелой, выпадающей на меня, роли, и, имея небольшой штат, буду работать теоретически и практически, буду об'езжать войска армий, кои будут подчинены мне в военное время. Я прибавил, что, вероятно, государь будет призывать меня и к другим делам; что, напр., буду участвовать и в комитете по делам Дальнего Востока и что доверие ко мне государя только возрастет, когда я перестану быть министром. Государь остановил меня и сказал: «Знаете ведь, как то ни странно, а это, быть может, психологически верно». Этим государь как бы подтвердил свое принципиальное недоверие к министрам. Государь снова повторил, что ему некем меня заменить, но затем сказал: «Конечно, о назначении в государственный совет нечего и говорить, но у меня другая мысль: не примете ли вы должность командующего войсками киевского военного округа. Вы так любите войска и строевую службу». Я ответил, что счастлив буду служить на каждом посту, который назначит мне государь, но если спросить моего откровенного мнения, то это назначение составит для меня: «из попов да в дьяконы». «Почему?—спросил государь,—разве командующие войсками в округах не стоят наравне с военным министром?». Я раз'яснил государю существенную разницу и даже неопределенность указаний в законе. Указал, что военный министр имеет власть над всеми округами ту же, что каждый командующий войсками имеет у себя; что военный министр есть прямой начальник всех управлений и учреждений; что командующие войсками сносятся с ним рапортами, «представляют», «доносят». Что, напр., если государь изберет вместо меня Сахарова, то я ему обязан буду писать рапорты. Что мне труднее будет влиять на подготовку к войне войск одесского и московского округов, чем если я останусь в Петербурге независимый от должности командующего войсками, что ныне с этою должностью связано и генерал-губернаторство, а мне придется быть только командующим войсками. Государь возразил: «Я раскаиваюсь, что вверил эту должность Драгомирову».

Я закончил просьбою не принять мой разговор как протест, что я более всего боюсь быть обвиненным в протесте против решений [1]) своего государя, что поэтому прошу уволить меня в двухмесячный отпуск, а затем государю видно будет, что со мной сделать. Что, быть может, его величеству угодно будет, чтобы я провел план мероприятий на следующее пяти-

[1]) Дурной пример другим.

летие. Государь ответил: «Это очень важное дело». Спросил, куда поеду в отпуск. Ответил: «Преимущественно, в Финляндию!»—«Вы не боитесь жить там?»—«Нет, ваше величество. я боюсь бога и вас и больше никого. Я верю в бога и убийц не боюсь».—«Ловить рыбу? Я слышал, что выезжаете ловить рыбу в бурю...». Надо прибавить, что среди разговора, когда я говорил о Безобразове, то испросил у государя разрешение вытребовать у Безобразова все полученные им секретные у нас материалы и сделать распоряжение, чтобы таких материалов ни ему, ни лицам, при нем состоящим, не выдавалось.

Говоря о трудности министерского служения, я заметил, что год работы отнимает два года жизни. Государь твердо сказал, что во всяком случае он сохранит за мною главнокомандование войсками в военное время.

Сегодня прошел первый день пребывания государя на маневрах под Псковом. Шел все время дождь, и путаницы в войсках было много. Особенно напутала гвард. стрелковая бригада и 22 див. Афанасовича. Завтракали в поезде, сидел рядом с государынею. Говорили много порусски. Государь был оживлен.

Обедало всего 10 человек. Из нашего поезда были приглашены только Фредерикс, Гессе и я. Кроме того, дежурный ад'ютант Долгоруков. Были приглашены *Пендзек*, начальник штаба французской армии, и Сахаров. Менее оживленно, чем за завтраком, но тоже весьма просто и мило. Государь и государыня очаровательны. Кроме них, пока из царской семьи только Ольга Александровна. Она прелестна, но много мальчишеского. Фрейлина одна—Оленина. Все в поезде живут *мирно*.

5 августа.

Сегодня день прошел без осмотра маневров войск, кои заслуживали бы внимание государя. Все утро оставались в поезде. Государь принял меня с докладом и дал 2½ часа времени. Успел окончить свой доклад по командировке на Дальний Восток. Делал доклад по пограничной страже, по железной дороге в техническом и экономическом отношениях, по Приамурскому краю. Государь сочувственно отнесся к моему заявлению, что новые предприятия на Дальнем Востоке еще более обездолили Приамурский край. Согласился и с мнением, что нам придется продолжить дорогу от Сретенска до Хабаровска. Затем после завтрака ездили осматривать Псково-Печерский монастырь. Много старины времен Иоанна Грозного.

Там он приказал отрубить голову настоятелю за переписку с Курбским, и в тот же день, раскаявшись, нес покойника во главе всех хоронить, а монастырь одарил.

За обедом и за завтраком сидел рядом с государынею, а ее величество много говорила со мною по-французски и по-русски.

Все идет сильный дождь.

Маневры идут вяло. Задача составлена Васмундом умело и интересно, но исполнители: Мейендорф и Чекмарев (головной корпус Каханова) действуют слабо, ибо не понимают обстановки. Конница своего дела не делает. Отдельные стычки пехотных частей вчера, на глазах у начальника штаба французской армии, были неестественны и беспорядочны.

6 августа.

День вышел удачный по погоде. Небо прояснилось. Парад относительно удался, если не считать, что преображенцы прошли слабо, хуже всех. Лучше других прошел Новороссийский пехотный полк 3 кавалерийской дивизии, тоже праздновавший свой полковой праздник.

Государь все же отметил в приказе, что все части на параде представились в блестящем виде. Завтрак был предложен от двора 300 офицерам. Государь произнес обычные тосты. После завтрака все вернулись в поезд, и около 4-х часов пополудни гуляли в сосновом лесу.

Обед в очень тесном кругу прошел оживленно. Государь вспоминал сочинение Золя «Bête humaine» и «Le Débacle». Особенно его поразили сцены Седанской катастрофы. После обеда вышли на платформу и, по шаловливому почину Ольги Александровны, катались с лестницы на подносе: сама Ольга Александровна, Струков, Гессе. Затем стали кататься с песчаной насыпи. Скатился и государь. Много все смеялись. Государь очень ловко прыгал с вершины откоса на скат. Далее всех прыгнул флиг.-ад. Нарышкин. Он прыгнул и с перил. Ольга Александровна резвилась, как прелестный мальчик, и заражала всех своею веселостью. Государь мило и любовно шутил с нею.

Государыня, оставаясь у лестницы, много смеялась. Но вот она захотела перелезть через перила, запнулась и упала навзничь. Она тотчас поднялась, сказала, что не ушиблась, но раза два подносила руку к голове. Когда все разошлись, Гирш был потребован к государыне.

Струков 64 лет удивил всех своею ловкостью.

8 августа.

Вчера и сегодня много ездили верхом. Вчера должны были видеть, как Мейендорф, пользуясь превосходством в силах, разобьет Каханова по частям. Этого не вышло. Каханов успел притянуть к себе 20 корпус, которым наступал на гвардию, и 1 корпусом атаковал сводную дивизию 18 корп. Мейендорф, непонятным образом, направил 24 пех. дивизию правым берегом Великой. Все пехотные части двух армий бродили впотьмах, так мало было при них оставлено корпусной конницы. В то же время конница двух сторон в составе 12 полков составила, по обыкновению, конное, довольно беспорядочное ристалище. Воспользовался этим случаем, чтобы еще раз доложить государю об увлечении с нашей стороны стратегическою (армейскою) конницею. Докладывал свое мнение, что прежде всего надо обеспечивать корпуса пехоты корпусной конницей по расчету 6 эск. или сотен на арм. корпус и уже, что останется, давать в армейскую конницу, а не (на)оборот. Дальнюю разведку мы выучились делать, а ближнюю не умеем и не учимся.

Странное тоже было распоряжение о спешном отступлении гвард. корпуса, когда показались только еще передовые части 20 корпуса. Вместо того, чтобы напротив держаться, чтобы облегчить положение Курта, гвардия, не принимая боя, отступила и оставила свои позиции перед Псковом противнику.

Государыня плохо спала ночь и на маневры не ездила. Ольга Александровна и Мария Павловна ездили верхом и очень хорошо.

Сегодня был «генеральный бой». Дабы он мог состояться впереди Пскова, на правом берегу р. Великой, 20 корпус отодвинули назад, а гвардии дали занять выбранную ею ранее позицию.

Тактические действия двух сторон не были поучительны. Особенно ошибочно было приказывать переходить в наступление с горы Преображенского полка [1]), когда противник был еще в 800 шагах. Противнику (6 полков 45 и 29 дивизии), вместо движения навстречу, следовало бы остановиться и открыть огонь. Государь выразил желание в этот день особенно хорошо осмотреть 20 корпус. Но, вместо сего, слишком много времени уделил на об'езд гвардии. Окончив об'езд войск по фронту, государь повернул к резервам, где стояла и кавалерия. Когда я заметил Гессе, что мы удаляемся от 20 корпуса,

[1]) Так в оригинале. *Прим. редакции.*

который государь хотел особо подробно видеть, Гессе заметил: «Мы едем к кавалерии, чтобы увидеть улан. В этом все дело». И так и в других делах. Государыня в этот день ездила в коляске. 20 корпус в этот день мы видели очень мало, но со всеми гвардейскими полками государь поздоровался.

10 августа.

Вчера был обычный доклад. Спросил: утвердил ли государь журнал совещания трех министров, Ламсдорфа, Витте и меня по делам Дальнего Востока, на основании совещаний в Порт-Артуре. Государь ответил уклончиво, что он не дочитал еще последних четырех страниц. Это совещание (второе уже) было у нас 1 августа, и государь выразил желание, чтобы был приглашен и Безобразов: «пусть,—сказал государь Ламсдорфу,—останется при особом мнении».

Безобразов ответил на приглашение условно, указав, что в этот день он ожидает быть принятым у государя. Государь мне говорил, что действительно (в 6 часов вечера) Безобразов был принят. Мы же заседали до первого часу ночи. Поэтому Безобразов мог явиться на заседание хотя в 9 или 10 час. вечера. Но он не явился, и уже выпустил жалобу, что его не пригласили. Надо это рассеять.

В докладе моем наибольшее упоминание заслуживает дело о политически неблагополучном элементе в армии. К нам поступают привлеченные к ответственности. Когда о них дела оканчиваются, то некоторые исключаются из рядов армии, а некоторые арестуются. Из нижних чинов, совершивших преступление до поступления в армию, было в 1898 году—8 чел., 1899—15, 1900—30, 1901—25, 1902—40, в 1903 по 1 июля—73. Офицеров—8 за 5 лет. Меры принять надо серьезные, но я снова государю докладывал, что, без оздоровления всей народной массы, зараза в армии будет проникать все более и более.

Ездили сегодня в собор, монастырь, Поганкины палаты. Были на «чае» у дворян. Обедали с французскою миссиею, Пендзеком и двумя его ад'ютантами. Государь и государыня были к ним очень любезны и, после обеда, на платформе говорили с каждым. Ольга Александровна была тоже приглашена занимать их, но скоро отказалась. Подошла ко мне и откровенно говорила, что это очень скучно, и что она этого делать не умеет. Жаловалась, что забыла французский язык.

Сегодня был общий парад. Прошел прекрасно. Погода благоприятствовала. Все войска имели в. свежий и бодрый

вид. Лошади в отличных телах. 20 корпус представился очень хорошо. Лучше других на мой взгляд прошли полки 37 п. дивизии. Два дня под ряд государь с офицерами завтракает в поле. При проводах офицеров несколько сот офицеров, так теснятся к государю с криками «ура» и с желанием поднять на «ура», что я и Фредерикс с трудом два дня сдерживали эту толпу. Надо принять меры.

Вчера на докладе, как вывод из маневров, я доложил государю после обзора действий двух сторон, что маневр задуман был прекрасно, интересно в высшей степени, но что начальники сторон требовались выдающиеся.

Стратегически Каханов действовал очень хорошо. Мейендорф очень плохо. Тактически и тот и другой действовали слабо, в особенности, благодаря отсутствию корпусной конницы.

Сейчас пил чай с царской семьей. Государь был очень в духе. Много говорил. Смеялись много тому, что Гессе упал в толпе. Ольга Александровна рассказывала, что какой-то офицер взял ее руку и ею толкал офицеров. Государыня, с которою я сидел рядом, много говорила со мной о предстоящих маневрах в варшавском в. округе. Я ей напомнил, как 5 лет тому назад перед отъездом с государем, по случаю смерти бабушки его, государыня говорила мне о необходимости нам спешить с перевооружением артиллерии.

За завтраком в царском шатре я сидел рядом с Ольгою Александровною. Говорили о том, что она собирается делать. Она сказала: «Я поеду в эту несчастную Данию». Когда я ей шутя заметил, что она высказывает мне доверие, высказывая такую смелую мысль, она мне ответила, я не скрываю, что не люблю Данию. Тут же она поставила в Преображенском полку и в жизни для себя первым номером брата и только вторым мужа, и когда я заметил, что обыкновенно бывает обратно, она мне мило ответила: «я своего брата знаю раньше и полюбила раньше».

За чаем Ольга Александровна довольно больно укусила государя своими белыми зубами за руку, государь вскрикнул и дал ей хорошего пинка, но сделал это в высшей степени любовно. Любовно смотрит на Ольгу Александровну и государыня.

12 августа.

Сейчас ушел гр. Ламсдорф. Передал, что государь в отмену своего решения, дабы ранее утверждения журнала трех министров (Ламсдорфа, Витте и меня) по Маньчжурским и Корейским делам запросить заключение наместника (что и было

сделано), ныне приказал телеграфировать Алексееву, что он утверждает наше предположение по Маньчжурскому вопросу и будет ждать заключения Алексеева лишь по Корейскому. Главным образом государь держится за Ялу и не хочет соглашаться, чтобы это предприятие стало совершенно частным.

Относительно указа о наместничестве Ламсдорф рассказал интересную новость. Государь и мне говорил, что относительно издания указа он советовался с Алексеем Александровичем. На-днях Авелан был у Ламсдорфа и рассказал, что, зайдя 2 августа к великому князю, он застал его в необычайном виде. Великий князь с недовольным видом сидел за письменным столом и что-то писал. Он встретил Авелана словами: «Сегодня я не могу дать вам много времени для доклада. Государь прислал мне на просмотр вот этот проект указа о наместничестве, и я сижу за этим делом». Авелан, к великому удивлению великого князя, ответил: «Напрасно трудитесь, ваше высочество, указ уже опубликован несколько дней тому назад». Удивление вел. князя было великое...

Ламсдорф тоже передал мне, что в дипломатических кругах (узнано, вероятно, путем перлюстрации или дешифрирования депеши) полагают, что Витте соединился с Безобразовым. Ламсдорф этому не верит.

Государь обещал мне сегодня, поддержать меня завтра в совещании, под его председательством, о постройке с будущего года Бобр-Наревской железной дороги до Остроленки.

Он, выслушав мой доклад о предположенном сосредоточении I и II армии по мысли Николая Николаевачи (вел. кн.), ныне государем утвержденном, и бывшем проекте сосредоточения, выразился, что он сам давно разделял те мысли, которые были выражены вел. кн. Ник. Ник. Я указал при этом, что оставление без обороны (или при очень слабой обороне) реки Нарева между Зегржем и Остроленкою тяжко отразится на положении III армии, ибо тыл ее и особенно правый фланг будут угрожаемы германскими войсками по прорыве ими линии Нарева, что поэтому надо принять все меры, дабы положение армии не стало критическим. Надо ей облегчить возможность уйти за Буг; выражает [1]) при этом значение Влодавы. В числе мер к более упорному отстаиванию линии Бобра и Нарева я отношу и прокладку вдоль этих рек линии железных дорог. Но что временно ограничиваю свои требования прове-

[1]) Так в оригинале. *Прим. редакции.*

дением дороги по Нареву только от Визовны до Остроленки.

Государь одобрил эти соображения и выразился, что он особенно внимательно к ним отнесся и потому, что я докладываю ему это дело не только как военный министр, но и как главнокомандующий южным фронтом.

18 августа.

Вчера С. Ю. Витте, когда я навестил его, рассказал мне следующее: в пятницу 15 августа государь назначил ему доклад в 2 часа пополудни, и накануне запискою поручил привезти с собою Плеске. Витте, ничего не предполагал особенного и в течение двух часов докладывал государю такие мероприятия, кои касались более будущего, чем настоящего. Когда доклад уже оканчивался, государь неожиданно обратился к Витте со словами:—«у меня к вам, Сергей Юльевич, есть просьба: я хочу вас просить принять пост председателя комитета министров». Витте сидел молча и, вероятно, на лице его выразилось что-либо, ибо государь проговорил: «Я вижу вы, Сергей Юльевич, недовольны. Но ведь это важнейший в государстве пост». По словам Витте, он ответил, что если государь ему прикажет быть дворником при его доме, то и тогда он употребит все силы, дабы с успехом выполнить возложенную на него задачу, но если государю угодно знать личное мнение Витте, то он затрудняется говорить его без разрешения на то государя.—«Говорите, говорите»,—сказал государь. «Тогда, ваше величество, я бы просил совсем уволить меня от всех должностей» [1]). Государь удивился. «Зачем это вам?». Витте об'яснил, что до призыва на государственную службу он получал на частной службе до 60.000 р. в год. Никогда ранее и тем более теперь казна не могла его так обеспечить. Поэтому он и просит вернуть его в первобытное состояние.

Затем государь успокаивал Витте и говорил: «Вы видите, я вам назначаю преемником Плеске, которого вы сами мне намечали. Каждый в этом увидит, что доверие мое к вам продолжается». Далее государь обратился к Витте с предложением помочь расчленить министерство финансов, дабы Плеске было легче справиться с этим и сам указал на восточно-кит. железную дорогу, на железнодорожный департамент, на учебные заведения, пограничную стражу. По словам Витте, он ответил государю, что не видит в этом расчленении пользы, ибо люди, стоящие во главе министерства, куда попадут железнодорожные дела, как Хилков, еще хуже справятся с ними. Что

[1]) Витте прибавил, что Петербург ему ничего не дает, что жена и дочери его в «остракизме».

то же и в школьном деле после Боголепова ничего не достигли. Стража и так подчинена теперь Алексееву.

Затем вошел Плеске, и государь об'явил ему об его новом назначении.

Жена Витте, Матильда Ивановна, не была так сдержанна. Она со слезами говорила: «Разве можно так поступать с министром, работавшим 11 лет? Так не поступают с лакеями. И тех предупреждают об увольнении. Мы только что сдали в наем свой дом, который готовили для себя. Мы уже послали вперед в Сочи прислугу». Далее она говорила, что на посту министра они прожили те сбережения, которые отложены были за время частной службы Витте.

19 августа.

(Вагон на ходу к Либаве).

Сегодня имел продолжительный разговор с государем.

Я докладывал, что с ростом нашей армии увеличивается число командных инстанций. Прежде были только корпуса. Теперь корпуса и округа, но уже и этого оказывается мало. Государь на военное время уже наметил двух главнокомандующих фронтами, которые каждый в военное время будут командовать войсками нескольких округов. Что не следует ли и в мирное время тех из командующих войсками, кои предназначаются главноком. на военное время, уже в мирное время назначать главнокомандующими. Им можно прибавить к существующему лишь самый незначительный штат, как кадр будущего штаба главнокомандующего. Выгода будет та, что главнокомандующий явится более самостоятельным в военной иерархии лицом. Он не будет иметь даже условного подчинения военному министру и получит право непосредственного сношения с государем. На это его величество ответил: «конечно, и чем чаще, тем лучше». Я продолжал, что при таком решении главн(окомандующему) легче будет исполнить задачу по подготовке к войне вверяемых ему армий, и соседние командующие войсками легче перенесут как бы вмешательство в их работу мирного времени. Государь одобрил мысль и высказал, что он твердо остановился как на главнокомандующих на мне и на Ник(олае) Ник(олаевиче) и надеется, что нас на его век хватит. Что доверие к нам в этой роли—полное.

Прочитав тогда письмо ко мне ген. Сухомлинова, которого я приглашал в сентябре на время отпуска поработать со мной по главнокомандованию и в котором Сухомлинов ждал Пузыревского, как командующего войсками, и просил убрать

его из Киева, я доложил государю, что в варшавском военном округе через несколько дней ему придется окончательно решить вопрос о назначении лица на место Драгомирова. Что, вспоминая мысль государя послать меня в киевский военный округ ком. войсками, я верноподд. докладываю: если уже государю угодно будет заменить меня на министерском посту другим лицом, то не следует ли меня послать в Киев с титулом главнокомандующего с назначением при этом членом госуд. совета. Государь спросил: «а под вами будут ли еще командующие войсками?».—«Нет, в. в., не будут. Лишь помощник получит титул помощника главнокомандующего и придется прибавить несколько человек для кадра штаба главнокомандующего». Государь выразил тогда сожаление, что он уже обещал пост командующего войсками киевского военного округа Пузыревскому и говорил об этом Черткову, но что, «конечно, если будете вы назначены в Киев, то Пузыревскому обижаться не придется», прибавил государь. Сказал, что ему надо подумать над этою комбинациею. Затем государь спросил:—«И это вас удовлетворяет?» Я тогда взял смелость сказать, что все в руках государя, если он пожелает, чтобы я стал простым часовым у дома его, то я стану и буду твердо стоять, не пожалев себя, а если придется, то и умру на этом посту. Поэтому, если государь признает, что я еще нужен на министерском посту, то, как ни труден этот пост, я не пожалею сил, чтобы исполнить должность министра с успехом, но что надо доверие государя. И в Киеве, хотя размер, масштаб работы будет много менее, но и там я буду полезен. Займусь этим фронтом крепко; силы у меня еще довольно и государь будет спокоен за этот важный фронт, где я буду часовым. Государь прерывает меня и говорит: «Конечно, конечно, я буду спокоен, а сил у вас много. Стоит посмотреть на ваши плечи». «Поэтому говорил я то, что вы государь признаете за лучшее для использования моих сил, то и будет принято мною со смирением». Государь спросил: почему же вы теперь говорите это? Я ответил, что говорю на тот случай, если мой уход из министерства уже решен государем. Зная, что меня будет не легко заменить, я и позволю себе предлагать комбинацию с моим назначением в Киев.—«Да,—сказал государь,—вас будет трудно заменить». Я позволил тогда назвать кандидатов: Сахаров, Сухомлинов. Государь ответил: «Сахаров хороший начальник главного штаба, но в военные министры не годится. Кстати,—сказал государь,—мне снова приходит в голову мысль: не следует ли разделить военное министерство, как предлагал Обручев, на две части?» Я докладывал вред такого деления и, повидимо-

му, еще раз убедил его повременить с этим вопросом. Я направил мысль государя на другое важное дело: на развитие совещаний по стратегическим вопросам под его председательством, подобно бывшему в прошлом году. Государь придал сему большое значение и высказал желание, чтобы заседания эти были периодически повторяемы и при том при участии моряков, чтобы в них обсуждались вообще все главные вопросы об обороне государства должны решаться в этом совещании. «Командующие войсками,—сказал государь,—должны иметь равный голос с военным министром». При такой постановке дела, заключил государь, согласен, что в разделении министерства нужды и не представится. Ранее в числе доводов, чтобы сохранить нынешнее положение министерства, я указывал на необходимость продолжить наши децентрализационные работы и крепко усилить право атаманов и Туркестанск. ген.-губернаторства.

Докладывал государю о несогласии между Субботичем и Алексеевым. Первый подал в отставку. Надо взять его в военный совет. Доложил государю о принятых нами мерах, дабы помочь Алексееву разобраться в порученном ему деле. Мы, военные, государь, ему поможем всеми силами. Считая то или другое решение неправильным, я обязанным считаю бороться против него и высказываю прямо вам, государь, свое мнение, даже зная, что этим делаю вам неприятность. Легче молчать и поддакивать, но полезно ли это, государь? Его величество с ласкою ответил, что так и надо действовать, что он очень дорожит прямотою моею. Но, закончил я, раз *приказание* отдано, мы все военные подадим пример точному исполнению высочайшей воли.

Затем я попросил указания, какой случай государь признает наиболее желательным: уничтожение приамурского военного округа и Квантунской области и подчинение всего района Дальнего Востока непосредственно наместнику или оставление приамурского военного округа и Квантунской области, как они есть, с подчинением команд. войсками наместнику, с придачею ему высших прав за счет Петербурга—и даже за счет меня,—прибавил государь. Его величество указал на первый случай, как на наиболее желательный. Я доложил тогда необходимость перенести управление этим районом из Порт-Артура в другой пункт. Государь оспаривал это мнение, указывая, что временно Порт-Артур является главнейшим на Дальнем Востоке пунктом. Я докладывал, что, притягивая дела из Забайкалья и Приамурья искусственно к Порт-Артуру, мы жертвуем интересами русских областей в ущерб их разви-

тию. Просил государя не решать этого вопроса до приезда Алексеева в Петербург. Государь согласился. Напомнил государю мнение Алексеева о подчинении Приамурья. Государь сказал, что он внимательно прочел мой дневник о заседаниях в Порт-Артуре. Что много думал. Что и ему приходит в голову мысль, что он мог и *неправильно* решить вопрос о наместничестве. Но что же делать? Теперь, так или иначе, вопрос этот решен, и с этим надо всем считаться.

Я заговорил о Безобразове. Указав государю, как отношусь к нему в дневнике. Что я не считаю, чтобы он не принес известной пользы. Да,—прибавил государь,—он разбудил многое. Государь при этом сказал: «Разве мне приятно было слышать два года тому назад Безобразова, когда он говорил мне, что мы избрали ложный путь на Дальнем Востоке. Но я признал, что он был прав. Конечно, скверно, что он критикует всех министров и все, и всех. Критиковать легко, особенно неответственному человеку». Тогда я сказал: он фанатически увлекается. Что полезное действие его уже произведено. Что в руках государя Безобразов, мечтающий, что он руководит политикой царя, является только орудием. Взяв это орудие в свои руки, государь колол им нас, своих министров, больно. Безобразов в руках государя явился как бы горчичником, который был приставлен и к людям и делу. Требовалось произвести известный процесс. Цель достигнута. Теперь надо с Безобразовым поступить так, как поступают с сослужившими службу горчичниками. Государь веселою улыбкою прервал меня: «знаю, надо выбросить его».—«Так точно, ваше величество, Безобразова пора выбросить в окно. Ведь, государь, если горчичник передержать, то вместо пользы получается вред: являются нарывы. Так нельзя передержать и Безобразова».

Затем я говорил государю: какую тяжкую работу ему приходится делать, дабы, выслушав всех министров, выслушав сторонних лиц, прочитав массы бумаги, находить правильный путь к правде и пользе. Что во многих случаях даже доклад самый неприятный, идущий вразрез со своими мыслями, доклад, при котором, по первому впечатлению, дается отпор, при спокойном обсуждении открывает новые горизонты и дает возможность воспринять ту или другую верную мысль. Государь ответил мне в теплых словах, что этою работою он занимается, когда гуляет пешком или верхом. Что ему тяжко приходится напрягать свой ум. Что он думает, что это усилие ума, если бы могло проходить в лошадь, то очень встревожило бы ее. Что он тяжко мучается, выбирая из всего слышанного—нужное.

В начале доклада государь передал мне записку Юзефовича (через Гессе), сказав, что давно знает Юзефовича, что он киевский житель. Очень надежный, преданный. Много помог ему в учебном деле. Что в записке этого штатского человека разбирается вопрос о вольноопределяющихся. Что многое я и лично докладывал уже ему, согласное с мыслями, помеченными в записке, что надо ее рассмотреть.

Государь вспомнил, как он сам давал мне указания, дабы уменьшить число генералов и вообще военных вне военного ведомства. Теперь видит, что без военных в других ведомствах, особенно внутренних дел, обойтись невозможно, что он с особым удовольствием во время поездки в Саров видел много земских начальников из военных. Что военные более других дисциплинированы и лучше других умеют обращаться с народом, а это важно.

Государь говорил, что на-днях завтракал у Константина Константиновича. Что он значительно успокоился, а то он, государь, уже думал прижать его. Что говорили о кадетских корпусах, и государь порадовался, что почти все вакансии в военных училищах пополнены из кадетских корпусов. Что поступающих со стороны с гимназическим курсом так много, что их нельзя было принять. Что надо открыть еще военное училище.

Сегодня перед отъездом сидел у меня Витте.

Более спокоен, чем то было третьего дня. Обласкан государем при приеме его уже как председателя комитета министров. Государь усадил его, пошел сам за папиросою, говорил теплые слова. Витте говорил, что и молодая государыня «первый раз приняла его по-человечески». Посадила, тепло разговаривала. Ранее принимала его не иначе, как стоя, надменная, как статуя. Государь, отпуская Витте, обнял его, а Витте поцеловал руку у государя.

Государыня мать и наследник встретили Витте родственно, вышли из-за завтрака, подошли к окну, махали салфеткою. Приехал неожиданно. Посадили завтракать. Окружили вниманием. Наследник говорил, что он теперь еще более, чем прежде, будет пользоваться советами Витте. Что в комитете министров они будут сидеть рядом и будут шептаться о том, куда наследнику надо поехать, какие заводы, учреждения видеть.

Витте говорил мне о своем желании вести дела комитета министров бесстрастно и беспристрастно. О своем желании не

приобретать влияния на ход дел. Но среди этих спокойных рассуждений вдруг у Витте несколько раз прорывались горькие вопросы: зачем это сделано? Что выиграют государь и Россия от столь неожиданного удаления его с должности?

После завтрака, кн. Шервашидзе, старый знакомый его по Тифлису, рассказал ему следующее:

Под Витте уже давно подкапывались. Против него были государь, вел. кн. Александр Михайлович, некоторые министры. За Витте—государыня Мария Федоровна и наследник. Удары отводились. Уже на первое января был подписан указ об его уходе, но государыня Мария Федоровна уговорила государя не делать этого, и ему был дан даже рескрипт. Только теперь Витте понял слова государыни 1 января: довольны ли вы?

Но теперь были подведены одновременно три мины: 1) вел. кн. Александра Михайловича на почве, что Витте забрал себе слишком много власти, что он развил у себя ряд министерств, что он обезличивает не только другие министерства, но и само самодержавие. Лично вел. кн. хотел отторгнуть от мин. финан. департамент торговли и мануфактур (осенью прошлого года в Мисхоре Алекс. Михайлович говорил мне все это и приглашал содействовать дележу наследства Витте, отобрав два корпуса пограничной стражи); 2) вторую мину вел Безобразов. Он обвинял Витте в ошибочности нашей политики на Дальнем Востоке. Указывал, что в дружной работе на Дальнем Востоке министров ин. дел, финансов и военного—Витте главный, что если его убрать—соглашение перестанет существовать; 3) третью мину вел Плеве с некоторыми министрами (разумел Муравьева и, вероятно, Победоносцева). Вел наиболее опасную мину. Указывая государю, что Витте красный, что все недовольные элементы в своей противоправительственной работе находят поддержку и опору в Витте: финляндцы, армяне, учащаяся молодежь, евреи. Что деятельность его вредна.

Если бы мины подводились по одной, то успеха не имели бы, но подведенные одновременно, произвели взрыв. Государь хотел прежде отправить в Данию государыню, а уже после уволить Витте. Отсрочка отъезда привела к необходимости сделать этот шаг при государыне.

Витте тепло со мною прощался и растроганно вспоминал, что, несмотря на все наши споры и несогласия, он всегда помнил, что мое обращение лично к нему было корректно и сердечно. Что и с своей стороны ни к кому не имел столько симпатии сам Витте, как ко мне. «В вас я видел солдата-

воина, который не боится высказывать свое мнение и не боится говорить правду и царю»,—говорит Витте. Я тоже был тронут, ибо, не отдавая себе точного отчета как и почему, но привязан к Витте, как к могучему человеку, хотя и полному противоположностей, но сильному и крупному даже в своих слабостях.

Очень был рад доставить ему некоторое утешение, сообщив, что государь соизволил оставить ему мундир пограничной стражи.

О Плеске.

Витте говорил мне, что Плеске хороший человек, очень честных, твердых правил, не очень широкого кругозора, отличный работник и отлично знающий кредитную часть. Упрям. Имеет слабость к музыке.

Вчера он был у меня. Ранее встречались редко. Производит впечатление аккуратного бюрократа, изящного на немецкий лад по фигуре и по манерам. Не крепкого здоровьем. Несколько нервного. Знакомился у меня с отношениями военного ведомства к финансовому. Говорил ему о необходимости добавочного кредита (к 130 мил. руб., которые условлено прибавить к предельному бюджету) на расходы по формированию и содержанию 16 бат., 3 батарей и 1 саперн. б-на для обороны города Дальнего, выстроенного даже не спрося мнения военного министерства.

Плеске говорил мне, что ему досталось тяжелое наследие. Что ему после Витте неизбежно суждено быть серењким министром. Что в общем он сочувствует финансовой политике своего даровитого предшественника и не будет делать ломки, но что мы шли по разным делам слишком большим ходом. Витте сам признавал, что если бы даже он остался министром финансов, то ему пришлось бы этот ход приостановить. Плеске признает, что податное напряжение весьма большое.

Сегодня я возвращался вместе с Плеске из Петергофа после его первого и короткого доклада государю. Плеске вспоминал свое детство. Он из Балтийских провинций, окончил курс в лицее и долго жил в Гапсале, где в то время совершенно просто проживала Мария Федоровна с Александром III, тогда еще наследником престола. Оом—секретарь Марии Федоровны—был дядя Плеске. На один из вечеров, устроенных Марией Федоровной, был приглашен и Плеске, тогда еще лицеист. Была музыка, в которой и он принимал участие. Мария Федоровна его обласкала. Теперь, представляясь государю

рыне матери, он был тронут, что она все это помнит и что окружающие государыню помнят это.

Я советовал Плеске дорожить этою связью.

Плеске говорил мне, что у него никаких знакомых при дворе нет. Что живет он в Петербурге замкнуто, сурком. Что имеет круг своих друзей. Что перспектива отношений к великим князьям и разным чинам двора его устрашает, но что он постарается от всего этого держаться вдалеке. Снова повторил мне свое желание в делах министерства производить поменьше ломки. Я, дабы отдать ему визит, довез его до госуд. банка, где он и принял меня в своем кабинете. Там же принесли нам депешу в конверте с надписью: вскрыть в присутствии военного министра. В депеше из Владивостока управляющий банком извещает, что по донесению военного агента в Японии, японцы готовятся об'явить нам очень скоро войну и потому управляющий банком просит немедленно подкрепить рессурсы банка.

19 августа 1903 г. вагон.

Приложение к № 17.

Имевшееся в этой тетрадке письмо [1]).

12 июня № 5.

Многоуважаемый
Алексей Николаевич!

С от'ездом ст. секр. Безобразова в Порт-Артур затихли поднятые по Дальнему Востоку вопросы, разрешение которых ожидается на месте в совещании военного министра, адмир. Алексеева и статс-секретаря.

Перед от'ездом последний заявил, что для усиления войск на Дальнем Востоке необходимо, чтобы военный министр поступился некоторыми предположенными мерами на Западе, дабы освободить часть отпущенных на будущее пятилетие средств для Востока. На это я возразил, что наши нужды на Западе отпущенными ассигнованиями удовлетворяются в очень слабой степени, при каковом условии вряд ли военный министр в состоянии будет чем-либо поступиться. Тогда он

[1]) Письмо Сахарова мы не выделяем из дневника № 17, следуя копии, о которой мы публикуем дневник. *Прим. редакции.*

мне сказал, что можно отказаться от принаревской железной дороги и от укреплений по Нареву, так как якобы эти меры не настоятельны и что между прочим вел. кн. Николай Николаевич не признает их полезности. На это я ответил, что могут быть разные взгляды на этот вопрос, но взгляд военного министра освящен утверждением государя, а при таком условии он является обязательным и не может быть оспариваем, пока не будет изменен тем же порядком, каким и утвержден. На заявление же Безобразова, что он может судить о стратегических вопросах, как бывший военный, я заметил, что для этого недостаточно быть не только бывшим, но и настоящим военным, так как необходимо знать всю совокупность условий обороны государства, а это знают очень немногие. В конце-концов я полюбопытствовал узнать, откуда он имел сведения о принаревской дороге и о предполагаемых к постройке укреплениях, на что получил ответ, что ему, Безобразову, сказал Сергей Юльевич.

Безобразов мне довольно торжественно об'явил, что получил телеграмму от Вогака, что военный министр встретил его очень хорошо, без всякого выражения неудовольствия. На мой вопрос, почему он думал, что Вогак будет принят иначе, он определенно ответа не дал.

Из других новостей могу сказать лишь, что государь разрешил пригласить на петербургские маневры начальн. франц. главного штаба и что государь приказал отменить при полковых мундирах панталоны с лампасами и восстановить прежний порядок.

Войска, отправляемые в Забайкалье, начинают движение 12 июня и заканчивают в половине июля; будут они по распоряжению команд. войсками приамурск. округа расположены в Чите.

Желая всего лучшего, прошу верить в мое искреннее уважение.

В. Сахаров.

Рукою ген. Куропаткина: *Удивительный нахал этот новый статс-секретарь.*

№ 18.

С 21 августа 1903 г. по 27 ноября 1903 г.

21 августа. Крепость Либава.

Вчера и сегодня осматривал крепостные сооружения Либавы. Еще надо удивляться, как при относительно небольшом расходе в 8½ мил. руб. по инженерной смете создалась хотя и слабая приморская крепость. Расход по артил. части выражается в 10 мил. руб., в том числе 8.600 береговых и 1.400 т. сухопутные. Из этой суммы только расход: 1) на 4—11″ в 35 кал.; 2) на 14—6″ Канэ и 16—11″ мортир может признаваться расходом в 3 мил. руб. на нового типа берговые орудия. Все остальные орудия старых типов. В числе сухопутного вооружения нового типа можно считать 6″—120 пуд., 42 лин., 57 миллиметр.—легкие на тумбах и пулеметы.

Фортиф. сооружения состоят из обычного типа береговых батарей с массою бетонных работ и сухопутных укреплений на 2 и 1 роту с водяными рвами и достаточным числом казематированных помещений. Все казалось бы в порядке. Надо только окончить начатые работы (много частных замечаний продиктовано). Надо: 1) Построить батареи аванпорта (5½ мил. и 3½ мил., на вооружение—9 мил.). Надо построить батареи № 7 и 8. Надо связать оборону южного укрепления с право-фланговым редутом по западному берегу Либавского озера. 2) Надо увеличить гарнизон в военное время до 10 рез. б-в и включить в наш план всех моряков. 3) Надо орудия старого типа заменять орудиями нового типа. Но у меня являются этот раз более чем когда-либо сомнения принципиальные. Строим ли мы то, что нужно? Не тратим ли мы слишком много денег напрасно? Недостатки существующих укреплений и батарей огромны. Эти недостатки, *главным образом*, заключаются в том, что *орудия и люди слишком открыты* и при сильном противнике такие батареи и форты слишком скоро замолчат. Уже мы сделали большой шаг вперед, приняв

канониры для обслуживания промежутков между фортами. *Надо придумать, чтобы фронтальная оборона орудийная и ружейная* была, хотя и меньшая по числу ружей и орудий, но более действительная по способности действовать продолжительное время, ибо должна быть закрытою: действовать успешнее— ибо надо брать современные образцы. Ныне, например, в двух редутах на сухопутной линии обороны в исходящих углах устроено значительное сооружение из бетона, дабы хранить там противоштурмовые орудия. Несомненно, что эти орудия (старых типов к тому же), выкаченные открыто на барбет, просуществуют крайне короткое время, ибо открыто стоящая прислуга будет перебита. Нельзя ли эти самые бетонные твердыни видоизменить так, чтобы хотя вдвое меньшее число орудий, но стояло *закрыто* и могло давать фронтальную оборону. Если прибавить, что вместо 4 полевых орудий старого типа поставить два новых полевых скорострельных орудия, то очевидно, что полезное действие будет весьма значительнее, чем ныне.

Таким образом, в моем представлении рисуется опорный пункт крепостей следующего примерно типа: все бетон или сталь, все укрыто, и люди и орудия. Масса патронов и снарядов, но мало людей и орудий. 100 стрелков, 50 артиллеристов и 10 орудий—это уже должен быть хороший опорный пункт. Двойной силы—опорный пункт—особо важного значения [1]). Между такими опорными пунктами, связанными между собою непрерывною огневою связью—2—3 версты расстояния, лежат наши позиции для обычного вида траншей, для пехоты, батарей, для артиллерии. Тут все земля и дерево. Все в мобил. армии, кроме части земляных работ и работ по устройству экспланады.

Много фашин, туров, земляных мешков.

Пока же надо спешно заготовлять для наших крепостей щиты для охраны стрелков, мешки для земли (не боясь, что их пробивают пули). Иметь расчеты на огромную заготовку фашин, туров, утилизации разных деревянных, цинковых ящиков, кулей и т. п.

24 августа.

Третьего дня и вчера происходили осмотры государем морской части и сухопутной обороны Либавы. Моряки не тратили на Либаву 42 мил. руб. Мы истратили на инженер-

[1]) Каждому нужно иметь продовольственные запасы и воду, каждому— комендант (вероятно, каземат). *Прим. редакции.*

ную оборону 85 мил. и на артиллерийскую 10 мил., из коих только до 4 мил. нового расхода. Остальные орудия взяли из существующих запасов и крепостей старого типа.

«Штандарт» вошел в новый канал и стал против доков. Все было украшено флагами. Государь утром 22 августа присутствовал на освящении собора, действительно, прекрасного и обширного, в русском стиле, но с декадентскими подробностями на коврах, иконах. После окончания принял парад всего гарнизона: сводный батальон моряков, Венденский пех. полк, Либавский крепостной пех. батальон, два бат-она крепостной артиллерии, саперы, минеры... Парад прошел удачно.

После завтрака государь с государынею осматривал наполнение дока, мастерские, казармы, госпиталь и принял чай в морском собрании (временном). День был утомительный. В 7 час. вечера государь принял меня с докладом вместо субботы. Самый серьезный вопрос, проведенный мною в докладе, заключался в образовании особых курсов для приготовления преподавателей в кадетских корпусах. Будем принимать ежегодно по 12 человек. Курс двухгодичный. Мера эта будет стоить около 40.000 руб. ежегодно. Курсы будут учреждены при Педагогическом музее, там же, где мы подготовляем и воспитателей для кадетских корпусов.

Завтракал и обедал на «Штандарте» рядом с вел. кн. Ольгою Александровною. Как всегда, она была для меня прелестна. Говорила о солдатах. Говорила, что разговаривает с нижними чинами роты своего мужа по вопросу о политической пропаганде между нижними чинами (о прокламациях). Что некоторые нижние чины сами спрашивают ее по этим вопросам. Трогательная черта этой девушки-женщины: это желание делать добро простым людям. Чистота душевная, изумительная. Приходя в соприкосновение с внутренним миром этой натуры, чувствуешь, что и сам становишься лучше.

Вчера с $9^1/_4$ час. утра государь без государыни и Ольги Александровны осматривал Либавские укрепления. Его сопровождал и Алексей Александрович. Укрепления Либавы проектированы были мною в 1889 году. В комиссии участвовали Заботин, Вогак, Макдональд (строитель порта) и другие, в том числе и моряки. Я задавался целью укрепить Либаву только, как важный коммерческий пункт, дабы обширные запасы Либавы не достались противнику без борьбы. Об обширном морском порте мы тогда не соображали, но сделали предположение, что если бы моряки захотели устроить в Либаве военный порт, то нам надо было бы сухопутную оборону вынести вперед на Грабенские высоты, а нынешняя линия

обороны составила бы только главную ограду крепости.

По вопросу, быть ли в Либаве военному порту или не быть, шла долгая борьба. Обручев стоял за то, чтобы быть, дабы России иметь незамерзающий порт в Балтийском море. Многие моряки и наши, в том числе и я, указывали, что природа мало сделала для того, чтобы создать из Либавы морской порт, боролись, чтобы в Либаве порта не было. Указывали и на Виндаву, как на пункт более удобный для военного порта, чем Либава. Подсчитывали огромную сумму, потребную для расхода на порт, и такие моряки как Копытов, Дубасов, Пилкин высказывали, что лучше эти деньги израсходовать на усиление флота, чем на портовые сооружения. В комиссии по этому вопросу упр. морск. министерством Чихачева почти единодушно проваливали Либаву. Чихачев, казалось, присоединялся к этому мнению и вдруг неожиданно нам об'явили, что по докладу государю сего вопроса, государь соизволил повелеть: «Быть в Либаве военному порту», и потом соглашался, чтобы порт получил имя: порт Александра III. Теперь все недовольны этим портом и называют его ловушкою для флота. Да и флота теперь в Балтийском море нет: все направлено на Дальний Восток. Мы еще слабее стали (относительно Германии) на нашем главном морском театре—Балтийском море, чем то было 10—15 лет тому назад.

Поэтому порт есть, но флот им не пользуется. Придут на зиму два старых судна и миноносцы, и это—все. Тем не менее и оборона Либавского порта с моря и суши далеко еще недостаточна. По отпущенным нам суммам мы многое сделали, и сделали с толком. Но главное береговое вооружение все почти старых и слабых образцов.

Государь, однако, видимо остался доволен осмотренными им батареями № 3, № 2, северным и средним укреплениями, а также батареею № 6.

В вагоне он дал Алексею Александровичу и мне сделать представление о сооружении батареи в аван-порте № 4 и № 5 на сумму *сверх предельного бюджета*, как сооружение нужное, особенно морякам. По предварительному подсчету инженерные работы двух батарей будут стоить 5 мил. руб. и артил. вооружение (24 оруд.—10″ и 12 оруд.—6″ Канэ) до 4 мил. рублей. Тогда оборона Либавы (вместе с батареями № 7 и № 8, кои мы устроим) значительно выиграет.

В среднем укреплении бравый саперный унтер-офицер не узнал государя и направился к Алексею Александровичу. На батарее № 6 из трех взрывов удались два,—это наши неудачи. По артил. части все шло хорошо. Заведующий прак-

тическими занятиями в артиллерии подполк. Маниковский (очень даровитый и преданный своему делу шт. офицер) делал отличные доклады государю и на мортирной батарее демонстрировал прибор Лауница. По моему и Грипенберга ходатайству, Маниковский был вчера уже произведен государем в чин полковника.

После завтрака на «Штандарте» опять рядом с Ольгою Александровною была поездка в город, украшенный и многолюдный. По улицам полный порядок, но все напоминало немецкие порядки. Цехи, знамена, особые костюмы, хор певчих, но культурность была видна в сравнении с нами большая. Это надо было признать. Государь заехал в городскую церковь, посетил батарею № 6 и затем, в особо устроенном павильоне, принял от курляндского дворянства чай. Павильон был небольшой, но все происходило в полном порядке. Старшими представителями дворянства были старый, милый граф Пален и его супруга, затем предводитель дворянства граф Ливен. Старый Пален обедал со мною 27 августа и снова, в трогательных лестных для моего покойного отца выражениях, вспоминал службу с отцом моим, почти 40 лет тому назад в Псковской губернии, где Пален был молодым губернатором, а отец мой, убежденный честный земец—председателем холмской уездной управы.

Обедал у государыни Марии Федоровны на «Полярной Звезде». Кроме живущих на «Штандарте», я был приглашен к обеду только один. Сидел рядом с государынею Александрою Федоровною. После обычных расспросов про впечатления в Либаве (государыня довольно небрежно про Либаву сказала: «все по-немецки»), я навел разговор на то, что в Либаве в военном отношении мы очень слабы, что денег нет, флота нет, что все теперь берет Дальний Восток и что в этом существует большая опасность. Государыня начала возражать мне не с обычной горячностью, что теперь и надо все силы и средства направлять на Дальний Восток, что там главная опасность, что там может вспыхнуть быстро война, что там мы должны быть особенно сильны во флоте, что потом, года через 4, когда там все будет готово, можно опять перенести внимание на Запад. Мое замечание, что на Западе для нас зреет и все увеличивается главная опасность, что если мы отстанем от наших соседей, мы будем побиты так, что все наши успехи на всех второстепенных театрах ни к чему не приведут. Говорил, что опасаюсь европейской войны. Государыня выразила уверенность, что до европейской войны не допустят, но что теперь страшно нашествие желтой расы и что ей надо дать

отпор и пр. Чувствуя, что тут поддержки я не найду, я признал себя побежденным и откровенно сказал государыне—«увы—чувствую, что моя вылазка окончилась полной неудачею». Государыня смеялась, но твердо говорила: «да, да, тут нет сомнений». Очевидно, государь делится с ней своими разногласиями с министрами. Государь с интересом прислушивался к нашему разговору. Государыня тоже сказала ему несколько слов о том отпоре, который она мне дала. После обеда государь, проходя мимо меня, смотрел на меня с торжествующею улыбкою, которая говорила: «что, не удалось»...

Буду все же бороться, пока хватит сил, дабы увлечения по Дальнему Востоку не причинили России и государю бедствий.

Ранее, после обеда на «Штандарте» 22 августа, я долго разговаривал на ту же тему с государыней Марией Федоровной. Тут я встретил полное сочувствие и полное представление об опасности, которая угрожает России, если политика ее станет чрезмерно одностороннею и все интересы, внутренние и внешние, будут принесены в жертву новому молоху—Дальнему Востоку и предприятиям на Ялу.

Между прочим, Гессе уже говорил мне о каком-то готовящемся повороте во взглядах на предприятие на Ялу; будто бы уже возник вопрос о привлечении японцев к участию в барышах по предприятию на Ялу.

Фредерикс, с которым я поделился результатами моего разговора с государыней Александрой Федоровной и своими опасениями, что нас ослабят на Западе и потом ударят на нас, сказал мне: «да, опасность большая, но если уж так нужно лезть на Дальний Восток, то следовало бы держаться и старых традиций и не рвать дружбы с Германией». При этом он вспомнил, что два года тому назад на борту Гогенцоллерна император Вильгельм прижал его к борту и горячо и долго говорил на тему, что надо устранить разрыв Германии с Россией. При этом он сказал, на мой взгляд великие слова: «Пускай я буду лично неприятен вашему государю, но ему надо помнить, что только мы с ним вдвоем имеем большую власть, что только в наших, поэтому, руках участь мира Европы. Ответственны мы поэтому будем перед историей, если дело доведем до войны между нашими народами. Мы можем лично ссориться, но народы наши должны жить между собою в мире». Дай бог, чтобы эти высокие слова одинаково твердо и неуклонно служили путеводною нитью двух могущественнейших монархов всего мира.

После обеда на «Полярной Звезде» все вышли на палубу. Был чудный, хотя несколько свежий вечер. Полная луна, тихая вода, тысячи огней электрических на берегах. Огневые нити причудливых фигур (больше якоря) на 6 землечерпалках, выстроеных у берега против «Полярной Звезды» и «Штандарта», снующие паровые катера, тихий лес, с одной стороны канала и большие торговые здания, с другой,—все это составляло прекрасную картину. На палубе по личному выбору государыни-матери, играла и играла прекрасно музыка с яхты «Полярная Звезда». Невольно напрашивались у присутствующих сравнения с Венециею и особенно с Севастополем, но там на берегах было больше жизни.

Государь, Авелан, командир «Полярной Звезды» и Фредерикс уселись на стульях с одной стороны, а две государыни. Ольга Александровна и я сели на общую скамью с другой. Часа полтора шла тихая, дружеская простая беседа, цари спустились на землю и стали чудными, чистыми сердцем, симпатичными людьми. Государыни более говорили между собою, государь с командиром судна, я с Ольгою Александровной, но часто разговор делался общим, и нет-нет слышался смех. Государыня Мария Федоровна, которой Александра Федоровна тоже рассказала про мою неудачную попытку повлиять на нее, дабы остановить несколько увлечение государя Дальним Востоком, сочувственно обратилась в мою сторону и, через Ольгу Александровну, протянув свою ручку, показала мне на якорь из электрических лампочек на мачте ближайшей из землечерпалок, показала на якорь, и глаза ее говорили «надейся». Я так и понял это милое, дорогое мне одобрение.

Ольга Александровна находилась под впечатлением чудной ночи. Нервно ее ножки и ручки все не находили места. На любимых местах некоторых пьес она очень удачно подсвистывала. Мария Федоровна каждый раз при этом с нежным укором обращалась в ее сторону, но это унимало своенравную княгиню ненадолго. В разговоре со мной, она между прочим разбирала заданный мною ей вопрос о двух типах людей: люди одного типа способны пользоваться благами минуты полностью, не задаваясь мыслью о будущем, прошлом, не отравляя себе радость настоящего. Другие, напротив, вечно неспокойны, вечно отравляют себе радость настоящего мыслью, что эта радость скоро пройдет и наступит печаль. Княгиня предпочитает первый тип, но думаю, что элементы беспокойства скрыты и в ней.

Прочие участники обеда: Гессе, Бенкендорф, Мосолов, четыре фрейлины, Гирш, Рождественский, составляли другую группу и тоже оживленно разговаривали.

Возвратился домой только в двенадцатом часу ночи.

Между прочим, характерно, что Ольге Александровне Либава не понравилась. «Совсем лучше было во Пскове», говорила она мне, несколько коверкая русский язык.

Когда под конец вечера государыня приказала играть датский гимн, она обратила мое внимание и спросила мнение. Конечно, я хвалил и говорил, что маршировать под этот гимн должно быть очень удобно. Оно так и есть.

Ольге Александровне очень не хочется ехать в Данию. Не спешит этот раз ехать туда и государыня Мария Федоровна.

28 августа.

Угруск, близ Влодавы. На больших маневрах варшавского военного округа.

Приехал в Холм 26 августа утром и тотчас в экипаже и верхом поехал по шоссе во Влодаву смотреть маневры войск. Видел, как 49 рез. бригада (г.-м. Шишковский) атаковала позицию впереди с. Ловчи 12 бат.—в 16 пех. дивизии (г.-л. Селиванов). Атака была признана отбитою. Подготовка артиллерии недостаточна. Боевой порядок был слишком растянутый. Селиванов перешел в наступление, выдвинув полк из резерва против левого фланга наступающих и в обхват этого фланга. Действовал очень хорошо. Отбив атаку, он повел два полка на помощь войскам, державшимся у Ганска, что тоже хорошо. Углицкий полк и две батареи остались на укрепленной позиции сдерживать 8 бат-ов, 3 батареи, 5 сотен.

Шоссе содержано в отличном порядке. Ближе к Влодаве осмотрел позицию у д. Люта. Значение этой позиции нахожу преувеличенным. Лучше защищать подступы к р. Влодавке, где заняты и укреплены две позиции, намеченные мною еще в марте.

27 августа об'ехал позиции под Влодавою, намеченные мною по верстовой карте в марте месяце, когда было предположено, что я буду командовать северною армиею. Осмотр

этих позиций убедил меня в большом значении этих позиций. Обстрелы большею частью отличные. Не всюду хороши укрытия для резервов. Против западного фронта подходит близко лес, который придется частью вырубить. Южный фронт наиболее силен. Лучше в мирное время укрепить только ближнюю линию обороны, возведя 4—5 опорных пунктов такого же типа, что на Нареве. В самой же Влодаве образовать обширный склад шанцевого инструмента в 10.000 лопат с соответствующим количеством других инструментов и большим запасом топоров. Тут же иметь запас проволоки на 15 опорных пунктов.

Надо иметь еще в мирное время три моста через р. Буг, кроме железнодорожного. Просил сохранить временный мост, выстроенный для ремонта постоянного моста. Третий мост (считая и временный) тоже уже существует, но очень плохой, еврейский.

В настоящее время река Буг у Влодавы имеет незначительные размеры и серьезной преграды ни в каком случае не представляет.

Вчера встретил государя в Бресте и в царском поезде поехал на ст. Угруск, откуда три дня будем ездить во Влодаву.

Обедал в царской семье.

Рука государыни значительно поправилась. Я сидел рядом с нею. Начала помогать и правою рукою. Государь и государыня были веселы. Государь рассказывал мне, что в Беловеже он убил зубра в 45 пудов.

Сегодня утром ездили на позиции у Люты.

Команд. северным отрядом г.-л. Вонлярлярский действовал и сегодня очень плохо. Вместо того, чтобы воспользоваться сильными позициями за р. Влодавкою и болотами, разобщающими силы противника, двигающегося по двум шоссе к Влодаве, он занял растянутую позицию от реки Буг через сел. Люта (где была укрепленная позиция), д. Здзорки, д. Сухово-Колаче, д. Любень.

Все было вытянуто в одну линию. Общий резерв главной колонны стал за таким участком позиции, где атаки на флангах и против центра позиции, где противник готовил прорыв, конницы не было. Хрещатицкий действовал умело, не раз бросался и, собрав в кучу 30 бат-в, прорвал расположение Лярского, ударив на правый фланг позиции у Люта, где его встретили лишь 6 бат-в.

О действиях 5 и 14 корпусов никаких еще известий не имеем. Завтракали, пили чай и обедали в поезде за царским

столом. Государь, государыня и наследник много говорили и были веселы. Погода была дождливая, и все вернулись мокрые. В царском поезде живет и М. И. Чертков, который держит себя с большим достоинством. Государь к нему весьма внимателен.

Сведения о том, что предположено делать обоими сторонами, поступают очень несвоевременно. Я полагаю помогать государю ориентироваться.

29 августа.

Сегодня был последний день маневра.

Южный отряд атаковал северный на укрепленной позиции к северу от с. Королевка. Всего участвовало в маневре 136 бат., 72 эск., 41 сотня, 60 батарей, 62 генерала, 2.661 офицер, нижних чинов 80.000. Распоряжения по отрядам не были получены до утра. Если я их получил ночью, то только потому, что оставил на весь вчерашний день секретаря своего подп. Сиверса, который и получил требуемые сведения, а также нанес на карту укрепленную позицию в 9 верст. Позиция была растянута. Правый фланг плохо прикрыт, с фронта близко подходили сел. Королевка и рощи. Центр позиции был занят слабо. Лярский отбил атаку против флангов, но был прорван в центре атакою двух дивизий: 2 и 38. На последнюю из них произведена 4 кав. дивизиею атака. В общем войска действовали хорошо. Лучше всего было, когда после отбоя, войска встали по обоим сторонам дороги и провожали государя непрерывным ура. Многие из полков, особенно 2 и 16 дивизии, представились хорошо. Хорошо глядели стрелки; 38 див. смотрела тоже молодецки, но наиболее грязно. Лошади сохранены. Вид нижних чинов не утомленный. Многие нижние чины смотрели на государя трогательно-преданно. Между прочим, одна старушка при остановке во время маневра государыни все выражала радость, что удостоилась увидеть царицу, и несколько раз высказывала пожелание, увидеться и на том свете.

Государь был видимо доволен всем виденным.

За завтраком (4 ч. п.п.), и обедом (9 час. вечера), государь и государыня были веселы. Государь снова говорил о необходимости усилить конницу, сообразно увеличению и других родов оружия.

Говорил о том, что надо выкинуть из употребления слова «царство польское», что пора забыть это.

После обеда наследник и два флигель-адъютанта, а также Г. А. Струков делали гимнастику, прыгали в ширину, бегали спрыгивали с лестницы, ходили по вагонам и проч. Наследник обнаруживал большую силу и ловкость. Государыня села на ступеньки лестницы, весело болтала и много смеялась. Рука все еще на привязи.

31 августа.

По пути в Петербург. Вагон.

Вчера окончились царским смотром маневры войск варшавского военного округа. Подведу главные замечания по тактической подготовке войск как на Псковских маневрах, так и на маневрах под Влодавою.

1) Работа конницы не приносит достаточно пользы армии. Стремятся к единоборству конных масс и оставляют при пехоте лишь недостаточное число конницы и ту расходуют неправильно на штабную службу, многочисленные конвои, прикрытие обозов. Для службы же при пехоте конницы почти не остается. Целые колонны от дивизий до корпуса бродят с завязанными глазами в расстоянии иногда нескольких верст от противника, не зная о том (наприм., движение 37-й пехотной дивизии под Псковом, вблизи отряда Курча 7 августа).

2) Неуменье штабов организовать ближнюю разведку о противнике. Поэтому штабы не знали достаточно расположение сил противника, что отражалось на распоряжениях особенно на употреблении резервов.

3) Неуменье штабов организовать связь по фронту и в глубину своих войск и отсюда распоряжения весьма запаздывали.

4) Построение для решительной атаки войск в слишком компактные массы и движение в сфере самого сильного огня чуть не в резервном порядке. Так двигались в последний день маневра под Псковом 8 августа 1½ дивизии 20-го корпуса, наступавшие против центра позиции северной армии, занятой Преображенским полком и другими частями.

Так сомкнуто двигались 28 августа полки 17-й пех. и части 2-й пех. дивизии против правого фланга позиции у Люта.

Так же замкнуто двигалась 29 августа против центра позиции у Королевки 38-я пех. дивизия. Почти прежние колонны к атаке. Ныне такое движение обошлось бы очень дорого.

5) Недостаточная подготовка атаки атакующими артиллерийским и ружейным огнем. Савицкий 8 августа. Крюков

28 и 29 (у Люты и Королевки), Шишковский 26 августа против Ловчи наступали почти без огня.

6) Обороняющийся на Псковских маневрах, имея в достаточном числе саперные части, мало практиковался в укреплении позиций.

Обороняющийся на маневрах под Влодавою, несмотря на малое число саперных частей, умело усиливая позицию окопами и укреплениями. Особо умело были укреплены подступы с юга к речке Влодавке.

7) К войскам варшавского военного округа слишком мало было придано саперных войск. Надо приучить войска работать совместно с саперами. Надо на маневры их назначать по саперному батальону на каждый корпус войск. Надо пересмотреть распределение занятий в саперных частях и установить их так, *чтобы все саперные части принимали участие в общих сборах войск.* Надо сильно поднять саперное дело в войсках. Стало падать. Надо восстановить войсковых сапер. 46-я рез. бригада под руководством полк. Штегельмана, без помощи сапер, выполнила с успехом значительные работы.

8) Служба штаба лучше всего была организована в южном отряде варш. в. округа Хрещатицкого. Нач. штаба —Эверт. Говорят, очень даровитый человек. Такое и производит впечатление. Затем в южной армии Каханова г.-м. Эбелов. Служба штабов была организована плохо в северной армии Мейендорфа—нач. штаба г.-м. Поппен и в северном отряде варш. в. округа Лярского—нач. штаба г.-м. Закржевский. Поппену и Закржевскому хода в службе ген. штаба давать не следует.

По обстановке и те и другие маневры были чрезвычайно интересны и поучительны. На маневрах выказались сильные стороны наших войск—огромная выносливость, отсутствие заболеваемости, отсутствие отсталых, твердый внутренний порядок, благодетельные результаты от походных кухонь.

Государя войска приветствовали, особенно в варш. в. округе, восторженно.

Состав нижних чинов во 2 и 16 п. дивизии за 26 лет после войны в физическом отношении значительно изменился к лучшему. Изменились округа укомплектования. Прежде много было белоруссов, поляков, татар. Теперь великороссы. Состав нижних чинов и других дивизий очень хорош в варш. округе. Лошади сохранились хорошо. Хуже сохранились в казачьих частях.

Поход вчерашнего числа прошел отлично. Не видно было усталости. Смотрели и проходили молодцами. Некоторые

части удивляли просто сомкнутостью и стройностью. Все шли большим шагом. Размахались за подвижные сборы отлично. Артиллерия и конница тоже проходили в большом порядке. Казаки прошли рысью бесшумно. Должны производить на иностранцев большое впечатление.

Следующие полки удостоились получить от государя похвалу «Славно»: 26 Могилевский, 61 Владимирский, 64 Казанский, 1 стрелк. полк, 183 Пултусский, 72 Тульский, 152 Владикавказский, 196 Заславский. Государь император обратил внимание, что в некоторых полках, напр., Суздальском, мало офицеров.

Вчера на пути между Либавой и Брестом имел последний перед отпуском доклад у государя и продолжительный разговор.

Государь одобрил приказ о порядке подчинения г.-а. Алексееву войск приамурского в. округа, согласно с представлением самого Алексеева. Много неопределенности, но я не желал ходатайствовать внести поправки, проектированные Сахаровым и Редигером ввиду временного значения этой меры. Государь утвердил также относительно расположения одной стрелковой бригады 2 сиб. корпуса в Южной Маньчжурии.

Я попросил также у государя денежные средства на опыт введения в кадетских корпусах преподавания по новым программам. Хотим дать больше самостоятельности в работе учеников, увеличить внеклассные занятия, увеличить практические занятия, перестать равняться по последним, как это, к сожалению, делается теперь. Во внеклассных занятиях будем помогать слабым ученикам.

Еще более важную меру наметил тоже вчера по отношению к юнкерским училищам. Наплыв желающих поступать в эти училища после реформы их огромный. Являются до 400—500 человек, когда принять можно сто. Это дает мне возможность сделать еще один серьезный шаг к достижению важной цели, которую я преследую неуклонно: достигнуть того, чтобы каждый выпускаемый в офицеры имел общую подготовку полного курса средних учебных заведений. Государь вчера выразил согласие, чтобы я усилил требования по поступлению в юнкерские училища. Полагаю первоначально ограничиться требованием пяти классов среднеучебных заведений, а потом перейти и к шести классам с тем, чтобы все юнкерские училища обратить в *военные училища.*

Мой идеал таков: иметь три вида училища—*двухклассные*, комплектуемые из кадетских корпусов и юношами, кои окон-

чили полный курс среднеучебных заведений; *трехклассные*, в том числе с одним общим, куда принимаются лица со знанием шести классов средних учебных заведений, и *четырехклассные*, куда принимаются лица со знаниями пяти классов гимназий и вообще среднеучебных заведений. Сюда же будем принимать и из дворянских школ.

Одновременно с повышением знаний необходимо улучшить и состав будущих офицеров по происхождению. На первое время можно отделить известный процент вакансий для детей офицеров действительной службы, запаса или отставных. Вместе с этою мерою требуется поднять требования для вольноопределяющихся. Полагаю возможным и желательным вольноопределяющимися первого разряда считать только окончивших полный курс высшего или среднего учебного заведения. Вольноопределяющимися 2-го разряда принимать окончивших шестиклассные заведения или шесть классов семиклассных заведений, но подготовленных по особой программе, по которой мы теперь принимаем.

Государь вчера высказал мне свое полное довольство войсками варш. в. округа. Вынес, как он говорил, отрадное впечатление с парада. Говорил о разных национальностях в нашей армии. С доверием относится к магометанам. Не верит особо полякам. Несколько брезгливо относится к белорусам и вполне презрительно к евреям. Говорил, что Драгомиров просил разрешения представиться, чтобы, вероятно, проситься на покой. Ответил, что примет его в Беловеже 7 сентября. Говорил, что с ним ему, государю, было иногда трудно. Так в начале царствования своего он заметил Драгомирову, что ему не нравится, как отвечают на приветствие войска киевского военного округа: они отрывают конец и не слышно титула, не слышно к кому их здорованье относится. Тем не менее в прошлом году на Курских маневрах государь увидел, что все осталось по прежнему. Это его огорчило. Я возразил государю, что следовало отдать приказание, и тогда Драгомиров исполнил бы. Государь ответил, что он тогда был молод и стеснялся Драгомирова. Он не мог не считаться с его авторитетом, с его ранами. Что он «только теперь забирает силу». —«Тогда был,—повторил государь,—молод».

Тут же государь высказал, что решается на место Драгомирова поставить Пузыревского. Он связан своим словом. Иначе нельзя. Он получил после Гриммовского дела много доносов на Пузыревского, но, конечно, не верит им. Удивился

и нашел нехорошим делом, что и Драгомиров был против Пузыревского. Когда был у государя разговор с Драгомировым об его уходе, то он просил о Сухомлинове и высказал государю пожелание, чтобы только не был назначен Пузыревский. На это государь ответил Драгомирову в сильных выражениях, что это его дело. Драгомиров опустил голову и просил обычным тоном прощения. Я сказал государю, что знаю, что старик не любит (Пузыревского?), но всегда признаю, что заслуги его велики, что надо прощать его слабые стороны. Что старик был обижен тем, что государь, хотя бы из вежливости не уговаривал его еще послужить, что и теперь надо старика приласкать. Государь согласился с этим. Тогда я просил прислать проект рескрипта в Беловеж к 7, на что и последовало согласие. Затем я говорил государю о необходимости дать указания Пузыревскому, чтобы он сдерживался и не начал ломать порядки, заведенные Драгомировым. Что есть коньки, которые сами собой исчезнут, но есть многое, что требует охраны. Между тем Пузыревский, которому известно, что Драгомиров не хотел иметь его преемником, как человек страстный, может дело смешать с личными счетами с Драгомировым. Государь обещал «огладить» Пузыревского.

Говорил мне, что Чертков просил назначить ему в помощники вместо Пузыревского Сухомлинова. Государь согласился. Когда я указал высокие служебные качества Сухомлинова, государь возразил: «Кому вы это говорите? Я Сухомлинова знаю давно. Он мне читал лекции. Конечно, за ним останется та особая роль, которая ему предназначена на случай войны — быть начальником штаба главнокомандующего Южным фронтом». Затем государь прибавил: «Будем держать между собою в секрете, что я соглашаюсь на назначение Сухомлинова, только пока в Варшаве Чертков. Затем Сухомлинову надо дать другое назначение». Такое неожиданное заключение вызывает у меня мысль: не хочет ли государь после Черткова назначить в Варшаву вел. кн. Николая Николаевича. Говорил и о Черткове. Удивлялся и радовался, что никто ему на Черткова не жаловался. Я тоже прибавил замечание о большом житейском такте и авторитетности Черткова, о том, что он забрал в руки даже Пузыревского. Государь сказал: «А отец мой не любил Черткова. Тут была какая-то история с покупкою имения».

Спрашивал, куда поеду в отпуск.—Вероятно, в Терноки ловить рыбу. Ну, а потом?—Тогда я сказал, что заеду, кроме того, к матушке в Холмский уезд, и потом, вероятно, попаду в Париж. Спросил, не будет ли каких поручений в Париже.—

Повесьте Андрие: он портит французскую армию. Потом государь сказал, что его интересует вопрос: пройдет ли двухлетний срок службы в французской армии.—Это все же переход к милиции.—Я вызвался, если буду в Париже, ознакомиться с проектами французов относительно Китая. О деятельности французов в Тонкине государь не высокого мнения. Все время государь говорил со мною в особо дружеском теплом тоне. Вообще вот около 2-х недель, начиная с Псковских маневров государь, государыня, наследник и Ольга Александровна, относились ко мне с такою внимательностью и предупредительностью, что я не мог не быть тронут. Все время пребывания на маневрах под Влодавою государь за завтраком и обедом сажал меня рядом с собою и очень много расспрашивал, задавая интересовавшие его вопросы по разным отраслям знания. Государыня утром и около 5 часов пополудни за чаем, тоже много говорила.

Посмотрим, означает ли это, что государь решился приласкать меня, чтобы удержать министром. От мысли отправить меня в Киев уже отказался.

8 сентября. Понедельник.

Был у гр. Ламсдорфа. Говорили о Македонских делах. Он уже не довольствуется пред'явленною программою реформ. Хочет добиваться, чтобы иметь в Македонии нашего представителя вместе с представителями других держав. Сам указал на г.-м. Шостака, помня его весьма усиленную деятельность на о-ве Крите. Я прибавил, что Шостаку надо дать кадр инструкторов: несколько офицеров и унтер-офицеров, и что надо при управлении страною допустить местных представителей из славян. По словам Ламсдорфа согласие у нас с Австрией самое полное. Надеется удержать Болгарию от войны. Готовит ноту. Я предупредил гр. Ламсдорфа, что в предпринимаемых нами шагах в Македонии по приглашению нашего генерала и инструкторов для полиции вижу повторение истории с инструкторами в Болгарии. Что сформированная нами в Македонии военная сила восстанет против турок, и мы будем вынуждены или итти вместе с македонцами, или будем изгнаны, как были изгнаны наши инструктора из Болгарии. Гр. Ламсдорф с необычайной для него горячностью говорил мне, что у нас, к сожалению, связаны руки на Дальнем Востоке, иначе он мог бы действовать много энергичнее на Ближнем Востоке.

Я согласился, что ныне совершенно не в наших интересах иметь войну с Турцией, но что мы не должны забывать Босфора. Что нам надо самим выбрать минуту, когда принять меры к овладению им. Указал Ламсдорфу на деятельность Германии, на то, что она может захватить Босфор и уже захватила Гайдар-пашу. Ламсдорф успокаивал меня. Я говорил о Македонии для македонцев. Ламсдорф признает это невозможным. Говорил, что македонцев нет, что есть конгломерат народностей и «масса турок».

Далее говорили про Дальний Восток. Ламсдорф тревожится. По его мнению, Алексеев юлит, поддерживая увлечение государя предприятиями на Ялу. Алексеев уже собирался посылать на Ялу миноноску и указывал Ламсдорфу на наше право послать в Корею войска. Не согласился, чтобы мы уменьшили наши требования по Маньчжурии против проектированых в Порт-Артуре. Полагает необходимым заключить с Китаем новый трактат, а не пред'являть наши требования, как наше неизменное решение, с приступом к эвакуации Маньчжурии.

15 сентября.

Долго сидел у кн. Оболенского, товарища министра иностран. дел. Ламсдорф отсутствовал (за границею с государем). Говорил, что предполагаются переговоры с Австриею. Государь и министры будут говорить о Македонии. Предметом разговоров будет вопрос об усилении опеки над македонцами, что между нами и австрийцами существует твердое соглашение. Другие державы примкнут к нему. В Македонию попадут наши офицеры и унтер-офицеры. Я повторил свое опасение. Кн. Оболенский говорил мне о сепаратных переговорах Болгарии с Турциею. Кажется, идут успешно. Не видит в них вреда. Надеется, что войны между Болгарией и Турцией не будет. Гр. Ламсдорф, может быть, поедет и в Рим.

Оболенского более всего тревожит вопрос Дальнего Востока. Там, по его мнению, собираются серьезные тучи. Государь повелел вести дела там так, как хочет Алексеев. Между тем между мнениями Ламсдорфа и Алексеева существуют серьезные разногласия. В мин. ин. дел. не хотели заключать нового договора, не вести особых переговоров, но сделать Китаю твердое заявление, в котором выразить нашу волю. Алексеев же настоял, чтобы наши предложения были сделаны, дабы иметь новый договор. На наши требования, пред'явленные китайцам, они по наущению японцев отвечали отказом. Американцы готовятся 26 сентября пред'явить свои

требования. Они тоже «подуськиваются», как говорил Оболенский, японцами. Несомненно, что и англичане тоже поднимут свой голос. И все это поднимается по поводу все того же предложения об устье Ялу. Алексеев горячится. Не умеет вести дипломатических переговоров. У него нет помощников. Вызвал в Порт-Артур барона Розена. Всюду против нас общее возбуждение. Придется или со стыдом отступить, или итти на войну. Оболенский выразился при этом, что «мы все» скоро соберемся в Сочи, отстранившись и отстраненные от дел. Он мне говорил, что гр. Ламсдорф будет иметь очень серьезный разговор с государем, который не понимает серьезности положения дел и относится к ним оптимистически.

Расставаясь с Ламсдорфом перед поездкою в Либаву и далее в Беловеж, государь выразился о Маньчжурском деле, как о законченном.

Из депеши Алексеева в главный штаб видно, что он тревожится возможностью войны с Японией. Просит ускорить присылку подкреплений.

23 сентября в отпуску в с. Шешурин.

Сегодня получил письмо от генерала Сахарова от 21 сентября с приложением копии с двух депеш адм. Алексеева №№ 75 и 66. Из первой депеши, по мнению Сахарова, видно, что японцы приступают к активным действиям. Повидимому, японский флот частью уже прибывает к Корейским берегам у Мозампо. Сахаров сделал распоряжение о поверке мобилизационной готовности предназначенных к отправлению на Дальний Восток подкреплений из Европ. России.

В депеше № 75 Алексеева военному министру значилось: «ввиду вновь полученных сведений, подтверждающих возможность высадки отряда (японского) (в) Корее, мною послана телеграмма государю императору о мерах, которые считаю (в) таком положении необходимыми. Извлечение из этой депеши имею честь сообщить вашему высокопревосходительству:

«В случае высадки в Чемульпо, Цинанпо или в устье Ялу, первое оказать противодействие открытою силой на море высадке дальнейших эшалонов; второе—немедленно мобилизировать войска Квантунской области и расположенные в Маньчжурии. Одновременно подготовить все для их сосредоточения к Мукдену и об'явить всю Маньчжурию на военном положении. Следующею мерою могла бы быть требующая

значительного времени мобилизация резервных войск в Забайкалье и приготовление к мобилизации для подкрепления военных сил Дальнего Востока войск: сибирского, московского и казанского округов. Что касается остальных войск приамурского округа, то ввиду их достаточной мобилизационной готовности и во избежание преждевременных крупных расходов полагал бы возможным их мобилизацию отложить до полного выяснения обстановки». № 75. Ген.-ад'ютант Алексеев.

Получив эту депешу, сделал все распоряжения окончить мой отпуск на месяц ранее, чем мне был дан, и возвратиться в Петербург к 2 октября. Послал государю депешу, испрашивая приказание вступить в должность.

14 октября.

Сегодня первый раз председательствовал в комитете министров С. Ю. Витте. Все прошло, как будто никаких перемен не было.

По окончании заседания Витте передал мне, что бар. Фредерикс рассказывал ему, Витте, о следующем эпизоде по делам Дальнего Востока. Когда государь получил депешу Алексеева, в которой он собирался атаковать японский флот, если бы японцы начали высаживать свои войска в Корее, государь позвал Ламсдорфа и просил составить ответ. Ламсдорф уклонился, говоря, что он не в курсе дела (Фредерикс прибавил при этом, что не все депеши Алексеева по дипломатической части попадают в копиях к Ламсдорфу). Говорил, что ему неизвестна, главным образом, психическая сторона ведущихся на Дальнем Востоке переговоров. Государь настаивал. Тогда Ламсдорф прислал государю следующий проект депеши, уверенный, что государь не подпишет его: «не желаю войны России с Японией и не допущу этой войны. Примите все меры, чтобы войны не было». Государь подписал эту депешу и послал Алексееву.

Несколько дней тому назад государь на моей записке, что вследствие тревожных сведений с Дальнего Востока я прервал свой отпуск, надписал: «Кажется, тревога на Дальнем Востоке начинает улегаться».

15 октября.

Сейчас получил депешу от Фрезе, что кн. Голицын, возвращаясь из Ботанического сада, был атакован тремя ту-

земцами. Они ранили Голицына кинжалами три раза в голову и раз в руку. Ранен и казак, защищавший Голицына. По осмотре оказалось, что череп не пробит. Погонею один из нападавших убит, один смертельно ранен, один ранен и схвачен.

25 октября.

Вчера долго работал с вел. кн. Николаем Николаевичем. Присутствовал ген. Палицын.

По своей новой обязанности на военное время главнокомандующим северо-западным фронтом он сделал небольшой об'езд, был в Ковне и в Гродно, и, не ознакомившись хорошо со всеми работами в округах и в главном штабе, спешно пришел к заключению, что Гродно должно быть обращено в первоклассную крепость, и что ранее исполнения этой задачи не следует расходовать на северо-западном фронте на что-либо какие бы то ни было суммы. Такое безусловное мнение о важности крепости в Гродно Ник. Ник. доложил государю и получил от него соизволение, дабы работы по инженерной подготовке северо-западного фронта представлялись его величеству с заключением по ним великого князя. Я и привез вчера великому князю наши предположения и просил указанного выше заключения. Нельзя было не коснуться и слишком быстрого решения великого князя отнести все сосредоточение более к востоку с явно выраженным желанием не защищать линии Нарева. Из разговора с князем, из его довольно презрительного отношения к обороноспособности не только Нарева, но и Вобра, я пришел к заключению, что великий князь не готовится защищаться и за Бобром, что он расчитывать на дальнейшее отсутствие к «базе» и что Гродно является в его предположении пунктом прикрывающим базу.

Я высказал князю мнение, что ныне крепости-лагеря скорей ловушки для войск, чем источник спасения армий. Что 20 бат-ов, которые князь полагает необходимыми для Гродно, на 40 верст обвода очень слабый гарнизон, что активной роли крепость иметь не будет, ибо из 20 бат-ов самое большее могут выйти для действий в поле 10—12 бат-ов. Что эти силы могут быть остановлены одной бригадою; что Гродно всегда был важным пунктом в военном отношении, что оценил этот пункт Петр Великий, но что увлекаться им настолько, что ничего больше не делать для подготовки всего театра, неправильно и опасно и пр. Из разговоров далее выяснилось, что Ник. Ник. считает даже разрешенную к по-

стройке Бобровскую дорогу излишнею, пока не будет готова крепость Гродно. Что он будет «умолять» государя не строить эту дорогу, пока нет денег на Гродно. При рассмотрении присланного с места первоначального предположения, сделанного двумя офицерами, командированными в Гродно, оказалось, что они совершенно не то хотят укреплять, что предназначил себе князь и Палицын.

После двухчасовых разговоров и споров вел. князь согласился, чтобы начатые работы в плацдарме Ломже и Рожанах продолжались; чтобы кредиты, внесенные на Гродно, Червонный Бор, Визку, позиции на верхнем Нареве (Желтой и Топилицы) вносились, но расходование их не производилось до осмотра вел. князем этих мест.

28 октября.

Вчера в государственном совете имел большую радость. Витте, три года не соглашавшийся со мной в необходимости присоединения к России северной Маньчжурии, наконец, сдался. После разных оговорок, что мы сами испортили положение, он признал, прочитав мою записку по Маньчжурскому вопросу, представленную государю, что ныне нам ничего другого не остается, как присоединить к России северную Маньчжурию, как мною проектировано.

Вчера же Оболенский (товарищ Ламсдорфа) говорил мне, что на Дальнем Востоке все еще не хорошо, что японцы не уступают и соглашение с ними не двигается вперед, что с китайцами прекращены всякие переговоры.

Вчера возвратился от государя всеподд. доклад, в котором я испрашивал повеления государя на сформирование еще четырех батальонов для гарнизона Владивостока (в 87 стр. бригаду). При этом мною ставился вопрос: на какие суммы отнести это формирование, предвиденное на совещании в Порт-Артуре: на предельный бюджет или на особые кредиты, сверх предельного бюджета. *В первом случае указывалось, что придется на 6 мил. руб. сократить наши предположения по усилению западного фронта империи.* Государь, 25 октября, на этом докладе надписал: «Считаю эту меру лишнею, ввиду общего усиления войск на Дальнем Востоке».

Несколько дней тому назад государь возвратил также доклад о порядке об'явления мобилизации на Дальнем Востоке, при чем испрашивалось указание: будет ли предоставлено наместнику об'явить мобилизацию в пределах наместни-

чества, или это об'явление будет совершаться лишь волею государя на общем основании. Государь начертал: «Оставить по прежнему» (т.-е. по закону, без особых полномочий наместнику).

Эти два факта в связи с данным Алексееву указанием умерить воинственный пыл дают основание думать, что медовый месяц наместника уже проходит.

Сегодня посетил меня гр. Ламсдорф, возвратившийся из-за границы. Все еще тревожится делами Дальнего Востока. Говорит, что там идет путаница. Не доволен и Розеном. Говорит, что он закинулся и, как упрямый немец, настаивает на проведении своего мнения, чтобы японцы отказались от Маньчжурии, а мы откажемся от Кореи (лично я сочувствую сему мнению). Лессар сбит с толку требованиями Алексеева, проводил дело не по частям, как хотел Лессар, а особым торжественным заявлением. Китайцы уперлись, и дело стало. Другие пользуются. Ламсдорф показал государю письмо Лессара, в котором достается Алексееву и осуждаются заведенные порядки вести дела не через Петербург. Государь письмо не возвращает.

Ламсдорф рассказал, что, когда государем была получена воинственная от Алексеева депеша, он очень встревожился и не скрыл своего беспокойства:

«Надо сейчас же телеграфировать Алексееву, что я не хочу войны,—говорил он Ламсдорфу.—Составьте ответ».

Ламсдорф составил ответ в сильных выражениях, что, государь войны не хочет и возлагает на Алексеева принятие мер, чтобы войны не было. Обыкновенно государь только помечал такие депеши, как проекты, и уже ждал к подписи не проекта. А тут он зачеркнул слово проект и уже подписал без измнений. С этой минуты, повидимому, в настроении государя произошло изменение. Ему стало ясно, куда нас может завести политика потрясения кулаком, без желания ударить им. По словам Ламсдорфа, он говорил государю: «Нельзя, ваше величество, потрясать кулаком без решимости нанести удар. Придется сбавлять тон,—а это очень нежелательно». Все же Ламсдорфу представляется, что немедленного разрыва с Японией не будет.

Выяснилось, что государь, несмотря на полномочия, данные Алексееву, все же разрешал и Ламсдорфу давать указания нашим послам на Дальнем Востоке. Выходит двойственность распоряжений, путающих дело и смущающих диплом. представителей других держав.

Ламсдорф все поговаривает, что надо ему уйти.

Относительно Македонии гр. Ламсдорф спокоен. Мое опасение, как бы Македония не подпала под власть Германии, через германских офицеров, он опровергает, но я продолжаю опасаться.

31 октября.

Вчера сидел у С. Ю. Витте более двух часов. Говорили о наступившем затишье по делам Дальнего Востока. Витте высказал мысль, что государь, ударив по нем и доказав свою мощь и решимость не останавливаться ни перед чем для проведения своих идей по Дальнему Востоку, теперь успокоился. Что в особенности воинственное настроение в сентябре Алексеева встревожило государя. Что теперь он спокойнее будет смотреть и на окружающих. В числе их особенно занимает Витте Безобразов. Теперь, по словам Витте, вполне определилось, что Безобразов—негодяй. Но тут в отзыве С. Ю. Витте сквозило личное раздражение. Он с основанием считает, что Безобразов очень способствовал удалению его с места министра финансов. Тотчас после смены Витте, Безобразов был у него и упрекал, что он, Витте, не хотел с ним итти и потому пал. Говорил и в других местах, что это он свалил Витте. Государю в Дармштадте передали похвальбу Безобразова, что это он свалил Витте, и государь раздраженный сказал: «Пора, однако, это окончить». Затем Витте говорил, что он не мог так прямолинейно действовать по отношению к Безобразову, как действую я, что он, Витте, связан с Безобразовым серьезными делами уже с 1900 года. При этом Витте достал из своего секретного шкапа документы, из которых показал мне два. В первом из них были изложены основания действий лесного предприятия на Ялу, а на обороте государь написал почти всю страницу карандашом. Тут значилось, что барыши с предприятия на Ялу должны поступать в доходы кабинета в соответствии с теми расходами, которые произведены на это предприятие из сумм кабинета. Что потом дальнейшие барыши должны итти на содержание войск на Дальнем Востоке и, наконец, на эти же барыши следует развить церковное строительство. Документ, повидимому, 1900 года. Того же года Витте показал мне собственноручное письмо государя к нему, которое начиналось так: «Любезный Сергей Юльевич, сделайте распоряжение об открытии А. М. Безобразову в русско-китайском банке кредита в два миллиона рублей...». Витте прибавил, что эти два миллиона израсходованы без толка, что теперь сам Безобразов признает неудачу своих предприятий;

что никакого отчета в этих двух миллионах он никому не дает; что дела ведутся очень темные; что из русско-китайского банка, по словам Ротштейна, к Безобразову на службу поступили все подозрительные люди и этим очистили личный персонал банка.

Далее С. Ю. Витте рассказал мне удивительную историю по рабочему вопросу. По его словам, в 1881 году в каземате по политическим делам сидели два лица: Тихомиров и Зубатов. Теперь Зубатов недавно был начальником всей сыскной части, а Тихомиров является составителем особого плана к решению рабочего вопроса. Тихомиров подал государю красноречивую записку, в которой изложил программу социал-демократической партии, заключающуюся в борьбе с капиталом, с буржуазиею и с правительственной властью. Он посоветовал направить силы недовольных рабочих при помощи *особой* организации только на борьбу с капиталом и буржуазиею, из'ять из программы борьбу с правительством. Мысль понравилась. Кажется, ранее всего мысль одобрили в Москве (Сергей Александрович). И вот началось невиданное на Руси дело. Само правительство с одобрения высшей власти через Зубатова начало организовывать рабочее движение. Все бывшие на юге вспышки—в значительной мере результат усердия не по разуму зубатовцев. Фабричные инспектора пришли в ужас и стали доносить Витте о происходящем. Он отсылал донесения Плеве при письмах, счетом около 12. Ответ не получал. Плеве сочувствовал. Зубатов забирал все большую силу. Плеве говорил, уезжая в отпуск, что он спокоен, ибо Зубатов всех выручит. Лично Зубатов спас жизнь Плеве три раза. Как сыщик, он гениален. Зубатов являлся к Витте и выражал недовольство общим течением дел и деятельностью Плеве. Он говорил, что Плеве никто не знает, что знают его маску. Витте обещал их разговора Плеве не передавать. Зубатов отправился к Мещерскому и говорил ему то же, что и Витте. Мещерский поехал и передал все Плеве. Кончилось арестом и смещением Зубатова. Произошло это так. Зубатов кому-то из своих написал о разговоре государя с одесским градоначальником, а именно, что государь против еврейских тузов, но не против еврейских масс; что, напротив того, он готов оказать доверие массе. Письмо это попалось в руки Плеве, и он потребовал при ген. Вале к себе Зубатова, показал ему письмо, признал передачу царских слов изменою присяге и тут же отрешил его от должности и приказал арестовать. Зубатов пошел, вероятно, выпущенный из-под ареста, к Мещерскому, рассказал, что с ним сделали, и, показывая на себя пальцем,

сказал: вот как делают Балмашевых и ? (один из убийц Александра II, врач). Витте прибавил, что ныне Сергей Александрович хлопочет о назначении Зубатову пенсии и хочет взять его к себе на службу с хорошим окладом. Витте сделал следующую характеристику Плеве: человек не государственного склада ума, никаких новых широких путей не изобретет и России не выручит. Но очень умен, опытен, обладает сильным характером, лично смел, очень хитер и чрезвычайно способен к интриге. Необычайно умеет скрывать свои мысли и планы.

Сегодня целый день работал, составляя государю записку по главнокомандованию юго-западным фронтом. Очень плохо стоит дело с III армиею. Сергий, конечно, не годится в командующие армией но и Соболев, его начальник штаба, очень плох. Составил совершенно невозможное соображение по наступлению III армии в пределы Австрии.

7 ноября.

Сегодня долго сидели у меня Муравьев (мин. юстиции), а потом Плеве.

Муравьев только что возвратился из Гааги, где разбирал третейским судом дело об иске к республике Венецуела. Очень доволен результатами дела. Приписывает себе поднятие на должную высоту принципа третейского суда. Начали сухо, окончили обращением к портрету государя, инициатора сего дела. По мнению Муравьева, надо расширять это дело, и оно вырастет в дело огромного значения на судьбы государства.

Но этот частный успех России и русского царя не закрыл от Муравьева общего неблагоприятного для России настроения Европы. Нас перестают уважать. Франция от двойственного союза начинает стараться примкнуть к тройственному. Туда же тянут и Англию. Я спросил Муравьева: значит мы снова останемся одни? Он ответил—да. По мнению Муравьева, наши дипломаты очень плохи. В Гааге во время разбирательства секретарь нашей миссии проворовался. Муравьев не скрывает, что он очень хотел бы попасть в Париж. Озлоблен. Конечно, лучше был бы Новиков. Урусов, по словам Муравьева, только гоняется за кокотками. *Внутреннее положение России, по мнению Муравьева, тревожно. Зубатовщина сделала свое дело. Всюду провокаторство.* Само правительство ведет борьбу с самим собою и с представителями капитала. Так долго итти не может. Ему, Муравьеву, хочется уйти.

Плеве под личиною спокойствия тоже имеет тревожный вид. Ему, очевидно, становится ясно, в какую кашу он втянул государя и Россию, присоединившись к Безобразовым. Сам признается, что совершенно не знает дел Дальнего Востока. Просил прислать ему труды печатные, новые, которые мы недавно издали (я говорил ему, что еще недавно прочел два тома, содержащие описание провинции Мукденской и Гиринской).

Рассказал мне, что перед совещанием первым на Ялу (в апреле) государь позвал Плеве и говорил с ним о необходимости организации сильной власти на Дальнем Востоке. Поэтому-то Плеве и предупреждал меня в вагоне, чтобы я был осторожен в выражении своего мнения.

Плеве говорил, что государь был крайне недоволен противодействием ему министров. Нельзя ему резко противоречить. Вот почему государь и обратился к Безобразовым. И это, по словам Плеве, очень жаль, ибо влияние попало в нехорошие руки и прежде всего в руки людей неверующих. По мнению Плеве, все дело в том, что в Маньчжурии собирались устроить особое государство (разумеется, при этом государство Витте). Масса ошибок. Например, устройство Дальнего. Теперь это открылось. Ему, Плеве, тем не менее неизвестно, куда же мы идем. И ему, согласно с моим мнением, кажется, что России надо ограничиться Северною Маньчжуриею, что в этом смысле он готов поддерживать меня.

Он упрашивал меня не уходить из состава министерства.—«У нас Куропаткин один».

Расставаясь, я сказал ему, что если бы не любил царя и родины, а был бы только солдат, любящий войну и военную славу, то радовался бы нынешнему ходу вещей и смуте: будет война, начнется с Японией. Наделаем ошибок. Пошлют меня поправлять дело. Третий опыт постановки во главе сухопутных войск адмирала тоже окажется неудачным (первые были в 1812 г. с Чичаговым и второй в 1854—1855 г. с Меньшиковым).

10 ноября.

Прочел сегодня в «Берлинском листке» № 4—5 статьи о самодержавии и удивился. Те же идеи, что и у Тихомирова и Зубатова, но выраженные еще подобострастнее по адресу царя-самодержца, еще циничнее и презрительнее по адресу правительственной власти. Говорится, между прочим, что: «все канцелярии, как бы ни были высоки их названия, суть лишь необходимое зло, так или иначе разменивающее недостижи-

мый идеал прямого соприкосновения русского человека с его царем».

Далее проповедывается польза борьбы рабочих с капиталом. В конце газеты на странице 52 напечатано «Отдел промышленности № 12214» следующее уведомление: «Государь император по всеподданнейшему докладу министра финансов, в 25 д. июля сего года высоч. повелеть соизволил разрешить вам (издателю-редактору) беспошлинный пропуск издаваемого вами журнала на русском языке под названием «Берлинский листок».

Что все это значит? Куда мы идем?

13 ноября.

Сидел сегодня у Муравьева. Говорил мне о новом проекте министра внутренних дел по изданию положения о крестьянах. Нам проект этого положения прислан (в комитет министров) с целью дальнейшего направления его в особые комитеты, но нашего заключения не запрашивалось. По мнению Муравьева, новый закон имеет целью окончательно закрепостить крестьян, окончательно отделить и уединить их от прочих сословий. Их хотят низринуть в бездну. У них будут свои власти, свой суд, свои законы. Составлял Стишинский с двумя незначительными личностями. Составляли чиновники, не знающие Россию. При отдаче проекта на суд общества поднялся бы крик негодования. Затем Муравьев выразил мнение, *что так далее дела итти не могут*; что государь или признает полезным и необходимым вернуться к установленному в законе порядку и продолжать управлять Россиею при помощи высших правительственных учреждений, или, если государь пожелает покоя и сложения с себя ответственности, то надо будет перейти к конституции. Управлять же Россиею при помощи Беловых, Хлоповых, Мещерских и Безобразовых государь сам скоро увидит невозможность.

Сейчас светлейшая Мария Михайловна Голицына говорила мне о делах в Скерневицах. Болезнь государыни очень мучительна, теперь прокололи барабанную перепонку, гноя идет очень много. Доктора говорят, что угнетенное положение, в котором находится государыня, вследствие смерти принцессы Гессенской, препятствует быстрому благоприятному ходу болезни.

Государыню тревожат: а) смерть принцессы; б) разлука с детьми; в) сознание, что она удерживает государя в Скерне-

вицах, когда ему надлежит быть в Петербурге. Не знает, когда царская семья возвратится в Петербург.

Министр Муравьев, рассказывая мне об отречении Кирилла Владимировича от наследования русского престола, прибавил, что пока жива Мария Павловна, Владимировичи не могут рассчитывать попасть на русский престол, и что у него есть «документы».

24 ноября.

Сегодня сидел (перед докладом завтра у государя) у Ламсдорфа. Очень все еще встревожен. Признает, что наше положение в Европе пошатнулось. Придает особое значение тому, что ведение дипломатических переговоров по Дальнему Востоку поручено наместнику. Представители всех держав в недоумении, к кому обращаться. Отказываются иметь при наместнике аккредитованных лиц. Говорил мне, что китайское соглашение не подвигается вперед. Ныне китайское правительство через посланника в Петербурге жалуется на действия наместника, который вновь занял Мукден нашими войсками по ничтожному поводу. Японские переговоры идут неуспешно. Повидимому, Алексеев затягивал их преднамеренно, чтобы выиграть время для приготовления к войне. На проект японцев о соглашении с нами, мы долго не давали ответа. Лишь по настойчивым требованиям японского правительства, государь приказал отправить наш контр-проект, который теперь и рассматривается. Успеха Ламсдорф не ожидает. Алексеев ставит требования японцам, как будто они побеждены уже. В переговорах надо допускать гибкость. Мнения Алексеева на совещаниях в Порт-Артуре забыты. Когда я входил к Ламсдорфу, от него вышел корейский посланник и его переводчик. Ламсдорф сообщил мне, что посланник явился по поручению корейского императора узнать: что же мы хотим, как должны держать себя корейцы, могут ли они рассчитывать на нашу помощь, если будут сопротивляться японцам, они хвалятся, что готовы при нашей поддержке выгнать их. Я усумнился в искренности этих заявлений и сделал предположение, что японцам они то же самое говорят по нашему адресу.

Но, по мнению Ламсдорфа, итти так неопределенно, как мы идем, так нельзя, что пускай ему скажут: надо присоединить всю Маньчжурию или часть ее, и он это сделает. Поводов достаточно. Когда он указывал государю, что Алексеев

вновь занимает некоторые пункты в Маньчжурии, государь ответил, *что он всегда был того мнения, что Маньчжурии не следует очищать*. На замечание Ламсдорфа, что еще недавно он выражал иное мнение, государь ответил: он тогда еще не был наместником.

26 ноября.

Вчера государь принял меня первый раз по возвращении в Царское Село. Был очень ласков. Расспрашивал, как провел время отпуска. Говорил о своих занятиях, о вопросах, кои его интересовали. Говорил, что государыня стала поправляться, что со вчерашнего дня температура несколько упала. Очень милостиво согласился на мои представления к наградам вне правил и вне очереди своих ближайших помощников.

О делах Дальнего Востока не говорил.

Доклад длился 1½ часа.

Ранее говорил с г.-а. Гессе. Он снова вспомнил свое мнение, высказанное государю о том, что нам надо отдать Квантун обратно, и как государь ответил ему: «Вы не один этого мнения, и Куропаткин так же думает». Затем Гессе сказал мне интересную новость: адм. Алексеев по приезде в Петербург *две недели* был тоже того мнения, что надо Квантун с Порт-Артуром отдать обратно. Но потом это мнение переменил.

Возвратившись в Петербург, поехал в комитет министров, где рассматривалось дело о передаче в особые губернские комитеты проекта законоположений об устройстве крестьян. Законы разработаны в мин. внутр. дел как бы на основаниях закона 19 января 1861 года, но в сущности крестьян хотят отделить стеною от других сословий и под предлогом охраны их еще раз закрепостить. Такое впечатление производит новый закон при первоначальном его просмотре. Надо соблюсти большую осторожность. Я отказался ныне же решить вопрос об учреждении губернского комитета для рассмотрения сего закона в Донской области.

Позабыл написать, что гр. Ламсдорф говорил мне о провале лесного предприятия на р. Ялу. Безобразов, обещавший нам в заседании в Порт-Артуре в этом году 5 мил. и будущем 10 мил. барышей казны, в действительности нагрузил лесом только одно из зафрахтованных им судов. На второе судно леса не хватило и лес *купили американский*!

27 ноября.

Вчера на георгиев(ском) празднике рядом с государем сидел Роон, а рядом с Роопом—я. После обеда ко мне подошел Роон и сказал, что во время обеда государь говорил с ним о Маньчжурских делах, и он, Роон, высказал государю свое мнение, что России нужна Маньчжурия только по магистраль железной дороги, но отнюдь не южная ее часть. На это государь ответил, что такое же мнение и военного министра.

Гессе тогда же говорил мне о «гипнозе» Безобразовым государя с добавлением, что очарование, вероятно, проходит.

Бар. Фредерикс говорил с негодованием, как зазнались Безобразов и Абаза, но теперь, кажется, дела их пошли на убыль: Безобразов сказался больным, Абаза в клубе, в присутствии нескольких лиц и Фредерикса, с ожесточением заявил: «Что же это: разве у нас две России?». Оказалось, он недоволен тем, что переговоры по делам Дальнего Востока велись Алексеевым прямо в Дармштадте, а не через них (Абазу с Безобразовым). Он, оказывается смешивает Россию с собою и Безобразовым! Фредерикс прибавил, что дальше этого нахальства итти нельзя.

Фредерикс рассказал мне, что в бытность в Дармштадте он дешифрировал депеши, получаемые от Алексеева в то время, как там находился и Ламсдорф. Государь первоначально не посвящал Ламсдорфа в эти переговоры, но потом, по совету Фредерикса, стал посвящать и через Ламсдорфа послал Алексееву цука за излишне воинственный пыл, что государь несколько раз говорил, что он войны не хочет и не допустит.

К Ламсдорфу стал относиться хорошо. Ко мне тоже. Но вопрос о командовании киевским в. округом продолжает считать открытым.

Когда умерла маленькая принцесса, государь был огорчен только потому, что государыня была неутешна. Он страдал ее горем. Когда состоялось решение ехать на похороны в Дармштадт, Фредерикс отговаривал государя, указывая на серьезность минуты ввиду осложнений на Западе. Но государь говорил, что ему все равно, как будут судить его поступок другие. Он знает, что многие в его поступках находят только дурное. Он считает себя обязанным слушаться только голоса совести, а совесть ему подсказывает о необходимости не оставлять государыни во дни ее неутешного горя. Фредерикс прибавляет, что государыня, действительно, обнаруживала столько сердечности, что никто этого не мог ранее предполагать. Когда государыня заболела, Фредерикс сказал госу-

дарю, что сам бог помогает, дабы государь поездкою в Дармштадт не сделал ложного шага. Болезнь была очень мучительна. Государыня сильно страдала. Первые три дня государь находился в Скерневицах, но потом, по совету Фредерикса, стал ездить на охоту, уезжая рано утром и возвращаясь к вечеру. Государыня была совершенно одна, ибо даже приход в ее комнату фрейлины ее раздражал.

Сегодня утром послал государю свою записку по Маньчжурскому вопросу об обмене у Китая северной Маньчжурии на Квантун и южную ветвь железной дороги.

27/XI 1903.

Приложение к № 18.

Рукою Куропаткина написано: «Это заключение взято из написанной мною и представленной государю записки по Маньчжурскому вопросу. Была отправлена в Дармштадт в десятых числах октября.

28/X 1903. Куропаткин.

Заключение.

28 октября.

Присоединение только северной Маньчжурии даст нам следующие главные выгоды:

а) Мы получаем возможность приостановить заселение китайцами свободных земель.

б) Взяв в свое распоряжение все свободные земли, мы можем направить в северную Маньчжурию переселение русских людей.

в) Мы получим местности, важные в военном отношении, по производству зерна и возможному развитию коневодства и скотоводства.

г) Мы получим местности с большими лесными и минеральными богатствами.

д) Мы получим государственную границу на 1.300 верст более короткую, чем ныне.

е) Включение всего бассейна реки Амура в наши владения обеспечит прочно деятельность русского населения трех существующих областей.

ж) Оборона новой границы значительно облегчится, и этим прочно обеспечится положение Приамурского края.

з) За рекою Сунгари мы найдем отличную позицию как для обороны, так и прочную базу для перехода в наступление.

и) Новая граница, не прикасаясь с Кореею, не вызовет осложнений с Японией.

к) Так как в северной Маньчжурии еще не создалось прочных экономических интересов с другими державами, то присоединение северной Маньчжурии к России может и не вызвать разрыва ни с одной из заинтересованных держав.

К невыгодам присоединения северной Маньчжурии относится то, что присоединяя эту страну, мы создадим опасность еще более быстрого, чем ныне, проникновения желтолицых в Приамурский край.

Присоединяя северную Маньчжурию, мы должны готовиться к энергичному протесту Китая и даже разрыву с ним.

Присоединение, кроме северной, еще и южной Маньчжурии даст нам следующие выгоды:

а) Мы связываем Квантунскую область с прочими областями России.

б) Мы получаем возможность эксплоатировать естественные богатства южной Маньчжурии (лесные и горные).

Но невыгоды этого присоединения, сравнительно с присоединением только северной Маньчжурии, следующие:

а) Мы удлиняем государственную границу на 1.800 верст.

б) Оборона этой границы будет весьма затруднительна.

в) Опасность для Приамурского края сделаться китайским по преобладающему населению весьма возрастет.

Присоединение южной Маньчжурии приведет к необходимости занять важные пункты вне линии железной дороги [1]) и вызовет значительные расходы на усиление войск, прокладку дорог, устройство укреплений.

г) Присоединение южной Маньчжурии со священным Мукденом отзовется тяжким образом на наших отношениях с Китаем.

д) Придя в соприкосновение с Корейскою границею, мы вынуждены будем вступить в соперничество с Японией из-за Кореи, которое может окончится войною. Устье Ялу прежде всего будет служить яблоком раздора между нами и японцами.

е) Присоединение южной Маньчжурии может нарушить наше согласие с европейскими державами, Америкою и проч., из-за Инкоу, устья Ялу, Мукдена и других пунктов.

[1]) Например: Мукден, Гирин.

ж) Активная оборона этой границы будет весьма затруднена и может привести к войне с европейскими державами.

з) В результате, занимая южную Маньчжурию, мы должны непрерывно увеличивать на Д. В. свои силы и средства и жить в состоянии вооруженного мира, как и на Западе.

и) Занятие только северной Маньчжурии может обойтись и без войны с Китаем и Японией. Занимая южную Маньчжурию мы должны готовиться к войне с Японией из-за Кореи, с Китаем—из-за Мукдена.

Сравнение выгод и невыгод занятия нами южной Маньчжурии не может не привести к выводу, что нам в настоящий исторический период необходимо ограничиться только присоединением к России северной Маньчжурии.

№ 19.

С 28 ноября 1903 г. по 7 февраля 1904 г.

28 ноября 1903.

Вчера отправил государю свою записку по Маньчжурскому вопросу (окончание), в которой я в сильных выражениях указываю опасность настоящего положения нашего на Дальнем Востоке и советую государю овладеть северною Маньчжуриею путем добровольного соглашения с Китаем, отдав Китаю южную Маньчжурию, Квантун с Порт-Артуром, ветвь южной железной дороги и, кроме северной Маньчжурии, получить еще вознаграждение в 250 миллионов руб. Указываю, что, ведя далее наступательную политику, мы не только будем иметь войну с Японией и Китаем, но будем иметь против себя весь мир. *Что даже Франция, ввиду нашей политики на Дальнем Востоке, начинает сознавать необходимость искать другой опоры и ищет соглашения с Италией и Англией*, а там и до соглашения с Германией один только шаг. Не понимают, что мы хотим, куда идем, и потому тревожатся; что и в Англии просыпаются сказки о наших замыслах на Индию. *Написал, что война с Японией будет крайне непопулярна в России, что противоправительственная партия воспользуется этою войною, чтобы увеличить смуту и пр.*

Писал с полною откровенностью.

Читать государю эту записку будет тяжело, ибо в ней есть осуждение его политики, его мнений. Но надо, чтобы государь знал правду. Эта правда принесет пользу не только России, но и нашему чудному государю.

3 декабря.

Вчера на докладе государю-императору плана наших мероприятий на пятилетие 1904—1909 года *мне в значительной мере удалось направить главные усилия наши опять на Запад.* Из 130 м. руб. на предельный бюджет взято лишь 7 мил. руб.

на новые мероприятия на Дальнем Востоке, кроме 30 мил., которые будут отпущены сверх предельного бюджета. Главное усиление постоянной армии составит 22 корпус [1]), который мы будем формировать в казанском в. округе. Этим удовлетворяются разные цели: 1) обеспечится внутреннее спокойствие, ибо теперь между Волгою и Уральским хребтом очень мало войск; 2) подкрепим VI (резервную) армию и 3) получим возможность рассматривать 22 корпус и как резерв для Дальнего Востока, Туркестана и Кавказа.

Затем мы закончим организацию резервных войск, обратив остальные 22 б-на в резервные полки. На Западе 49 рез. бригаду обратим в 42 пех. дивизию. Сформируем 1 саперный, 1 железнодорожный, 5 военно-телегр., 2 полевых железнодорожных роты, 2 обозных батальона.

Окончим заботу об офицерах, начнем об нижних чинах и проявим заботу об лошадях и пр.

Государь очень внимательно слушал и многое расспрашивал. Был очень добр.

После доклада поехал в комитет министров, где защищал интересы русских рыбаков на Каспийском море против монополиста Лианозова (его наследников). По окончании заседания С. Ю. Витте говорил со мной по поводу прочитанной им моей записки по Маньчжурскому вопросу (окончание), представленной государю. Витте говорил, что год тому назад он был бы против предложенного мною решения, но теперь, после всего сделанного, он не видит другого исхода из того тяжелого, неопределенного положения, в котором мы попали, кроме предложенного мною: т.-е. закрепить за Россиею северную Маньчжурию ценою уступки южной Маньчжурии и Квантунской области. Он, Витте, если бы государь пожелал, взялся бы убедить в необходимости этого решения и гр. Ламсдорфа. Он же, Витте, взялся бы реализировать указанные мною в записке 250 мил. руб. за южную ветвь и сооружения на Квантуне и вполне согласен, чтобы употребить их на дела устройства Дальнего Востока. Результаты получил(ись) бы огромные. Конечно, он возражал мне и доказывал ошибочность мнения, что занятие Порт-Артура явилось следствием постройки, по предложению Витте, магистрали через северную Маньчжурию. Он говорил: «Представьте себе, что я повел своих гостей в Аквариум, а они, напившись пьяны, попали в публичный дом и наделали там скандалы. Неужели я виноват

[1]) 32 бат., 12 экс., 8 батарей, 1 сап. бат-он.

в этом? Я хотел ограничиться Аквариумом. Далее тянули другие»...

В понедельник я был у вел. кн. Александра Михайловича. Он много говорил мне, как его волнуют настоящие события. Что он знает, что государь твердо желает дело не довести до войны, но что есть и другая сторона. Он радуется, что во время успел удалиться от лесного дела на Ялу. Он видел, как летом я сердился на него, был хмурый и приписывал это тому, что это он выдумал Безобразова и Абазу и солидарен с ними. Он вовсе не солидарен и удивляется, как Безобразов может иметь влияние.

Сегодня вел. кн. Николай Михайлович горячо передавал мне свои огорчения по Кавказской службе. Служба ему стала невыносима. Он взял 4-х-мес. отпуск и затем хочет проситься на отдых. Надо заняться и своими делами.

На Кавказе идет полный развал. Войска мотают в помощь полиции. Трудно учиться. Всюду вредные влияния. Глупый закон о церковных армянских имуществах возмутил армян нижних чинов. В Грузинском полку 19—20 армян собирались бежать с ружьями. Крали патроны. Руководил армянский священник. На него, вел. князя, по донесению полиции, тоже собирались сделать покушение. Думает, что полиция выдумала, а теперь, чтобы доказать, что она была права, действительно, *чинами полиции* готовит на него покушение.

Голицын напутал и запутал всюду.

Государь вчера на докладе выразился, что он доживет до того, что увидит всю армию в папахах.

Сам носил ее с детства. Ему дал отец. Привык и любит ее.

6 декабря.

Праздновали тезоименитство государя. Парадный завтрак. Сидел между великими княгинями: Елизаветою Федоровною и Ксениею Александровною. Очень скоро стали говорить о политике. Я стращал и несколько дразнил Ксению Александровну, что мужу ее, быть может, на-днях придется выехать на Дальний Восток, принять в командование морскую дивизию. Что войны редки, что надо ему не упускать случай померяться силами с японцами. Что пойду туда и я, что ей же предстоит обратить свой семейный дом в дом благотворительности. Что там будут шить воинам белье, вязать куртки, готовить

пачки с табаком, вязать носки, рукавицы... Что время от времени с Дальнего Востока будут получаться депеши: все идет благополучно. Вчера на суше у нас 1.000 ч. убитых и 7.000 раненых. Вчера потопили столько-то японских судов. У нас перевернулись такие-то суда. Княгиня возражала, что никакой войны не будет, что брат ее войны не хочет, что нам не за что воевать с Японией, что Корея нам не нужна. Я ответил, что можно так далеко зайти, что вопрос о войне или мире уже выскользнет из наших рук. Государь скажет: не хочу войны, а ему ответят: «Поздно. Теперь мы хотим войны»,—и война начнется.—Тогда княгиня сказала: «И что это вы точно черный ворон каркаете? Пожалуй, и накаркаете войну».

Елизавета Федоровна очень правильно определила настроение Москвы: *войны не хотят, цели войны не понимают, одушевления не будет*. Когда я говорил, что Мукден тоже Москва для Китая, и что надо не трогать Мукдена, великая княгиня выразилась: «И совсем напрасно мы туда забрались. Все и всех тревожит, что там делают, и еще более тревожатся за будущее. Надо вернуться к нашим делам». Когда я выразил радость слышать такие мысли от представительницы матушки-Москвы, великая княгиня с живостью ответила: «Нет, нет, я политикой не занимаюсь. Я *обезьяна*, заучиваю все, что говорят кругом, и это вам и передала».

9 декабря.

Сегодня государь утвердил представленный мною план мероприятий на 1904—1909 года на сумму в 130 мил. руб., отпускаемую нам прибавкою к предельному бюджету. *Удалось перенести наше главное внимание с Дальнего Востока опять в Европейскую Россию.* Утверждено сформирование 22-го корпуса войск в казанском военном округе, 48 пех. дивизии в Ковельском районе, сформирование 2-х обозных, 5 военнотелеграфн., 1 железнодорожного бат-на и пр. Переформируем остальные 22 рез. б-на в двух-батальонные полки. Утверждено укрепление Гродно и Ковеля; основание одного юнкерского училища; для улучшения быта нижних чинов утвержден приступ к частному довольствию и прибавок к приварочному окладу. Улучшим положение лошадей. Приступим к неотложным мероприятиям по казачьим войскам. На дела Дальнего Востока отчислено 7 мил. руб. и пр. Закажем два конных железнодорожных парка. Хорошие средства отпустим на военно-учебное дело. В военно-мед. академии оснуем еще две клиники: хирургическую и сифилитическую.

Государь от себя прибавил формирование конно-пионерного эскадрона.

Говорил, что он показывал государыне мой доклад, при котором был представлен план, и обратил ее внимание, что в текущее пятилетие на улучшение быта офицеров израсходовано 86 мил. руб. из 160 мил., отпущенных прибавкой к предельному бюджету.

Высказал, что он радуется, что мы не будем усиливать, как предполагали, войска в варшавском округе, и будем формировать 22 корпус в варшавском военном округе. «Вильгельм,—говорил государь,—в последнее наше свидание так был дружески расположен ко мне и к России, как никогда. Он и не скрывал причины: его тревожит Англия, а еще более Америка». Государь прибавил, что Америка и его тревожит.

Вчера Ал. Петр. принц Ольденбургский говорил мне с ожесточением, что войны не надо допускать, что общее недовольство всюду растет, что вопрос о войне может стать «династическим».

Говорил, что на Кавказе в Тифлисе чуть не накануне восстания. Все недовольны кн. Голицыным. Армяне соединились с грузинами. Ему, Ольденбургскому, на улице не кланялись.

Гессе мне говорил, что он пытался говорить с Абазою, чтобы узнать: чего же мы хотим. Но из длинных ответов Абазы ничего не понял.

Ламсдорф, спрошенный мною о делах Дальнего Востока, ответил, что ему ничего неизвестно, но что нет ничего и хорошего.

11 декабря.

Сегодня получил депешу от нашего военного агента в Шанхае (от вчерашнего числа) г. м. Дессино, что японские министры решили об'явить России войну и что японский флот уже отплыл. Поехал к Ламсдорфу. Он успокаивает, говоря, что переговоры еще идут, что третьего еще дня к нему приходил японский посланник Курино и в очень почти почтительных выражениях представил заключения на наши предложения, сделанные Японии. Он, главным образом, обращал внимание Ламсдорфа на то, что в наших предложениях ничего не упоминается об Маньчжурии, а, между тем, у них имеются там значительные интересы. Ламсдорф надеется, что до войны не дойдет, но неопределенность положения и на-

ших требований тревожит его. Он, граф, с наслаждением прочел мою записку, поданную государю о получении северной Маньчжурии, взамен южной и Квантуна, и очень был бы рад принятию этого плана. Тут есть определенность. Тревожит его и положение, занимаемое в Маньчжурии другими державами. На-днях ратифицирован договор Китая и Америки об открытии для торговли Мукдена. Теперь там американцы получили право иметь консула, а китайцы посылают их к нам, жалуясь, что мы не только не очищаем Мукдена, но вторично заняли его. Государь, по мнению Ламсдорфа, уже с Дармштадта не относится с прежнею горячностью к делам Дальнего Востока. но влияние шайки Безобразова, Абазы и других еще существует. Ламсдорфа особенно беспокоит роль во всем этом деле Плеве. Он имеет основание думать, что Плеве не прочь иметь войну с Японией. Он надеется, что война отвлечет внимание масс от политических вопросов. Ламсдорф также тревожится мнением государя о возможности ему лично не допустить до войны. Того же мнения Алексей Александрович. Государь говорил Ламсдорфу, что мощное поведение наше на Дальнем Востоке выгодно, ибо лучший залог того, что войны не будет, но он, Ламсдорф, заметил государю, что может случиться так, что вопрос о войне и мире уйдет из его, государя, руки, и нас втянут в войну.—«Тогда надо повесить Безобразова»,—закончил он. Он, Ламсдорф, видит, как государя подталкивают к войне даже со стороны Германии. Вильгельм все справляется, цел ли еще Безобразов, ибо это—их надежный союзник.

Плеве, которого я видел сегодня же и показал ему депешу Дессино, я думаю, мне удалось его убедить, что война с Японией не уменьшит его забот об успокоении России. Что, напротив, если мы на первых порах потерпим неудачи, то внутри страны могут вспыхнуть серьезные волнения, что на нас самое главное может ополчится весь мир, ибо, начав войну с Японией, мы дадим образчик возможных для нас столь же бессмысленных и стихийных действий и в будущем. На очередь, быть может, попадут Тибет, Индия, Персия. Народы поймут опасность распоряжения 130 мил. людей одною самодержавною волею при возможности влиять на решения самодержца таких проходимцев, как Безобразов.

Я вспомнил Плеве слова Ольденбургского, что война будет иметь «династическое» значение. Плеве указывал, что Россия выйдет победоносною из всех затруднений, но что, если будет война, то нельзя оставлять войска в руках Алексеева, а надо туда послать меня.

15 декабря.

Сегодня было совещание у государя по поводу депеши адм. Алексеева, в которой он советовал прекратить с японцами переговоры ввиду их согласия на наши предложения по Корейскому вопросу. Они соглашались не укреплять Корейского пролива, но не соглашались принять наше предложение, не переходить в Корее 39 параллели (линии Пеньян-Генсан) и не укрепляться по побережью. Они хотели получить право укрепиться даже на границе с Маньчжуриею.

В совещании участвовали: вел. кн. Алексей Александрович, Абаза и я. Государь открыл заседание, сказав очень спокойно хорошо продуманную речь. Говорил, что настоящие события напоминают ему бывшие 8 лет тому назад после японско-кит. войны. Тогда Россия твердо сказала Японии: «назад», и она послушалась. Теперь японцы становятся все более требовательными. Все же это варварская страна. Что лучше: итти на риск войны или продолжать уступчивость?

Ламсдорф говорил первый и доказывал, что не следует прерывать переговоров, что мы ультиматума не объявляли; что прервать переговоры всегда будет время; что согласно желаниям японцев можно включить и статью о Маньчжурии; таковая в первоначальном проекте была вычеркнута государем. Ламсдорф в ласковых, но настойчивых выражениях говорил, что главное нам надо определить: что же мы хотим в Маньчжурии? что он добьется решения Маньчжурского вопроса в нашу пользу, но надо знать, чего добиваться; требуется осторожность в переговорах.

Государь ответил, что теперь, действительно, можно включить и статью о Маньчжурии. Государь сказал: «Война безусловно невозможна. Время—лучший союзник России. Каждый год нас усиливает».

Алексей Александрович примкнул к мнению гр. Ламсдорфа о необходимости продолжать переговоры: «Надо добиться соглашения хотя бы с небольшими уступками. В вопросе Маньчжурском мы играем роль собаки на сене: сами не пользуемся и другим дать не хотим».

Я говорил в главном следующее:

Надо продолжать переговоры. В Корейском вопросе для нас имеет особую важность пункт о 39 параллели. Его надо отстоять. Японская редакция о 50-верстной зоне в обе стороны Маньчжурской границы совершенно не может нас удовлетворить. Другая важная статья—неукрепление Корейского пролива. Остальное второстепенно. Мне представляется возмож-

ным окончить распрю присоединением к нам северной Маньчжурии и к Японии южной части Кореи. Северную Корею и южную Маньчжурию об'явить нейтральною между нами зоною. Если допустим японцев занять всю Корею, а сами будем занимать всю Маньчжурию, то война между нами и японцами неизбежна. В лучшем случае придем к тяжелому вооруженному миру. Если бы мы исполнили договор, как обещали, и очистили бы южную Маньчжурию, к чему все приготовления были сделаны, то настоящего тяжелого осложнения не было бы. Мы твердо стали бы в северной Маньчжурии, и за нее никто не стал бы с нами драться. Злополучное предприятие (я так и выразился) всему причиною. Вместо очищения Маньчжурии (южной) в условный срок мы занялись активною деятельностью на Ялу. Выставили отряд в Фан-Хуан-Чен. Выдвинулись на Ялу. Остались в Инкоу. Вторично заняли Мукден. В Японии началась смута. Теперь, быть может, уже и не в ваших силах,—сказал я государю,—остановить войну. История учит, что даже слабейшие государства начинали войны. Но ранее надо, сохраняя достоинство России, испробовать все средства, дабы войны не было. Надо успокаивать и местные власти, которые, стоя ближе к опасности, менее ее боятся. Надо главное, твердо выяснить, что мы хотим в Маньчжурии, и то, что мы решим, отстаивать твердо. По моему мнению, из-за северной Маньчжурии войну вести стоит, из-за южной—не стоит. Не стоит вести войны и из-за Кореи. Надо готовиться, что скоро и другие державы поднимутся и пред'явят нам свои требования из-за южной Маньчжурии. Самое опасное в настоящем положении это: 1) то, что мы не готовы к войне с Японией в железнодорожном отношении: три поезда в сутки не такая сила, чтобы можно было своевременно собрать армию в 300 т. чел. и, главное, питать ее: надо выиграть время; 2) трудно представить, чем окончится и как разовьется начавшаяся на востоке война. Быть может, война охватит все границы.

Государь по вопросу о южной Маньчжурии высказал, что там у нас есть интересы в таможне в Инкоу; что мы можем четвертую часть расходов перечислить в русско-китайский банк, что надо взять движение по Ляохе в свои руки.

Говорил и Абаза, в общем, следующее:

Он тоже исходит из желания, чтобы войны не было. Протекторат Японии над Кореею нам не вредит. Если же мы уступим и дадим Японии то, что она требует, то японцы снова пред'явят новые требования. Лучше последовать совету Алексеева и прервать переговоры. Стремление Японии в Корею

есть «остаток феодальных течений». Он твердо убежден, что войны с Японией не будет, ибо Россия не желает войны, а Япония ее боится.

Япония перевернула картину. Чем дольше будут продолжаться переговоры, тем опасность большая. Японцы могут дойти до дерзких требований, и тогда война станет неизбежна. Его мнение: японское правительство будет вынуждено дать выход страстям народа и занять Корею. Занятие Кореи без нашего разрешения даже выгодно нам. Это будет пиявка. Озлобит Японию. Европейские державы не признают законности действий Японии. Японцы дурно Кореею воспользуются. Они—мелкие торгаши, но не крупные купцы. Скоро будут заискивать у нас, ибо будут окружены с трех сторон. Как только Япония перейдет на материк, крепость ее исчезнет. Наместник лучше может судить. Он ощущает пульс. Нам надо протестовать, но не мешать японцам занять Корею.

Я заявил, что одного протеста мало. Абаза говорил, что надо скорее еще усилить войска в Маньчжурии—это лучше войны.

Ламсдорф говорил, что по Маньчжурии мы никогда не пришли к окончательному результату. Государь ответил: «Да». Ламсдорф говорил, что бессрочная оккупация Маньчжурии приведет к присоединению ее.

Я указал на неизбежность и выгодность при данной обстановке присоединить северную Маньчжурию. Государь возразил, что управление населением надо оставить в руках китайцев.

Государь решил: надо продолжать переговоры. Поставить вопрос: «Не следует ли вызвать Алексеева? Это успокоит всех». Закончил решением: «если можно, продолжать переговоры со включением и Маньчжурии».

К этой тетради приложил конспект своей речи. Ламсдорф очень хвалил ее Витте.

20 декабря.

Сегодня пришло известие о смерти гр. Мусин-Пушкина. Государь говорил об этом без большого огорчения, так был приготовлен. Назвал преемником ему бар. Каульбарса.

В книжке № 23 записаны слова государя об Японии. Он не тревожится тем, что японцы влезут в Корею. Согласен с мнением Алексеева, чтобы они сделали это без нашего разрешения. Тогда этот «нарыв», который всех тревожит, наконец, разразится. Государь все еще надеется, что войны не будет. Я докладывал подробно соображения адм. Алексеева о со-

средоточении наших сил на Дальнем Востоке на случай войны. Много оптимизма после прежнего пессимизма. Надеется, что флот наш не может быть разбит. *Я докладывал, что положение дел на Дальнем Востоке стало так тревожно, что требуются новые усиления войск.* Представил доклады: 1) о скорейшем сформировании 9 стр. бригады; 2) об укомплектовании до 84-рядного состава полков 31 и 35 дивизий, находящихся на Дальнем Востоке. Придется послать 6—11.000 укомплектований с ружьями и теплою одеждою. Придется покупать лошадей; 3) значительно усилить наши артиллерийские средства: послать три батареи для 9 стрелковой бригады; три батареи, дабы увеличить число скорострельных батарей до 21, т.-е. по три батареи в стр. бригаде; одну батарею резервную, разворачиваемую в четыре батареи. Парки. Всего будет по три орудия на батальон, а у японцев приходится 4½ орудия на батальон.

Государь все это одобрил. Затем я его предупредил, что уже сделал распоряжение, дабы составляли расчет сформировать при каждом полку третьи батальоны. Это прибавит еще 32 батальона. Тогда придется прибавить и по четвертой батарее к каждому дивизиону. Государь сказал, что это *дешевейший* способ усилить войска на Дальнем Востоке; что если бы я не доложил ему о необходимости новых усилений, то ему пришлось бы самому напомнить мне о необходимости сего.

26 декабря.

Сегодня докладывал государю о невозможности изъять войска Дальнего Востока из ведения военного министерства. Сочинили там удивительный проект.

Говорили, что дела законодательные и дела денежные, сметные должны во всяком случае доходить до Петербурга и проходить через главные управления и военный совет. Что они не могут на Дальнем Востоке иметь свою смету. Что иначе им придется создать массу учреждений. Государь ответил мне, что он надеется, что со временем Дальний Восток будет жить на доходы Дальнего же Востока. Такую мысль внушили государю. Это все те же фантазии с 10 мил. доходов по лесному делу на Ялу.

Сегодня же я разбирал в общих чертах присланный адм. Алексеевым проект устройства военного управления на Дальнем Востоке. Государь был, видимо, удивлен требованиями.

Действительно, и ныне Дальний Восток стоит непомерно дорого, а Алексеев (Флуг, Волков и компания) хотят взвинтить это дело до абсурда. Так над двумя корпусами войск в

настоящее время мы имеем: приамурский округ, который стоит 510.000 р.; Квантунскую область, которая стоит 260.000. Они хотят Квантунскую область развить в квантунский военный округ, который будет стоить тоже 510.000 р. и, кроме того, штаб наместника будет стоить 412.000. Всего требуют 81 генерала, из коих строевых только 23. По одному генералу будет на каждый батальон. Государь высказал мысль, что, быть может, Алексееву можно будет скоро приехать в Петербург, и тогда многие недоразумения рассеятся.

28 декабря.

Приехал сейчас от Витте. Все его волнует вопрос: вспоминает ли его государь. Очень огорчен резолюциею государя по крестьянскому делу, по которой в указе предположено об'явить, что государь признает сословность, общину и неотчуждаемость крестьянской земли—вопросами им решенными и неподлежащими обсуждению в губернских комиссиях или комитетах. Государь также пометил, чтобы представители от земства в эти комиссии не выбирались земством, а назначались губернаторами. Витте очень недоволен ходом переговоров по германскому торговому договору. *Германцы пред'являют тяжкие требования.* Витте имел большой доклад по сему вопросу у государя, но, повидимому, не остался удовлетворенным. Просил государя письмом уволить его от этой работы.

О делах Дальнего Востока продолжает надеяться на мирное улажение дела с японцами, но ценою больших уступок с нашей стороны. Ма «подожмем хвост и отступим», говорил Витте. По его словам, предложения японцев в августе были вполне приемлемы, за исключением одного пункта. Он так и написал государю, но его величество нашел, что подобные требования составляют «нахальство» со стороны японцев. Теперь мы уже согласились на гораздо большие уступки и согласились еще на новые. Войны не будет, но престиж государя будет потрясен. Государственные люди Европы увидят в нашем отступлении урок для себя и начнут щипать Россию. Впрочем, прибавил Витте, по последним сведениям представители черного кабинета: Безобразов, Вонлярлярский, Вогак переменили тон. До последнего времени они все твердили, что войны не будет и не может быть. Теперь галдят, что так итти далее нельзя, что из нас «тянут жилы», что лучше итти на войну. Вогак подал какую-то записку государю.

Рассказал мне также Витте, что Безобразова дважды забаллотировали в новом клубе, и все-же комитет: Абаза, Юсу

пов и кто-то третий повезли билет Безобразову. Многие возмутились этим поступком и грозят выйти из клуба. Граф Пален вернул свой билет, сказав, что он не хочет быть членом в клубе, где есть место Безобразову. Высказал мнение, что считает Безобразова преступным за то, что он тянет Россию в войну против мнения министров и, особенно, противно с мнением военного министра Куропаткина. Кстати, Витте сказал, что старый граф Пален часто вспоминает с большим уважением моего покойного отца, с которым служил, когда во Пскове был губернатором. Витте, когда говорил о войне и о неизбежности больших финансовых операций, чтобы достать деньги, сказал мне, чтобы я доложил государю о необходимости возвратить его, Витте, к должности министра финансов на время войны. Можно даже оставить в должности председателя комитета министров. А то все равно, по словам Витте, кто бы ни управлял финансами, все же будут приходить к нему и руководствоваться его указаниями. Жажда власти по-прежнему мучит Сергея Юльевича, но тут он прав: в случае войны надо постараться поставить его во главе финансового ведомства, иначе мы запутаемся.

Сегодня похоронили гр. Мусин-Пушкина в церкви Кавалергардского полка. Пышно и церемонно. Был государь и царская семья, но теплого сожаления не встретил.

31 декабря 1903.

Вчера был важный доклад у государя. Его величество одобрил мой проект ответа адм. Алексееву, просившему при высадке японцев в Корею (вторым эшалоном) мобилизировать наместничество и сибирский в. округ или мобилизировать и прислать на Восток 10 и 13 арм. корпуса. Просил разрешения выставить отряд на Ялу, об'явить крепости Порт-Артур и Владивосток на военном положении. Подробно все записано в книжке записной № 24 вчерашнего же числа. В общих чертах государь одобрил об'явление крепостей на военном положении, лишь *подготовление* к мобилизации и к выставлению отряда на Ялу и одобрил ассигнование 3 мил. руб. на вызываемые чрезвычайными обстоятельствами расходы по заготовлению разных запасов, формированию транспортов, разработке дорог, устройству укреплений и увеличению готовности войск наместничества

Государь лично вписал, чтобы отряд на Ялу не посылался, а только «подготовился».

Вчера же государь передал мой доклад по письму Абазы о том, чтобы наместник по всем без исключения делам сносился с государем и Абазою. Государь согласно с моим мнением приказал, впредь до выработки нового положения о военном положении наместничества, сохранить установленный ныне порядок сношений. В особенности я указывал государю, что без изменения ст. 12 к. 1 св. в. пост. (по которой только военный министр является докладчиком перед государем по делам военного ведомства) удар шайке «Черного Кабинета» большой.

Когда я был вчера у Авелана, то он, по поводу распоряжения дабы наместник сносился только с государем и Абазою, рассказал следующее:

Ему Абаза так передавал происхождение этого странного распоряжения: будто бы Алексеев жаловался государю, что ему министры иногда не то пишут, что он получает из комитета по Дальному Востоку. Дабы избежать разноречия в действиях, государь и поручил Абазе составить проект распоряжения. Абаза составил проект депеши от государя к Алексееву, который его величество лично изменил и пополнил. Когда Авелан спросил Абазу: значит ли, что отныне, напр., полученное им только что требование от Алексеева сменить трех командиров судов и прислать двух адмиралов должно докладываться государю Абазою. Этот последний ответил: «Да, мною». Авелан усумнился, справится ли он. Абаза ответил: будет трудно, но справится

Дорогой, вчера, Ламсдорф высказал мнение, что передавать наши распри с Японией в Гаагу не следует. Трактаты против нас. Указывал, что Алексеев лично согласился с предложением японцев не вести демаркационную черту по Корее по 39 параллели, а установить нейтральную зону по обе стороны Корейской границы на 50 верст. Я не признавал эту зону выгодною нам.

Ехавший в поезде Гессе порадовался, что государь отнесся спокойно к новым воинственным попыткам Алексеева и осадил Абазу, но высказал сомнение: надолго ли хватит у государя твердости держаться этого направления и не изменит ли он свое мнение.

3 января 1904 г.

Не помню, записал ли я, что в последнее свидание с Витте он говорил мне, что в случае войны надо, чтобы его назначили министром финансов, с оставлением в должности председателя комитета министров.

1 января в Зимнем дворце контр-адмирал Рождественский, мало мне знакомый, занимающий должность начальника морского штаба, очень бранил адмирала Алексеева; называл его совершенно фальшивым человеком, у которого личное самолюбие выше дела и всегда на первом месте. Он же критиковал морские порядки в Порт-Артуре. Указывал, что суда мало практикуются в маневрировании, дабы не износить котлов, что котлы плохи кое-где, что ремонт не удовлетворителен, снарядов недостаточно. Что главный командир эскадры—адмирал Старк—тупой чухонец, совершенно не подходящий к роли руководителя таким большим флотом. Что над ним смеются даже иностранцы.

Вчера вечером я получил от гр. Ламсдорфа депешу Розена с ответом Японии на наши предложения и записку Ламсдорфа, поданную им государю по поводу сего ответа. Утром я написал Ламсдорфу письмо, в котором изложил свое мнение, что необходимо настаивать, чтобы японцы не могли пользоваться корейскою территориею северней 39 параллели для стратегических целей, что из соглашения по Маньчжурским делам надо исключить требование, что мы обязываемся уважать территориальную неприкосновенность Маньчжурии. Я порадовался согласию Японии признать, что Маньчжурия находится вне сферы ее влияния. Россия должна признать тоже относительно Кореи. Все это записано в книжке № 24. Успел по этому вопросу сделать и государю доклад. Приказал написать гр. Ламсдорфу. Государь назвал «дерзким» требование Японии, чтобы мы обязались уважать территориальные права Китая в Маньчжурии. Относительно Кореи государь идет легко на уступки. Относительно Маньчжурии тоже пришлось сделать большую уступку, признав договорные права в Мукдене и других портах Японии и других держав.

Государь говорил о стратегических расчетах деятелей Дальнего Востока с недоверием. Встретил довольно сочувственно мое заявление, что в случае войны нельзя во главе нашей армии, собираемой в Маньчжурии, поставить адмирала. Государь вспомнил на мое замечание, что уже были опыты постановки во главу сухопутных армий, что это были «опыты неудачные».

Одобрил мои предположения по подготовке театра войны в Маньчжурии.

Докладывал о посылке калмыка, под'есаула Уланова, в Тибет разузнать, что там делается и особенно, что там делают англичане. Государь соизволил, чтобы это была частная

поездка на свой страх и риск. Приказал посоветывать Уланову «разжечь там тибетцев против англичан». О таковом приказании государь сказал, чтобы я не говорил Ламсдорфу.

4 января.

Вчера Витте делал мне следующую характеристику В. К. Плеве: великий человек на малые дела; глупый человек на дела государственные. Неоткуда явиться у него достаточному кругозору. Прошлое к тому не подготовляло. Домашнего воспитания не получил, в семейной жизни ничего не нашел. 20 лет был прокурором и упражнялся в красноречии без внутреннего убеждения в справедливости им произносимого: 20 следующих лет ведал делами полиции и полицейским сыщничеством на политической подкладке. Все, что имеет, добился своим трудом. Огромная, почти невероятная выдержка; исключительное уменье владеть собою; никто не знает, что он думает; личное мужество. Низкопоклонство сверху. Политика с государем—одно поддакиванье. Отсюда ряд неудачных назначений. Там, где сам выбирает—люди дельные и ему нужные, но хамы.

7 января.

Адм. Абаза сделал новую попытку мешаться в дело, которое не понимает. Прислал мне письмо с извещением, что 5 января государю императору благоугодно было «предоставить» адмиралу Алексееву сноситься по делам военным «общего и принципиального характера» с ним, Абазою. Опять пойдет путаница.

Японские дела попрежнему тревожат всех. Несомненно, что Америка и Англия выступили против России. Кассини телеграфирует из Вашингтона, что по американо-китайскому торговому трактату состоялся 31 декабря обмен ратификаций, и уже внесены на утверждение сената штаты консульств в Мукдене, Андунге и Татунго (последние два близ устья Ялу и на нижнем Ялу).

Гр. Бенкендорф депешею от 2 января доносит, что англичане не довольствуются сделанным нами заявлением об уважении договорных прав держав по заключенным ими относительно Маньчжурии трактатам с Китаем. Они спрашивают, что мы хотим и в будущем делать с Маньчжурией. «Lansdowne a ajoute que les conditions futures peuvent être modifiées à divers degrès: occoupation, protectorat, annexion».

Бенкендорф уклонился от ответа.

Адм. Алексеев телеграфировал 3 января государю императору, что, по его мнению, ответные предложения еще более притязательны, чем прежние. Продолжение переговоров может повести только к более вероятному разрыву. Поэтому Алексеев снова настаивает на необходимости ранее ответа Японии всесторонне обсудить Корейский вопрос в связи с общим положением дел на Дальнем Востоке.

Сегодня государь прислал мне депешу адм. Алексеева, в которой *он снова* настаивает на высылке к Ялу отряда из 3 в. Сиб. стр. и казачьей бригады.

13 января.

Вчера имел совещание с гр. Ламсдорфом по поводу ответа Японии на ее последние требования. Ламсдорф полагает, что по отношению к Корее, ему легче, как он говорил то и ранее, настоять, чтобы Япония не занимала с стратегическими целями никаких пунктов во всей Корее. Относительно Маньчжурии он надеется какою-либо общею фразою избавиться от требования Японии, дабы мы обязались уважать территориальную неприкосновенность Китая в Маньчжурии. Обсуждали запрос наместнику по поставленному им же вопросу о том, чтобы наш ответ Японии был соображен «в связи с *общим политическим положением дел* на Дальнем Востоке». Я настоял, чтобы Алексееву был проектирован и запрос о том, что он полагает, должны мы делать и в Маньчжурии, если японцы займут Корею. Я написал Ламсдорфу следующий проект запроса:

«Если японцы займут Корею, то этим существенно изменится наше, по отношению к Японии и Китаю, положение в Маньчжурии. Можем ли мы и после занятия Японией Кореи, при решении Маньчжурского вопроса, руководствоваться предположенными ранее условиями соглашения с Китаем, или вы предвидите необходимость значительного изменения наших требований и какие именно?».

Государь сегодня утвердил этот проект, и депеша Алексееву послана. Государь говорил со мною по делам Дальнего Востока. Главное записал в Царском же Селе в книжке № 24.

Несомненно, что государь продолжает верить в мирный исход конфликта и продолжает быть настроенным миролюбиво. Но несомненно и то, что в нем все растет и растет вообще враждебное чувство к Японии. Он скрывает от всех нас с удивительным самообладанием. Растет неприязнь и к Англии. Он радуется возможности, что англичане будут побиты в Тибете. Я разочаровывал его на этот счет и говорил, что, если посланные с Юнгенебендом три батальона будут

побиты, в чем я сомневаюсь, англичане пошлют 10, но настоят на своем; что тибетцы—не буры и драться не умеют. Государь говорил про природу и трудности движения, про надеж обоза. Я уговаривал также государя завтра при приеме под'есаула (калмыка) Уланова, посылаемого нами в Тибет на разведку о положении дел, быть осторожным в словах. Указывал, что надо помнить пример посольства Столетова в 1878 году в Кабул к Шир-али-Хану. Столетов наобещал Шир-али-Хану помощи русских в борьбе с англичанами. Шир-али поверил, начал борьбу с англичанами. Мы, конечно, никакой помощи не дали, чтобы не вызывать европ. войны, и в результате Шир-али пал, англичане заняли Кабул и Кандагар, и 25 лет афганцы не могут забыть этого шага с нашей стороны.

Государь утвердил сегодня, чтобы войска и управления Дальнего Востока оставались в ведении военного министерства, и чтобы присланный наместником проект нового устройства военного управления был рассмотрен по докладу по главному штабу военным советом.

15 января.

Сейчас возвратился из совещания, бывшего под председательством вел. кн. Алексея Александровича по составлению ответа на контр-предложения Японии. Участвовали Ламсдорф, я, Авелан, Абаза. Продолжалось 2½ часа.

Заседание открыл Алексей Александрович. Говорил между прочим: «что дальше с нашими уступками итти некуда». Указывал на «громадное миролюбие России».

Надо определить зону в Корее, где они (японцы) могут укрепляться. Если во всей Корее, то тогда и Порт-Артур теряет свое значение.

Гр. Ламсдорф первый говорил, что лучше от зоны (ст. 6) отказаться, но настаивать на сохранении всей 5-й статьи, дабы японцы во всей Корее не имели права занимать какой-либо пункт со стратегической целью.

Абаза говорил, что еще 12 июня прошлого года государем было предназначено решение по сему вопросу. Он, Абаза, подавал записку. Писал почти со слов государя. Границы Японского преобладания определить по водораздельным линиям бассейнов реки Тумень-улы и Ялу. Хребтовая линия, определяющая эти бассейны, и должна стать линиею, разграничивающею сферы влияния России и Японии. У нас останется заслон. Важно решить и по береговой линии: все ли

линии не допускать укреплять или только проливы. Стратегические сооружения вне зоны нашего влияния надо бы допустить или не допускать на побережье. «Дерзость и нахальство» японцев исчезнут. Можно также редактировать так, что укрепления береговой линии могут возводиться только по соглашению с Россиею.

Позже Абаза говорил, что экономическое водворение японцев в Корее поведет и к военному занятию Кореи японцами. Государь еще 6 лет тому назад не хотел допускать японцев в северную Корею, желая, чтобы там был «заслон». Последняя уступка Абазы «пустить их до заслона».

Авелан говорил за сохранение зоны по 39 параллели, иначе Порт-Артуру трудно! Говорил неопределенно; дела не знает. Говорил и о последующем соглашении, чтобы русскому флоту выговорить в Корее Мозампо.

Я докладывал, что предложение Абазы, как совершенно новое, трудно приемлемо. Что идея понятна, но при отсутствии у нас теперь хороших карт нам теперь наметить линию водораздела очень трудно, а верно наметить—невозможно.

Я указал, что 6-я статья о 39 параллели находятся в противоречии с 3 и 4 статьями, что как она нам ни выгодна, но принять ее японцы не могут, ибо, принимая ее, следовало бы переделать весь договор и в сущности притти к разделу Кореи на две части. Запрещение вводить в нейтральную зону войска поведет к анархии в этой местности, а в то же время будет противоречить 3 статье, которая дает япоицам право принимать меры к защите своих интересов во всей Корее, и противоречить статье 4-й, по которой японцы имеют право вводить войска во всю Корею для поддержания порядка или в случае волнений. Статья 5 в нашей прибавке также может вызывать большие затруднения при принятии ее. Прежде всего трудно разграничить, какие именно пункты будет Япония занимать с стратегическими целями, какие—без этих целей. Второе—это то, что Япония в *южной* части Кореи без занятия стратегической важности пунктов обойтись не может. В-третьих, мы статьею 8 уже разрешаем Японии вести желез. дорогу от Сеула до Ялу (у Виджу). Это есть наибольшее из всех предприятий, имеющих стратегический характер. Но все же в северной части Маньчжурии, если мы значение статьи 5 ограничим 39 параллелью, мы можем наблюдать, чтобы японцы не заводили укрепленных пунктов, особенно вблизи нашей госуд. границы по Тюмень-улу. Но если гр. Ламсдорф берется провести всю 5 статью легче, чем проектированное ограничение мною 39 параллелью, то «я согласен примкнуть к его мне-

нию. Я сомневаюсь только в согласии японцев на наше требование относительно южной Маньчжурии.

Ввиду горячих споров я предложил представить государю два проекта ответа. Один, составленный и прочитанный нам гр. Ламсдорфом, где мы отказываемся от 6 статьи, но сохраняем 5-ю. Другая, редактированная мною, будет заключать в себе, примерно, следующее: 5-ю статью относительно стратег. пунктов мы будем редактировать так, что японцы и мы не будем иметь право вооружать какие-либо укрепления на побережье и гарантировать свободу сообщения по проливам. Но эта статья позволит японцам занимать с стратег. целью пункты внутри Кореи южнее 39 параллели. Статья 6-я будет редактирована так, что 39 параллель отделит нейтральную зону, в которую японцы будут иметь право вводить для поддержания внутреннего спокойствия свои войска только по соглашению с Россиею. Абаза преложил редактировать и третий случай, если государь, вместо 39 параллели, примет мнение Абазы о водораздельной линии бассейнов Ялу и Тумень-улу. Гартунг записал все наши суждения и должен завтра прислать нам проект заключения совещания.

Я говорил, между прочим, что, если война неизбежна, то нам надо оттянуть ее на 1 год 4 месяца (окончание Кругобайкальской жел. дороги и усиление Восточно-Китайской дороги). Если же этого нельзя, то хотя бы на 4 месяца, пока мне удастся послать все подкрепления.

Ламсдорф торопит с ответом, говоря, что дорог каждый час.

Относительно Маньчжурии я твердо ставил необходимость не соглашаться с предложением Японии, дабы мы обязались уважать территориальные права Китая в Маньчжурии. Я говорил, что если бы мы такую статью дали, то скоро вынуждены были бы ее нарушить.

Гр. Ламсдорф обещался и не допустить обсуждение этой статьи, выработав по Маньчжурии такую редакцию, в которой о территориальных правах Китая в Маньчжурии ничего не говорилось бы.

Все это меня не успокаивает.

20 января.

Вчера на большом бале в Зимнем дворце, гр. Ламсдорф говорил мне, что у него был японский посол Курино и умолял поспешить ответом на последние предложения Японии. Он говорил, что настроение в Японии дошло до такой степени возбуждения, что дорог каждый час. Просил ради возмож-

ности сохранить мир, умерить наши требования, написать ответ в приемлемом для Японии смысле. Ламсдорф ответил, что наше миролюбие Японии известно, что и Японии надо знать, что есть перед и этому миролюбию. Поэтому то от Японии будет зависить умерить свои требования. Согласились обменяться письмами, как Курино и Ламсдорф, но не как министры своих правительств.

Там же на балу долго со мной говорил Витте.

У него все на уме возврат к власти. Он рисовал в мрачном виде финансовое положение России ввиду предстоящих событий. Что рента упала до 98, что у нас финансового плана на случай войны не выработано. Что не думают: как надо поступить? Следует ли задержать золото? Какие произвести финансовые операции? Для него, Витте, важно выяснить: должны ли мы готовиться к войне только с Японией или после войны с Японией нам надо ждать войны европейской. Меры должны быть особые в том и в другом случаях. Говорил, что его надо с об'явлением войны призвать к власти. Иначе не справятся и испортят только то, что им сделано.

Спрашивал меня: когда я отправляюсь на Дальний Восток. Говорил, что он, Витте, лучше Алексеева справился бы с задачею командовать сухопутными силами. Говорил, что общественное мнение может вынудить на назначение меня командовать армиею на Дальнем Востоке.

Сегодня перед моим докладом у государя вышел от его величества Абаза. Когда я спросил его о новостях с Дальнего Востока, он с обычным важным видом ответил, что совершенно не понимает, почему волнуются мыслью о «какой-то» войне с Японией. По его мнению, такая война совершенно невозможна. Самое большее, если японцы «заберутся» в Корею. Он же хвастал, что ему удалось направить общественное мнение американцев в пользу России. Что поворот уже начался. Что теперь американцы основали свое «бюро прессы» в Петербурге не без участия его, Абазы. Разговор этот, кажется, слышал дежурный флигель-ад'ютант гр. Шереметев.

Государь доволен вчерашним балом. Рад, что государыня могла показаться публике. «А то,—прибавил государь,—бог знает, что про нее рассказывали».

21 января.

Вчера поздно вечером гр. Ламсдорф прислал мне проект ответной ноты японскому правительству, предварительно

одобренный государем, но по которому требовалось и мое заключение. 6-я статья о нейтральной зоне исключается. Статья 5-я о том, чтобы никакая часть Корейской территории не занималась с стратегическими целями, отстаивается. По Маньчжурскому вопросу указывается на уважение прав Японии, приобретенных по договорам с Китаем наравне с другими державами, но вместе с тем требуется признание Японией, что Маньчжурия с ее побережьем стоит вне сферы ее интересов. Я ответил, что не имею замечаний.

25 января.

Вчера государь выразил первый раз тревогу по поводу возможной войны с Японией. Вместо обычной уверенности, что войны не будет, с некоторым раздражением сказал мне: «Надо скорее выяснить вопрос о войне, воевать так воевать; мир так мир, а эта неизвестность становится томительною».

Предоставил по моему докладу наместнику об'явить мобилизацию и другие меры.

Вечером (в 12 часов ночи) получил письмо Ламсдорфа с извещением, что им получена нота японского посланника о том, что ему приказано со всею миссиею покинуть Петербург. Государь приказал отозвать и нашу миссию из Токио.

Сегодня Ламсдорф приложенным к сему тому письмом извещал меня и подтвердил при моем свидании словесно, что отозвание посольств не означает еще, что война неизбежна. Опасается, чтобы, как он пишет, *наши герои* на Дальном Востоке не увлеклись внезапно каким-нибудь инцидентом и не вызвали войну.

Кн. Оболенский, с которым я также виделся сегодня, смотрит на дело мрачнее и высказывает мнение, что отозвание посольства есть тревожный признак. Ламсдорф и Оболенский полагают, что война может начаться без торжественного об'явления ее.

Сейчас получил от государя записку следующего содержания:

«Завтра, 26 января, у меня соберется совещание в 11½ час. по вопросу относительно того: следует ли нам разрешить высадку японцев в Корее или принудить их силою к отказу от замысла. Прошу вас приехать к этому часу».

Николай.

Повидал вчера же Авелана. Считает, что силы наши достаточны, чтобы атаковать японский флот. Броненосных кораблей у них столько же, но есть и старого типа. Крейсеров малых больше, но малые плохи и будут привязаны к берегам. Минный флот у них сильный. Мы технически и по составу сильнее, но Авелан выразил сомнение в способности адмирала Старка вести самостоятельно такую огромную морскую операцию. Говорил, что Старк исполнителен и знает дело, но лишен инициативы, что хорошо, если бы Алексеев сам повел флот. На мой вопрос: почему же, имея таких адмиралов как Скрыдлов, Бирилев, Рождественский, Макаров, Дубасов, вверяют почти весь наш флот неспособному Старку. Авелан сказал, что личный состав флота определяет сам Алексеев. что он просил Бирилева, но Бирилев отказался из-за характера Алексеева: «По долгу присяги,—говорил он,—заверяю, что через два месяца я вынужден буду уехать». По тем же причинам не могут ехать Рождественский и Дубасов.

Авелан считает, что Алексеев может препятствовать высадке на всем западном побережье и даже противиться несколько высадке в Фузане. Что три крейсера из Владивостока могут при высадке у Фузана принять участие в бою.

Видел вечером и Рождественского. Считает, что наш флот может атаковать японский флот. противясь десанту только на западном берегу Кореи и то с высоты Чемульпо. Что и у Чемульпо неудобная местность (много закрытий для нечаянной атаки) для большого морского боя. Не хвалит Старка. Жалуется, что Вирениус идет слишком медленно со своей эскадрою. Выдумывает предлоги для замедления хода. Собирался возвратиться обратно. Он. Рождественский, с радостью принял бы эту эскадру.

---

26 января.

Сейчас возвратился с заседания у государя по его записке ко мне от вчерашнего числа. Участвовали в совещании: вел. кн. Алексей Александрович и Авелан. Были приглашены: Ламсдорф и я. Абаза был за делопроизводителя. Ничего не говорил, но ему поручено было составить (на основании суждений совещания) о решении государя депешу г.-а. Алексееву.

Государь обратился прежде всего ко мне. Я изложил возможно кратко мнение местного начальства о совместном действии флота и сухопутных сил, если Япония вздумает об'явить нам войну. В сентябре (октябре) когда составляли план стратегического развертывания наших сил в южной

Маньчжурии, Алексеев принимал, что флот наш не может потерпеть поражение и поэтому высадка японцев невозможна севернее Чемульпо на западном берегу Кореи. При этом мы могли ожидать подхода японцев к линии Восточно-Китайской жел. дороги в южной Маньчжурии только на третий месяц. Этого на месте казалось достаточно, чтобы организовать отпор.

Но уже депешею от 20 сентября (№ 75) Алексеев сообщал содержание своей депеши, в которой просил разрешения оказать противодействие открытою силою высадке в Чемульпо, Цинампо или в устье Ялу. Ныне ввиду непрерывной деятельности японцев 21 января Алексеев вновь повторял свою просьбу о разрешении ему решительных действий наших морских сил в тех же пределах. В сухоп. отношении и я признал, что теоретически эти действия очень необходимы, ибо в противном случае японцы слишком быстро дойдут до Ялу и могут вторгнуться в Маньчжурию до нашей готовности их встретить. Доложил расстояние от Фузана до Чемульпо, до Пеньяна, до Ялу, до Генсана, до Пеньяна. Показал важность, дабы высадка совершилась южнее. Затем я в кратких словах очертил, как осторожно действовали японцы 10 лет назад с китайцами в Корее, как высадку в Ялу предприняли лишь разбив китайский флот 17 сентября. Ранее высадили в Цинальто и в Генсане лишь по бригаде, чтобы атаковать Пеньян. Будут осторожны и теперь У них должны быть два плана. Один—занять Корею и по возможноси избежать с нами войны. Другой—об'явить нам войну и, не ограничиваясь Кореею, перенести войну в Маньчжурию. В первом случае будет невыгодно, если мы сами откроем военные действия и этим ввяжемся в войну из-за Кореи, чего государь не хотел. Во втором случае надо принять все меры, дабы использовать наши морские средства. Помешать дессанту на восточном берегу у Генсана мы не можем. Не надо и мешать. Выгоды большие. Вероятно там сделают высадку. Оттуда до Пеньяна 130 верст. Выгадают много. В Фазане трудно мешать. Не уверен, могут ли наши моряки помешать высадке в Чемульпо. Очень удобная местность для обороны, очень неудобная для атаки: много случаев действовать миноносцами. Это дело моряков. Но надо, во что бы то ни стало помешать высадке севернее Чемульпо.

Прочел письмо Сахарова ко мне. в общих выражениях то же.

Государь открыл заседание краткою речью, в которой высказал, что он желает знать наше вполне откровенное мне

ние, какого образа действий надо нам держаться. Воспретить ли нам силою высадку японцев в Корею и, если воспретить, то в каком районе? Так ли, как я давал ранее указание наместнику, чтобы он смотрел сквозь пальцы, если японцы высадятся к югу, начиная от Чемульпо, или иначе. Не следует ли решиться атаковать севернее Чемульпо?

Гр. Ламсдорф говорил после меня. Указал, что он согласен с выраженным мною мнением (выше не записанным), что если только есть какая-либо возможность избежать войны, то этим надо воспользоваться. Действительно японцы поступили опрометчиво. Они нам дали большой шанс, так резко прервав сообщения. Против них становится Европа и Америка. Он, Ламсдорф, начинает получать в этом смысле депеши. Мы имеем право всего ожидать от японцев. Они должны иметь свой план. Вероятно, на этих днях они выкинут что-либо очень необычайное. Но все же надо принять все меры, чтобы избежать войны, чтобы войну начали сами японцы

Алексей Александрович говорил следующее: он согласен с моим мнением, что допускать десант севернее Чемульпо нельзя. Очевидно, японцы задаются не только захватить Корею, но имеют виды и на Маньчжурию. Говоря с морской точки зрения, но считает опасным разбрасываться. Это неосторожно. Поэтому нам помешать высадке на восточном берегу нельзя. Если пойдут на Сеул (Чемульпо), то нам можно выдержать. Государь перебил его словами: «От Чемульпо к югу—пускать». Ал. Алекс. не думает, чтобы они пошли на морское сражение. Скорее будут высаживаться (это было сказано в возражение моему мнению, что японцы ранее высадки на нашем берегу должны атаковать наш флот). Если сделают высадку в Корейском заливе, то надо атаковать.

Ламсдорф снова вставил слово о необходимости избежать войны. Государь ответил: «разумеется». Но на слова Ламсдорфа о посредничестве сказал с печалью: «поздно», если захотят мирить нас. Японцы уже высказали мнение, что они не примут посредничества. Они действовали теперь «глупым образом», закончил государь. Авелан сказал несколько слов о трудности противиться высадке на восточном берегу. Когда государь пробовал резюмировать, Абаза вмешался два раза неудачно. Первый раз предложил послать условную депешу, допускающую для наместника полную свободу действий. Второй раз на мое мнение, что желательно, чтобы Алексеев лично повел эскадру, Абаза заметил, что у Алексеева было мнение о переезде к острову Цусима (в Корейском проливе), откуда он может руководить действиями флота. Я просил

посылать депешу вполне определенную, согласованную и с ранее высказанным государем мнением и согласную с мнением генерал-адмирала, т.-е. запретить Алексееву начинать военные действия южнее 38 параллели. Предложили редакцию: «Если японцы сами не начнут военных действий флотом или десантом. Алексеев не должен допускать высадки японцев на западном берегу Кореи севернее 38 параллели. Высадку в южной Корее и в Чемульпо допускать. На восточном берегу допускать. Если войска японские будут продвигаться в северную Корею, то это не считать за начало военных действий и их туда допускать».

Государь приказал телеграфировать категорично, к исполнению. Мнения наместника не запрашивать.

Государь в заключение выразил мнение, что если бы наш флот разбил японский, то этот урок, вероятно, прекратил бы возможность войны, ибо прекратил бы возможность высадки.

28 января.

26-го в 10½ час. вечера, на вечеру у ген. Лобко, Витте передал мне известие, полученное от ком. агента, что японцы напали неожиданно на наш флот в Порт-Артуре и утопили два броненосца и один крейсер. Поехал к Авелану. В полночь он еще не знал ничего. Утром 27 узнали, что нападение было, но не потоплены, а пробиты «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада», лучшие суда. Впечатление тяжелое. Моряки говорили, что прозевали. Стояли без сетей. У «Цесаревича» их не было.

На докладе 27 числа государь был бледен, но спокоен. Был и Сахаров. Докладывал по юго-западному фронту. Все мои предположения утверждены. После ухода Сахарова государь передавал мне подробности полученных им известий. Возмущался поведением японцев.

В 4 часа был выход во дворце по случаю начавшейся войны и благодарственное служение. После молебна, при проходе государя по залам, гремело «ура!».

При докладе 27-го подал государю список лиц, кои могли бы командовать Маньчжурскою армиею при подчинении Алексееву, ибо он будет иметь права главнокомандующего. В список поместил: Леневич, Сухотин, Сухомлинов, Сахаров, Бильдерлинг, Пузыревский, Каульбарс, Гродеков, Гриппенберг, Куропаткин.

Сегодня был снова с докладом у государя. Поднес на подпись указ о мобилизации сибирского военного округа и

пяти уездов казанского. Выставляют с наместничеством 110.000 человек.

Сегодня же государь подписал указ о предоставлении Алексееву прав главнокомандующего и согласился временно назначить Леневича командующим Маньчжурскою армиею. Очень колеблется. Спрашивал: не годится ли Любовицкий. Ответил, что начал разваливаться.

Вчера получили сведения, что японцы бомбардировали Порт-Артур. Батареи и эскадра отвечали. Около часу длился огонь и эскадра ушла. У нас четыре раненых судна, в том числе «Аскольд» и «Новик», которые были со мною в течение одного месяца в водах Дальнего Востока. У нас за два дня до 100 убитых и раненых. На батареях сухопутного ведомства, кажется, три убитых и 8 раненых. Повреждения незначительны. Кажется, наш флот нравственно несколько угнетен. Моряки в Петербурге неприлично ругают Алексеева и Старка.

Сегодня в 4 часа по полудни Скрыдлов по телефону взволнованным голосом передал мне, что он только что из дворца, где представлялся молодой государыне, стал перед нею на колени и умолял назначить меня главнокомандующим сухопутными силами на Дальнем Востоке. Государыня ответила, что будет двоевластие. Скрыдлов ответил, в свою очередь, что Алексеев ничего не понимает и может испортить дело. Сейчас гр. Сольский прислал мне письмо, в котором пишет, что по дошедшим до него сведениям я уезжаю на этих днях на Дальний Восток.

2 февраля.

Третьего дня у меня обедал С. Ю. Витте. Очень возбужден. Продолжает говорить о необходимости сменить адм. Алексеева. Бранил порядки во флоте. Рассказывал, что кн. Мещерский был в пятницу у государя и на коленях умолял послать на Дальний Восток меня. Государь не соглашался заменить Алексеева. Витте рассказывал, что государь предлагал Мещерскому быть мин. народн. просвещения. Отказался. Указал на г.-м. Шильдера, директора Псковск. кадетского корпуса.

Вчера приезжал ко мне ад'ютант адм. Авелана. Критиковал действия флота в Порт-Артуре. Рассказывал, что в минуту атаки «Цесаревича» командир пировал на берегу по случаю своих именин. Говорил, что во флоте меры на случай войны принимались только до 25 декабря. Затем совершенно ослабели. Говорил, что моряки хотят теперь моего назначе-

ния. Макаров едет принимать эскадру. Рождественский не едет, ибо эскадра Вирениуса возвращается домой. Будут усиливать ее. Из Порт-Артура отрывочные сведения о готовящихся вылазках. От разъездов казачьих узнают, есть или нет (суда?) неприятельского флота у берегов. Суетятся. 29 взлетел на воздух «Енисей», натолкнувшись на свою мину. Погибло более 90 человек. Погибли в Чемульпо «Кореец» и «Варяг». Погибли доблестно. Ход «Корейца» был 13 узлов; «Варяга»—23 узла.

7 февраля.

Государь сегодня на докладе говорил мне, что из двух представленных ему указов на подпись: один о назначении меня командующим армиею с оставлением в звании военного министра, другой—с назначением командующим Маньчжурской армиею, он не знает который подписать. Боится, что если через несколько месяцев он остановится в выборе на должность военного министра, то это будет как бы разжалованье меня уже при командовании армиею. Затем государь сказал мне: Я хочу быть с вами, Алексей Николаевич, совсем откровенным. Помните наш разговор, кажется, в августе перед поездкою в Либаву. Вы тогда высказали мнение, что при назначении вас в Киев желательно дать вам титул главнокомандующего. Я теперь пришел к заключению, что так и надо сделать. Когда, уверен, со славою возвратитесь к нам с войны, я вас и назначу главнокомандующим войсками киевского в. округа с подчинением вам войск, входящих в состав юго-западного фронта.

Затем относительно заместителя меня, государь сказал, что он думает взять Лобко. «Вы так много сделали и так энергично по военному министерству работали, что требуется, быть может, временно приостановиться и укрепиться в том, что мы сделали. Лобко для этого будет хорош». Относительно нач. гл. штаба Сахарова государь выразился, что он доволен им как начальником главного штаба, но что в министры он не годится. Относительно Киева сказал, что Драгомиров просил на коленях не назначать в Киев Пузыревского. Просил уважить эту просьбу ради всей его, Драгомирова, службы.

Вернувшись домой я отправил государю письмо, в котором просил назначить меня командующим армиею без прибавления титула военного министра. Писал, что так будет удобнее для Алексеева и проще для государя.

Приложение к № 19.

Ген.-л. Леневич 65 лет.
„ „ Сухомлинов 56 лет.
Ген.-ад. Сахаров 56 лет.
Ген.-лейт. Сухотин 57 лет.
Ген.-от инф. Бильдерлинг 58 л.
„ „ „ Каульбарс 60.
„ „ „ Пузыревский 59.
„ „ „ Гродеков 61.
„ „ „ Гриппенберг 66.
Ген.-ад. Куропаткин 56.
Вел. кн. Николай Николаевич [1]).

Этот список был представлен мною государю во вторник 27 января, как материал для избрания *команд. Маньчжурскою армиею* под начальством Алексеева.

Куропаткин.

$19\frac{30}{1}04$.

---

[1]) Имя вел. кн. Николая Николаевича зачеркнуто Куропаткиным в подлиннике, что оговорено в копии особым примечанием. *Прим. редакции.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

Абаза, Александр Аггеевич (ум. в 1895 г.),—был членом совета министерства финансов; в 1871—1874 г.г.—госуд. контролером, затем председателем департамента государственной экономии Госуд. Совета. В 1880 г. был назначен министром финансов, но в 1881 г. вышел в отставку вместе с Лорис-Меликовым.

Абаза, Алексей Михайлович,—ген.-майор, контр-адм., управляющий делами, член Особого Комитета по делам Дальнего Востока.

Авелан, Федор Карлович,—вице-адм., в 1902—3 г.г. начальник главного морского штаба, после смерти Тыртова—управляющий морским министерством.

Александра Иосифовна,—вел, кн., жена вел. князя Константина Николаевича, брата Александра II.

Александр Михайлович, — вел. кн., сын Михаила Николаевича — брата Александра II, главно-управляющий торговым мореплаванием и портами.

Алексеев, Евгений Иванович,—ген.-адм., вице-адм., главный начальник и командующий войсками Квантунской области и морскими силами в Тихом океане; в 1903 г. в чине адмирала назначен наместником государя на Дальнем Востоке. Во время войны с Японией был назначен главнокомандующим сухопутными и морскими силами России. В конце 1904 г. вместо него был назначен главнокомандующим ген. Куропаткин.

Алексей Александрович,—вел. кн., брат Александра III, ген.-адм., ген.-ад. главный начальник флота и морского ведомства, чл. Гос. Сов.

Андроников,—князь, камер-юнкер.

Афанасович, Виктор Константинович,—ген.-лейт., командир 22 пех. дивиз.

Балмашев, Степан Валерианович,—член «Боевой организации» партии социал.-революционеров. Б. убил мин. вн. дел Сипягина 2 апреля 1902 г.

Бахметьев, Георгий Петрович,—камергер, д. ст. сов., дипломат. агент в Болгарии.

Безобразов, Александр Михайлович,—действ. ст. сов., ст.-секр., член правления «Русского лесопромышленного товарищества», созданного в 1901 г. на средства казны, которое приобрело от корейского правительства концессию на рубку леса по р. Ялу. В 1896 г. Б. подал докладную записку, в которой излагал свое мнение о необходимости приобретения казною концессий от корейского правительства на рубку леса по Ялу. Тогда этот проект не был принят, но позднее было сорганизовано означенное товарищество. В 1903 г. Б. был назначен членом Особого Комитета по делам Дальнего Востока в звании ст.-секретаря.

Бенкендорф, Александр Константинович,—граф, гофмейстер, действ. ст. сов., посол в 1902 г. в Копенгагене и с 1903 г.—в Лондоне.

Бенкендорф, Павел Константинович,—граф, свиты его вел. ген.-майор, гофмаршал.

Бирилев, Алексей Алексеевич,—адм., в 1905—7 г.г. морской министр.

Вильдерминг, Александр Александрович,—ген. от кав., командир 17-го арм. корпуса, с которым был послан на войну на Дальний Восток.

Бобриков 2-й, Георгий Иванович,—ген. от инф.

Боголепов, Николай Павлович,—мин. нар. просв., убит в 1901 г. Карповичем

Бомпар,—французский посол в России.

Валь-фон, Виктор Вильгельмович,—тов. мин. вн. дел., командир корпуса жандармов.

Васильев, Георгий Робертович,—ген.-лейт., нач. штаба войск гвардии.

Величко, Константин Иванович,—ген.-м., член инженерного комитета.

Витте, Сергей Юльевич,—министр финансов. В 1903 г. В. Получил отставку и был назначен председателем совета министров.

Вирениус,—к.-адм., пом. нач. главного морского штаба.

Власов, Петр Михайлович,—д. ст. сов., посланник в Тегеране.

Владимир Александрович,—вел. кн., брат Александра III, чл. Гос. Сов., член Комитета министров.

Вогак, Иполит Константинович,—контр-адм., младш. флагм. балтийского флота.

Вогак, Константин Иполитович,—генерал. штаба ген.-м., военный агент в Китае.

Волков, Владимир Сергеевич,—ген.-лейт., пом. командующего войсками Квантунской области.

Вонлярлярский, Александр Михайлович,—д. ст. сов., пом. ст.-секретаря Гос. Совета.

Вонлярлярский, Николай Михайлович,—ген.-лейт., командир 5-го арм. корп.

Гершельман, Фёдор Константинович,—ген.-м., нач. штаба варшавск. военного округа.

Гессе, Петр Иванович,—ген.-ад., ген.-лейт., дворцовый комендант.

Гирш, Густав Иванович,—д. ст. сов., лейб-хирург.

Голицын, князь Кавказский, Григорий Сергеевич,—ген.-ад., ген. от инф., командующий войсками и главноначальствующий гражданской частью на Кавказе.

Голицына, Мария Михайловна,—светлейшая княгиня, статс.-дама.

Гриппенберг, Оскар-Фердинанд Казимирович,—ген. от инф., командующий войсками виленского военного округа.

Гродеков, Николай Иванович,—ген. от инф., чл. Гос. Сов. С 1898 г. по 1902 г. был Приамурским ген.-губернатором, командующим войсками приамурского военного округа.

Дессино, Константин Николаевич,—ген.-м., русский воен. агент в Китае.

Драгомиров, Михаил Иванович,—ген.-ад., ген. от инф., ген.-губ. киевский, подольский и волынский. Военный писатель.

Дубасов, Фёдор Васильевич,—в.-адм., председатель морского технич. комит.

Драга,—королева Сербии, жена короля Александра I.

Елизавета Федоровна,—вел. княгиня, жена вел. кн. Сергея Александровича, сестра императрицы Александры Федоровны.

Жилинский, Яков Григорьевич,—ген.-м., ген.-квартирмейстер главн. штаба.

Заботкин, Дмитрий Степанович,—ген.-м., чл. инженерн. комитета в 1887 г.

Закржевский, Николай Иосифович,—ген.-м., нач. штаба 5-го арм. корпуса.

Золотова,—молодая девушка, арестованная в 1902 году на станции Тихорецкой, была изнасилована охранявшими ее казаками. Рабочие Тихорецких железно-дорожных мастерских разгромили сторожку, станционное правление, ж.-д. станцию и избили полицию и казаков.

Зубатов, Сергей Васильевич,—начальник московского охранного отделения.

Иванов, Николай Иудович,—ген.-лейт., состоящий для поручений при генерал-фельдцейхмейстере.

Игнатьев, Алексей Павлович,—гр., ген. от кав., чл. Гос. Совета.

Извольский, Александр Петрович,—д. ст. сов., камергер. С 1897 г. по 1902 г. был посланником в Японии, затем переведен на пост в Данию. В 1906—10 г.г. был министром иностран. дел и, наконец, послом в Париже.

Кассини, Артур Павлович,—гр., гофмейстер, посол в Вашингтоне.

Катков, Михаил Никифорович,—публицист, редактор «Московских Ведомостей», и редактор-издатель журнала «Русский Вестник».

Каульбарс, Александр Васильевич,—барон, ген. от кав., пом. команд. войсками одесского военного округа.

Каханов, Семен Васильевич,—ген. от кав., командир 20-го армейск. корп.

Кирилл Владимирович,—вел. кн., сын Владимира Александровича.

Ковалевский, Владимир Павлович,—тайн. сов., тов. мин. финансов.

Константин Константинович,—вел. кн., сын Константина Николаевича—брата Александра II, ген.-майор, президент Академии Наук.

Копытов, Николай Васильевич,—вице-адм., старш. флагман балтийск. флота.

Коссаговский,—ген.-м., начальник казачьей бригады в Персии.

Кремер, Оскар Карлович,—ген.-ад., адмирал.

Крюков, Григорий Васильевич,—ген.-лейт., командир 19-го армейск. корпуса.

Ксения Александровна,—вел. княгиня, сестра Николая Романова, жена Александра Михайловича.

Кладо, Николай Лаврентьевич,—морск.-писатель.

Курц, Степан Осипович,—ген.-м., 50-й пех. резервн. бригады в 1 корп.

Ламсдорф, Владимир Николаевич,—гр., д. т. сов., ст.-секр., мин. вн. дел.

Lansdown (Лендоун),—мин. иностр. дел в Англии.

Леневич, Николай Петрович,—ген.-лейт., командир 1-го сибирск. арм. корп.

Лессар, Павел Михайлович,—д. ст. сов., посланник в Пекине.

Лобко. Лев Львович,—ген. от инф., чл. Гос. Сов., государственный контролер.

Лорис-Меликов, Михаил Тариелович,—гр., министр внутр. дел в царствование Александра II (умер в 1888 г.).

Любовицкий, Юлиан Викторович,—ген. от инф., командир 9-го арм. корп.

Маврин, Алексей Александрович,—ген.-м., ген.-квартирмейстер киевского военного округа.

Мадритов,—подполк., числившийся в штабе Алексеева.

Макаров, Степан Осипович,—в.-адм., командир и губернатор Кронштадтского порта; был назначен командующим флотом Тихого Океана. Погиб на броненосце «Петропавловск» во время русско-японской войны.

Мария Павловна,—вел. княгиня, жена вел. кн. Владимира Александровича.

Мария Федоровна,—вдовствующая императрица, жена Александра III.

Мейендорф, Феофил Егорович,—барон, ген.-ад., ген. от кав., командир 1-го армейского корпуса.

Меншиков, Александр Сергеевич,—кн., ген.-ад., адм. (ум. в 1869 г.). Во время войны 1853—56 г.г. был главнокомандующим в Крыму.

Мещерский, Владимир Петрович,—кн., камергер, публицист, редактор-издатель газеты «Гражданин», сотрудник «Московских Ведомостей», «Русского Инвалида» и др.

Милютин, Дмитрий Александрович,—граф, ген.-фельдмаршал, чл. Гос. Сов., деят. эпохи, так называемых, великих реформ, быв. воен. министр (выш. в отставку в 1881 г.

Михаил Александрович,—вел. кн., наследник престола, брат Николая Романова.

Мосолов, Александр Александрович,—свиты ген.-майор.

Муравьев, Михаил Николаевич,—граф (ум. в 1901 г.). В 1897 г. был назначен министром иностранных дел.

Муравьев, Николай Валерианович,—ст.-секр., д. т. сов., министр юстиции.

Мусин-Пушкин, Александр Иванович,—ген.-ад., ген. от кав., команд. одесского военного округа.

Набоков, Дмитрий Николаевич,—ст.-секретарь, чл. Гос. Сов., был министром юстиции с 1878 г. по 1885 г.

Нарышкин, Кирилл Анатольевич,—капитан, флигель-ад'ютант.

Нечаев, Сергей Геннадиевич,—революционер, как убийца студента Иванова (в 1869 г.) был выдан в октябре 1872 г. швейцарским правительством России и судим в 1873 г. 12 января в московском окружном суде; приговорен к 20 годам каторжных работ; был заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где и умер в 1883 г. от чахотки.

Новиков, Евгений Петрович,—д. ст. сов., чл. Гос. Сов. (ум. в 1903 г.). Был посланником в Афинах, Вене и Константинополе.

Николай Николаевич,—вел. кн., сын вел. кн. Ник. Ник. старшего, брата Александра II, ген.-ад., ген. от кав., генерал-инспектор кавалерии.

Оболенский-Нелединский-Мелецкий, Валентин Сергеевич,—кн., штальмейстер, тов. министра внутренних дел.

3174